АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 2 (29)
февраль, 2019

Содержание журнала для лиц старше 16 лет
16+
Содержание журнала для лиц старше 16 лет

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами февральский номер литературно-исторического журнала «Александръ». 15 февраля 1989 года последний советский солдат вернулся на родину из Республики Афганистан. Нынешний номер журнала посвящён Афганской войне, и это закономерно, ведь войны в современном мире не прекращаются и в них гибнут лучшие сыны Отечества.

Война в Афганистане не принесла нашей стране ни почестей, ни славы. Для родных и близких тех, кто погиб, Афганская и последующие локальные войны не закончились. Они остаются кровоточащей раной, которую даже время исцелить не в состоянии. Мы все в долгу перед ними, вечном и неоплатном. Отрадно, что за последние годы кардинально поменялось отношение россиян к Афганской и Чеченской войнам. Пришло понимание, что погибшие солдаты не просто жертвы, а воины, отдавшие свои жизни за Родину и близких людей. Существенно и то, что если в Афганскую войну и в начале Чеченской зачастую погибали ребята, проходившие срочную службу и не всегда полностью подготовленные к боевым действиям, то в 2000-е годы – профессиональные военные, знающие, за что сражаются.

Армия никогда не бывает вне политики в том смысле, что выполняет свойственные ей функции после принятия соответствующего решения руководством страны. У солдат нет выбора – выполнять или не выполнять приказ. Наши воины в Афганистане, Чечне, Дагестане, Сирии не были оккупантами, и жертвы, принесённые на алтарь этой войны, какими бы они ни были тяжёлыми, не напрасны. Ценой своей жизни и крови участники боёв в Афганистане продемонстрировали верность Отчизне и присяге, сделали невозможным повторение в будущем подобной авантюры, чем спасли жизни многим и многим соотечественникам.

Немаловажное значение в современной России имеет патриотическое воспитание подрастающего поколения, а ребята, «прошедшие дорогами Афгана», являются настоящими героями нашего времени. Это ещё одна из причин своевременности выхода такого номера, поскольку истории жизни воинов, описанные в журнале, могут послужить примером для нынешней молодёжи.

Анатолий ТРУБА,

ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ, БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ!

Время неумолимо. Прошло тридцать лет после того, как наши войска покинули Афганистан.

Раздираемая междоусобицами азиатская страна стала последним приютом для пятнадцати тысяч российских парней, которые навсегда остались там, «за речкой». 15 февраля мы поминаем каждого из них и тех, кто ушёл уже в мирное время. От ран, болезней, мучительных воспоминаний.

Время не лечит. Оно, как анестезиолог, ежедневными заботами, обыденными хлопотами, рутиной прикрывает и относит на задний план и горечь потерь, и боль утрат, и лёгкую тоску по годам боевой молодости. Мы всё реже просыпаемся от ночных кошмаров, возвращающих нас в афганский зной. Но пока жив последний из нас, мы будем помнить. И передавать по наследству, как драгоценный дар, память о боевых товарищах, о нашей афганской юности. И цветы к подножию монументов и памятников нашим однополчанам несут уже наши внуки.

Афган... Эти горы, словно выкрашенные сепией, – памятник советскому солдату. Эти афганские ущелья, в которых сражались наши парни, отдавали свои жизни ради товарищей и командиров, стоят в одном ряду с Куликовым полем, Шипкой, Севастополем, Берлином...

Не важно, когда и в какой стране погибали солдаты. Ведь воинский подвиг не переосмысливается и не переоценивается с годами, со сменой власти или экономического курса. Он – ценность абсолютная, вечная. Воинский подвиг – это нравственный капитал всего человечества...

А потому российский след на афганской земле останется навсегда.

Искренне ваш
Александр РАЗУМОВ,
председатель Центрального правления
Российского союза ветеранов Афганистана

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).
Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 2 (29), февраль 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.02.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск»,
393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

К ПАМЯТНОЙ ДАТЕ
6 Юрий Тухаринов. Русский снег

ТЕМА НОМЕРА
9 Борис Громов. Афганская тема

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ
16 Владимир Кошелев

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС
19 Александр Сухачёв. Афганское перепутье

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
29 Анатолий Труба. «Разберёмся! Ты ни о чём не переживай!»

ПРОЗА
Сергей Мильшин
32 Побег из плена
43 Афганская сказка

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ
50 Сергей Холодов. Русский десантник против Панджшерского Льва

ЧЕСТЬ ИМЕЮ
56 Александр Никифоров. Десантник без парашюта

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ
59 Людмила Гейман. Никто, кроме нас!

ЖИТЕЙСКОЕ
63 Ксения Захарова. Афганские будни

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
66 В. В. Еремеев. 500 спецназовцев

ПАМЯТЬ
Александр Ралот.
74 Тихая служба
76 Вторжение в «страну ариев»
79 Голуби мира

ЗАВЕТАМИ ПРЕДКОВ
81 Игорь Мартынов. Сохранить память народа – сохранить Россию

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ
84 Алёна Морозова
86 Валентина Дорожкина, Геннадий Шеховцов, Василий Левашов
87 Борис Уранов
Марина Данилкина

РУССКИЙ МИР
88 Восточнославянская цивилизация: история и перспективы

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»
91 Воспитывая патриотов
92 Мичуринские ветераны

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
94 Памяти павших

РУССКИЙ СНЕГ

РАССКАЗЫВАЕТ ПЕРВЫЙ КОМАНДИР 40-Й АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК Ю. В. ТУХАРИНОВ

В сентябре 1979 года я прибыл из Забайкалья в Ташкент. Получил повышение по службе – стал первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. Сразу с головой окунулся в работу, много ездил, летал.

Особых разговоров об Афганистане у нас тогда не было, хотя, как и всех советских людей, нас, военных, волновали события в этой стране. Это был интерес, если так можно сказать, обычного уровня. С военной стороны, подчёркиваю, нас, офицеров и генералов штаба округа, больше занимали другие, привычные для этой поры заботы – итоговая проверка, парад, подготовка к новому учебному году.

Но вот 12 или 13 декабря (не помню точно) меня вызвал командующий войсками округа генерал-полковник Ю. П. Максимов. Он сказал, что предположительно намечается с целью интернациональной помощи ввести наши войска в Афганистан, и предложил ознакомиться с планом ввода. С этого дня дома я почти не бывал. Ознакомившись с планом, вылетел в район Термеза готовить войска к предстоящему вводу. И всё же теплилась, признаться, надежда, что до этого дело не дойдёт...

Костяк управления и штаба нашей 40-й армии сложился из офицеров и генералов штаба и служб Туркестанского военного округа. Как первый заместитель командующего войсками, я стал командармом; генерал-майор А. В. Таскаев, человек ещё фронтовой закалки, был назначен членом военного совета – начальником политотдела армии; генерал-майор Л. Н. Лобанов – начальником штаба; генерал-майор А. А. Корчагин – начальником разведки.

Бытует мнение, что развёртывание контингента велось в условиях строжайшей секретности под видом обычного учения. Это не так. По нашим военным меркам, подготовка к вводу войск в Афганистан велась почти открыто. На полигонах шла активная подготовка приписного состава, сколачивание подразделений. Особый упор делался на совершенствование маршевой выучки с учётом горной специфики региона.

Отмобилизование личного состава и техники прошло в целом нормально. Были, правда, единичные случаи неприбытия специалистов и машин из народного хозяйства, но эти недоразумения оперативно поправлялись. Предметную помощь нам оказывал штаб ТуркВО, возглавляемый в то время генерал-майором Г. Ф. Кривошеевым, тыловые службы округа.

Подготовка к вводу советских войск в Афганистан осуществлялась также в полной согласованности с руководством этой страны. Тут я могу сослаться хотя бы на такой пример. Утром, накануне перехода частями границы, я вылетел в Кундуз, куда должна была прибыть мотострелковая дивизия. Встречал меня начальник оперативного управления генерального штаба ДРА генерал-майор Бабаджан, специально прибывший по этому случаю из Кабула. Была у меня там встреча и со старшим братом Амина – Абдуллой Амином, осуществляющим общее руководство северными провинциями Афганистана. Встречи носили официальный, рабочий характер. Речь на них шла о размещении наших частей.

В районе Термеза между тем заканчивалась подготовка войск к переправе через Амударью.

Общий замысел сводился к тому, чтобы двумя маршрутами: Термез – Хайра-

тон – Пули-Хумри – Кабул – Газни и Кушка – Герат – Шинданд – Кандагар войти на территорию ДРА и таким образом опоясать кольцом наиболее жизненно важные центры республики. Части предполагалось разместить в них гарнизонами и тем самым создать условия для обеспечения жизнедеятельности Афганистана. Однако уже перед самым началом ввода план претерпел кое-какие изменения. Я получил приказ направить переправляющуюся первой дивизию не в Кабул, а в Кундуз. Ввод же второй дивизии – с кушкинского направления – осуществить несколько позднее.

Переходя границу, мы не намерены были ввязываться в боевые действия с отрядами противников режима, считалось, что само присутствие наших войск отрезвит мятежников. Наша военная помощь расценивалась тогда больше как моральный фактор поддержки народной власти.

Время «Ч» – переход советско-афганской границы – было намечено на 15 часов по московскому времени 25 декабря.

Надо сказать, с переправой через Амударью, по фарватеру которой проходит граница, первоначально было немало мороки. Амударья – река капризная, своенравная. Её песчаные берега легко размываются течением, река непрерывно меняет своё русло. Навести через неё понтонный мост было делом довольно сложным. Готовый к переправе военной техники, мост через какое-то время оказывался совершенно непригодным к этому – понтоны либо отходили от берега, либо садились на береговую мель.

Выход подсказали местные жители, показав свои приёмы укрепления берегов с помощью камыша. Мост возводился совершенно открыто. Это видели все. К назначенному времени всё было готово. На командный пункт армии прибыли первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов.

Вечерело. К урезу воды подошёл авангардный батальон мотострелкового полка

Генерал-полковник Ю. В. Тухаринов

на боевых машинах пехоты. Пограничникам вручены списки убывающего личного состава. Открыта граница. Колонна вступила на понтонный мост, пошла...

Конечно, я не представлял тогда, что этой самой минутой открывается длительная, растянувшаяся почти на десять лет так называемая афганская война. Мы думали, что наше пребывание в Афганистане будет временным, весьма недолгим, что оно принесёт облегчение дружественному нам народу. В ту ночь я не сомкнул глаз. Вслед за мотострелковым полком по мосту прошли танковые подразделения, переправился командный пункт дивизии, в готовности были другие части.

Со многими людьми, отправляющимися той ночью на афганский берег, я был мало знаком. Но офицеров дивизионного и полкового звена знал основательно. Для близкого знакомства с другими своими подчинёнными слишком невелик был срок моей службы в округе, тем более – в должности командарма.

Узнал я их уже в Афганистане, как говорится, в деле.

Утром поднялся на вертолёте в воздух. Колонны были в движении. Техника шла, оставшихся машин не было. Командный пункт дивизии застал в Ташкургане. Командир доложил обстановку на маршруте, после чего я уточнил решаемую дивизией задачу. Особых беспокойств первый этап марша не вызывал.

Через несколько часов мы сделали ещё один облёт войск, переправившихся через границу. На этот раз – с маршалом Соколовым. Первое приземление в Пули-Хумри, где расположилась одна из колонн дивизии. Хорошо помню эту картину. У колонны щебетали с нашими солдатами вездесущие афганские «бочата» – мальчишки. Возле командирской машины собрались люди постарше – бородатые старики, мужчины. В стороне стояли женщины. На лицах были доброжелательные улыбки, живой интерес к прибывшим «шурави».

Так было. Наши военные колонны с радушием встретил афганский народ. Я хочу однозначно сказать об этом. Кое-кто сегодня с недоверием, с усмешкой говорит о первых совместных субботниках, встречах дружбы, взаимном посещении делегаций... Но так было. Другое дело, что в дальнейшем ситуация изменилась. О причинах этого – разговор особый.

Световой день предназначался для отдыха, но мало кто успел тогда отдохнуть. Тут и общение с местным населением, и обслуживание техники, и масса других забот. Как я уже говорил, частям нашей передовой дивизии следовало продвигаться в направлении Кундуза. Но вечером, в 19:00, я получаю новую задачу – повернуть дивизию на Кабул. Пытаюсь связаться с командиром соединения – связи нет. Командный пункт, как оказалось, втянулся в горы, и связь временно была потеряна – горы экранируют радиоволны. Что делать? Когда КП выйдет на доступное для связи пространство? Минут через тридцать звонит маршал Соколов, интересуется, поставлена ли новая задача дивизии.

– Пока не поставлена, – отвечаю, – ввиду отсутствия связи.

– Дорогой товарищ! – слышу голос маршала. – Понесёте личную ответственность за срыв задачи!

– Так точно.

Маршал положил трубку.

Я, конечно, понимал всю меру ответственности, понимал и вытекающие из неё последствия... К 17 часам следующего дня (27.12.1979) дивизия должна быть в Кабуле. Связался с подполковником Касымовым, командиром авангардного полка. У того имелась связь с комдивом. Через него поставил новую задачу дивизии. В 20 часов её колонны двинулись на Кабул.

Наиболее трудным оказался этот, второй, переход. Здесь предстояло преодолеть высокогорный Саланг. За всё послевоенное время наши войска впервые осуществляли такой переход. Участок протяжённостью в 94 километра был отмечен на командирских картах как особо опасный. Ночью дорога обледенела. На подъёме буксовала колёсная техника, на спуске – гусеничная шла юзом...

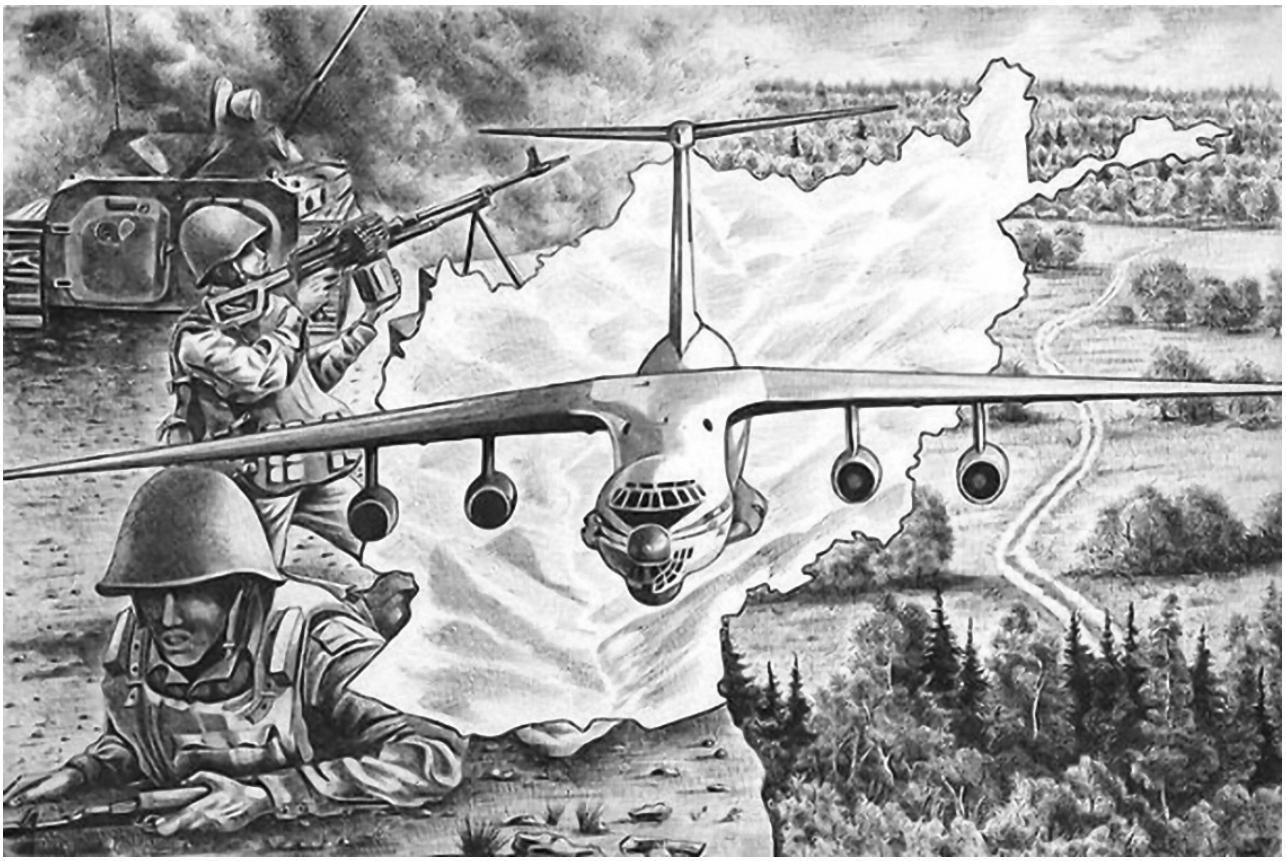
Тоннель – 2700 метров. Его вентиляция рассчитана на прохождение машин с карбюраторными двигателями. А тут пошла дизельная – БМП, танки. Образовалась загазованность. Вести технику водителям пришлось в противогазах.

К назначенному времени первое соединение армии было в Кабуле. 29 декабря двумя полками вошла в Афганистан ещё одна мотострелковая дивизия – через Кушку. Её части расположились в Герате и Шинданде. В последующем зона её ответственности расширилась до Кандагара. Я почувствовал некоторое облегчение, но, видимо, напряжение, трудности маршевых переходов не могли пройти просто так. Я выкуривал тогда по две пачки в день. Ходил чёрный. И вот 31 декабря – температура 39 с десятыми. Воспаление лёгких. Госпиталь. Но чуть оклемался – и в Кабул. В Афганистан в первых числах января нового 1980 года передислоцировался из Термеза штаб армии.

В Кабуле тогда выпал глубокий снег. «Русские принесли», – говорили афганцы.

«Красная звезда», 1989 г.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал №2 (29) февраль 2019



АФГАНСКАЯ ТЕМА

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Б. В. ГРОМОВА

По решению ЦК КПСС и Советского правительства, в строгом соответствии с Договором двух стран и Уставом ООН, советские войска в конце 1979 года были введены на территорию Демократической Республики Афганистан. Десятый год идёт война. Десятый год мирное население городов и кишлаков живёт в постоянном напряжении и страхе быть подвергнутым обстрелу, понести неоправданные потери. И вот мы уходим с территории дружественного нам Афганистана. И я чаще начинаю задумываться над тем, что мы дали афганскому народу, чаще вспоминаю о проведённых в Афганистане днях, месяцах, годах, а служу я там уже не один год. Сначала, в 1980–1982 годах, я был начальником штаба и командиром соединения, затем, в 1985–1986

Генерал-лейтенант Б. В. Громов

годах, – представителем Генерального штаба и вот сейчас, на заключительном этапе нашей миссии доброй воли, – командующим армией. Много пришлось летать, ездить, ходить по афганской земле. Нет такого уголка, части, подразделения, где бы я не был. Все решения по поводу боевых действий, которые принимал, согласовывал с командованием соединений и частей, руководством республики и вооружённых сил Афганистана. Только после того, как воочию на местности в конкретной обстановке убеждался в правильности принятого решения, отдавал приказ или боевое распоряжение.

Вспоминаю операцию «Магистраль». Подготовка к ней, да и сама она были не совсем обычны.

Прежде всего, тщательно изучались местность, система инженерного оборудования района обороны противника, подступы к ней и система огня. Особое внимание уделялось району перевала Сатэкундав, где противник готовился нанести решительный удар по нашим и афганским войскам. При выработке решения скрупулёзно изучался опыт проведения операций в годы Великой Отечественной войны на Кавказе, в Карпатах. Помню, больше всего как командующий и руководитель боевых действий в этой операции я беспокоился об обеспечении скрытности замысла боевых действий и внезапности нанесения мощного удара по противнику, ведь для проведения «Магистрали» привлекались как наши, так и афганские воинские подразделения, части и соединения. Утечка информации не исключалась.

Ведение боевых действий в горах имеет свои особенности. Вскрыть систему огня и обороны очень трудно. Искусственно устроенные оборонительные сооружения противника сложно отличить от естественного рельефа местности. В таких условиях надо было разгромить противника с наименьшими потерями для себя. Изучив район боевых действий, оценив возможности наших войск, войск Республики Афганистан и противника, мы приняли решение пойти на хитрость. Одним из пунктов коллективно выработанного плана предусматривалось: высадив десант на перевал, вскрыть систему обороны, огнём артиллерии и ударами авиации нанести поражение врагу, подавить огневые точки тяжёлого оружия и атакой мотострелковых частей и соединений завершить разгром.

Самолёты военно-транспортной авиации произвели выброску парашютистов в районе перевала Сатэкундав. На них мгновенно обрушился шквал огня. Заработали зенитные пулемёты, орудия. И в этот момент огневые позиции мятежников накрыл точный бомбоштурмовой удар афганской и советской авиации. Затем последовал артиллерийский налёт. За считаные часы была уничтожена вся система огня мятежников. Мы же не потеряли ни одного человека, так как десант был ложный.

Теперь о проблемах, с которыми пришлось столкнуться в Афганистане. Главной из них считаю проблему подготовки личного состава к ведению войны, перестройки сознания людей с мирного на военный лад, их психологической подготовки. Анализируя наши афганские будни, тяжёлые бои, постоянно думаю о том, как быстро, когда это необходимо, наши молодые воины, вчерашние учащиеся и студенты, рабочие и колхозники и даже так называемые металлисты и рокеры, в ходе службы проходят подлинную школу патриотизма и интернационализма и осознают реальную необходимость ожесточённой борьбы с врагом. Большая заслуга в этом наших офицерских кадров, политработников, партийных и комсомольских организаций. Любовь к Родине, к своему народу, верность воинскому долгу всегда отличали советского воина. Так было и в годы интервенции, и в годы Великой Отечественной войны, так будет и впредь. Мне кажется, что проявление именно этих качеств является главным, определяющим итогом тех испытаний, которые выпали на долю наших военнослужащих, проходивших службу в Афганистане.

Чтобы подтвердить это, я приведу пример геройского поведения солдат в бою. Расскажу о подвиге младшего сержанта В. Александрова и рядового А. Мельникова. За него они удостоены звания Героя Советского Союза.

7 января 1988 года по высоте 3234, где располагались позиции десантников под командованием гвардии старших лейтенантов С. Ткачёва и В. Гагарина, мятежники открыли массированный огонь из реактивных установок и миномётов. Обстрел продолжался 40 минут. Под его прикрытием одетые в чёрную униформу вооружённые группы душманов бросились в атаку, пытаясь обойти высоту с двух сторон. Первыми по врагу открыли огонь пулемётчики гвардии рядовой А. Мельников и гвардии младший сержант В. Александров. Противник откатился назад. Вскоре началась вторая атака, попытка обхода высоты уже с трёх направлений. И опять меткие очереди пулемётчиков отбросили мятежников. Спустя 1 час 10 минут последовала третья, самая ожесточённая атака. Меняя позиции, воины-десантники в упор расстреливали душманов, вызывая огонь на себя. Когда была отбита третья атака и выдалась небольшая передышка, воины собрались в тесный круг и точно так же, как наши бойцы под Сталинградом, провели короткое собрание. Десантники дали клятву: высоту не сдавать, сражаться до последнего патрона. В этот день было отбито ещё шесть атак врага. Вспоминая такие бои, невольно задумываешься, какая сила духа у наших ребят, какая сила воли и преданности военной присяге и боевому приказу!

Множество подвигов совершили наши воины в Афганистане. Порой ценой собственной жизни спасали своих товарищей.

В настоящее время много пишут, рассказывают об Афганистане. Эта тема как бы вышла из-за кулис недозволенности. Однако при чтении статей, просмотре передач становится обидно за наших воинов, и особенно за офицерский состав. Нередко проскальзывает мысль о бездарности и бездушии офицера-командира, узости его кругозора. Если и есть такие случаи, они единичны, и судить по ним обо всём офицерском корпусе нельзя.

В адрес командования и политического отдела приходит множество писем от родителей солдат со словами глубокой благодарности за воспитание сыновей.

Пишут о своих командирах и бывшие солдаты, просят отметить их в приказах, поощрить. Дружба между офицерами, прапорщиками, солдатами и сержантами, рождённая на афганской земле в сложной, опасной обстановке, живёт и после их возвращения на родину. Организуются встречи. Ребята, воевавшие в Афганистане, приезжают друг к другу в гости и в гости к родителям погибших друзей. Так, многие матери, потеряв своих сыновей, приобрели новых в лице их товарищей по оружию. Чтобы не быть голословным, приведу пример преданности солдат командиру.

Израненный Саша Корявин своим телом закрыл от вражеской пули командира. Что побудило его совершить этот поступок, равный подвигу, кем для него был офицер? Думаю, Саша понимал, что в создавшейся обстановке без командира жертв будет больше и лучше погибнуть одному, но спасти товарищей. Командир всегда примет верное решение, выполнит боевую задачу и убережёт

людей. Эти и только эти чувства владели воином, решившим пожертвовать собой.

Афганистан – страна горная. Здесь нет железных дорог. Почти всё необходимое для жизнеобеспечения и боевой деятельности войск доставляется автомобильным транспортом, и лишь необходимая часть грузов – авиацией. Доставка производится лишь двумя путями: Термез – Кабул и Кушка – Кандагар. Решено было охранять маршруты так, чтобы не было потерь ни в технике, ни в людях, ни в доставляемых грузах. За десять лет проводки колонн накоплен большой опыт, который, я думаю, будет изучен, обобщён и учтён при подготовке военных специалистов. А вот несение службы на заставах, изучение системы подбора и подготовки людей заслуживает внимания и сейчас. Из всего ограниченного контингента советских войск в Афганистане 30–35 процентов личного состава охраняло коммуникации и режимные зоны, т. е. несло службу на сторожевых заставах. А кто, где и когда, в какой программе боевой подготовки предусматривал обучение этому делу? Задуматься только: батальоны, полки задействованы для ведения этих боевых действий. Полтора-два года люди несут службу на господствующих высотах. На значительном удалении друг от друга, можно сказать, в окружении врага. Какая же должна быть психологическая совместимость у этой группы людей из 7–12 человек! Ведь кроме оборудованного укрытия для отдыха, что строится своими силами из подручного материала, техники и вооружения, больше ничего нет.

Запасы продуктов питания, воды, боеприпасов, дров и угля – всё доставляется бойцам на две недели, а порой и на месяц. О чём можно им говорить, чем жить эти долгие дни, недели, месяцы, годы? А люди живут, несут службу, выполняют боевые задачи. Подвергаясь нападениям, обстрелам, дают отпор врагу. Разве это не подвиг, не мужество и отвага, разве это не готовность переносить тяготы и лишения воинской службы? Именно в этой обстановке проявляется чувство коллективизма, завязывается дружба между воинами различных национальностей. В этом я усматриваю яркое проявление силы духа, психической устойчивости.

Боевые традиции дедов и отцов – какой большой смысл в них заложен! Вспоминая книги, фильмы о Великой Отечественной войне, невольно сопоставляешь эпизоды, отражённые в них, с нашей афганской жизнью. В Германии, в Трептов-парке, установлен памятник советскому солдату со спасённой девочкой на руках. На афганской земле тоже можно установить не один такой памятник. В Кандагаре, Гардезе, Газни, Багграме наши бойцы не задумываясь шли на помощь мирному населению, подвергая свою жизнь опасности, выносили из руин стариков и детей, оказывали им всяческую помощь: медицинскую, продовольственную, а также снабжали водой. Но не только в этом заключалась благородная миссия наших солдат. Воюя, они созидали. На истощенной, обожжённой войной, измученной земле Афганистана советскими людьми построено и

AFGHAN POST 1998
400
600
800
1000
1200
1500

75 POSTES AFGHANES ۷۵
USINE A HORTA DE EBRO
10.2.1989
KABOUL
DEPART
1989 ۱۳۶۵ نقاشی های پیکاسو
LES PEINTURES DE PICASSO
4 AFS LE VIEUX JUIF
6 AFS LES DEUX SALTIMBANQUES
8 AFS PORTRAIT DAMBROISE VOLLAR
22 AFS FEMME DE L'ILE DE MAJORQUE
35 AFS BATAILLE A LA BOULE

AGRICULTURE
1967 ۱۳۴۶
6 AFS
8 AFS
1 AF
POSTES AFGHANES

Из коллекции А. СЁМИНА

восстановлено: 84 школы, лицея и училища, 25 больниц, 26 детских садов, 326 жилых домов, 35 мечетей, 48 колодцев, 53 моста, 4 дизельные электростанции, пробурена 41 скважина, электрифицировано 6 кишлаков, прорыто и восстановлено 117 км каналов и арыков.

В сердцах наших солдат живёт беззаветная любовь к Родине. Она не только передаётся из поколения в поколение, но и формируется всей системой политического, военно-патриотического и нравственного воспитания. Испытывая гордость за принадлежность к Родине – СССР, воины-интернационалисты высоко несли честь и достоинство воина Страны Советов. Как и в годы Великой Отечественной войны, они проявляли образцы мужества и героизма. Лучше смерть, чем плен. Сотни примеров – свидетельство тому.

Группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Онищуком разбила караван с оружием превосходящего по силе противника. Вступила в неравный бой. Когда боеприпасы были на исходе и создалась угроза попасть в плен, старший лейтенант Онищук, младший сержант Исламов и рядовой Мурадов подорвали себя и душманов гранатами. И таких примеров можно привести немало.

Ведение боевых действий в афганских условиях имеет ряд важных особенностей. Горно-пустынный рельеф местности сковывает действия крупных сил. Применение современного оружия и техники затруднено. Боевые машины могут передвигаться только по дорогам, а они зачастую достаточно узкие, дорожное полотно пролегает среди скал, над пропастями. Учитывая это, душманы значительно увеличили применение мин и фугасов. Основную их часть они устанавливали заблаговременно на маршрутах вероятного действия наших и афганских войск. Как показал анализ, в основном минируются труднодоступные участки дорог, подъезды и подходы к водоисточникам, объезды, броды через реки, брошенные кишлаки, подходы к базовым районам и складам. Так, только за 1988 год инженерными войсками обнаружено, обезврежено и уничтожено 4882 противотанковые мины, 3800 противопехотных мин, 1162 фугаса.

Во время проведения операций «Магистраль», «Памир», при проводке колонны в ноябре-декабре 1988 года на Кандагар советские сапёры, работая, столкнулись с крайне тяжёлой минной обстановкой, обезвредили тысячи мин на дорогах Гардез – Хост, Файзабад – Кундуз, Шинданд – Кандагар. Целые участки дороги в несколько десятков, а порой и сотен метров подвергались сплошному минированию. Минная война заставляла нас менять тактику действий и структуру боевых порядков колонн. Так, в результате многих анализов и экспериментальных проверок была выработана ныне действующая структура отряда обеспечения движения.

Сегодня ещё рано подводить военные и политические итоги деятельности наших войск в Афганистане. Я и не пытаюсь делать это. Подлинные результаты нашего пребывания здесь покажет время. Видимо, ещё долго афганские события будут предметом пристального изучения политиков, военных историков и т. д. Но уже сейчас ясно, что боевой опыт, полученный в Афганистане, оплаченный кровью и потом наших солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, должен активно служить делу перестройки в войсках, делу повышения качества боевой выучки личного состава, обязательно учитываться в организации учебного процесса.

И ещё об одном хочется сказать. Теперь, когда афганская тема перестала быть закрытой, появилось много честных, объективных публикаций, но наряду с ними нет-нет да и увидишь материалы совсем другого рода. Кое-кто, «удостоив» на несколько дней своим посещением афганскую землю, берётся делать обобщающие выводы, пытается искусственно создать проблему «афганцев» в СССР, высвечивая и абсолютизируя некоторые отдельные негативные факты, очернить подвиг советских людей, с честью выполнивших свой интернациональный долг.

В связи с этим всё большую ценность приобретают выступления в печати самих участников событий, способных как никто отличить правду от вымысла, изложить собственное понимание афганской проблемы.

Владимир КОШЕЛЕВ

Владимир Михайлович Кошелев родился в семье военного лётчика. Окончил Калининское (Тверское) СВУ, Новосибирское ВВПОУ, Московскую государственную юридическую академию, РАГС при Президенте РФ (экономист-управленец), а также Литинститут имени А.М. Горького, где участвовал в творческом семинаре лауреата Государственной премии РФ поэта-фронтовика Н. К. Старшинова.

Состоял в кадрах Вооружённых сил. Проходил службу в Афганистане: 1984–1985 гг. – 101-й мотострелковый полк (Герат); 1984–1987 гг. – заместитель командира 411-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба (Фарахруд). Награждён тремя орденами, полковник запаса. В 1991–1993 гг. – на государственной службе в Администрации Президента РФ, где был заведующим сектором и заместителем председателя комитета. Принимал участие в проведении миротворческой акции в Таджикистане. После расстрела здания Верховного Совета РФ ушёл в отставку. Окончил очное отделение аспирантуры РАГС (кафедра философии). Работал заместителем председателя РСВА, был советником председателя МС «Боевое братство без границ», заместителем главы администрации подмосковного г. Юбилейный.

Член Союза писателей России и Национального союза писателей Украины. Автор четырнадцати книг исторической прозы и стихов, в том числе «Петрович – супершпион из Одессы», «Штурм дворца Амина: версия военного разведчика», «"Мусульманский" батальон спецназа ГРУ», «Мы – военной разведки спецназ», «Наше дело – война и разведка», «Молитва офицера спецназа», «Гусар, певец спецназа». Академией российской словесности отмечен Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения» и серебряной медалью «Ратник

Я – СОЛДАТ

Я – солдат: сапоги и портянки,
Бляха медная, кожи шлея
И шинель, где обычно с изнанки
Цифра хлоркою, – это не я.

Я – солдат, я – страна, я – держава:
И меня родила в муках мать.
Я – позор, я – проклятье, я – слава;
Только кто я, не мне выбирать.

Я – солдат. На меня не пеняйте:
В доме вашем довольно зеркал.
Эй, вы, люди, войной не играйте:
Я от этой работы устал.

Я – солдат, я – мгновенье, я – вечность,
Жизнь моя – это тонкая нить:
Уходя навсегда в бесконечность,
Я, надеюсь, смогу вас простить.

Я – солдат. Я – поверенный смерти,
Для неё же – трава на покос.
А грехи мои... Вы их не мерьте:
Всё мне спишут Аллах и Христос.

Я – солдат. Я забыт сам собою.
Я – никто от макушки до пят:
Знайте, будет команда мне «К бою!» –
Это вами я снова распят.

ДРА, 411-й ооСпН – Одесса, 411-й ОВГ,
1986–1988 годы

АФГАН ВО МНЕ

И проступившей на погонах солью,
И криком, искрившим рот...
Афган во мне живёт вчерашней болью
И болью нынешней живёт.

Моё сомненье он и отреченье,
Тревожный невозможный сон,
Пророчество, прозренье, очищенье,
Последний крик, предсмертный стон.

Афган во мне – бой с рассечённой бровью,
Без права на победу бой.
Он для меня распятою любовью,
Грехом, забвеньем, слепотой.

Афган во мне четвёртым измереньем
Поступков, жизней, бытия.
Афган во мне наивным поколеньем –
Мой прокурор и мой судья.

Он для меня – прицелов перекрестье,
В чужой стране чужой раздор.
Афган во мне – беда, а не бесчестье,
Не слава мне, не мой позор.

И на кладбищенской уснув постели,
Мне быть под этим же крестом:
Афган во мне, в душе моей и теле
Осколком, горечью, стихом.

ДОРОГА К ХРАМУ

Мы все, братан, не без изъяна –
Все, кто вернулся с той войны:
Мы чужаками для Афгана
И для пославшей в бой страны.

Жизнь разыграла эту драму,
Суфлируя тебе и мне,
Но к своему пришли мы храму
На той неправильной войне.

Пусть недостойны звонкой славы,
Но это сможем пережить:
У развалившейся державы
На всё ответа не спросить.

Пусть честь сберёг из нас не каждый,
Пусть кто-то нынче сорняком:
Быть проще на войне отважным,
Чем в мирной жизни смельчаком.

Пусть мало кто обрёл призванье,
Сняв с плеч армейскую шинель;
Не каждый выбрал покаянье,
Предпочитая буйный хмель.

Пусть за собой мосты сжигали –
Случалось, были на мели:
Всё мчали в призрачные дали,
Хотя покой не обрели.

Мы – неприкаянные гости
На этом свете, а потом
Истлеют где-то наши кости,
Хотя, братишка, поживём.

Пусть не скупится жизнь на шрамы:
Привычны мы к такой цене,
Ведь к своему пришли мы храму
На той неправильной войне.

СТАРЫЙ СЧЁТ

Мне бы выспаться немного,
Только нету, нету сна:
Вновь привидятся дорога
И минувшая война.

Снова русские метели
Бьют «афганцем»* по стеклу,
Взрывом выбросит с постели,
И проснёшься на полу.

Замелькают киноплёнкой
Позапрошлые дела,
И гератскою зелёнкой**
Память снова обожгла.

Но зачем помчали прямо
По бетонке на аул?

* Местный юго-западный ветер (пылевая буря).
** Обиходное название зон зелёных насаждений в городах и кишлаках Афганистана.

БТР объяло пламя,
А казалось, что уснул.

Вертолёт упал в ущелье.
«Время, стоп!» – сюжет отснят:
Свежевыбритый, с похмелья,
Тормошит меня комбат.

Вновь забудусь на мгновенье,
Но душманский караван
К чёрту выбьет сновиденья
Свежей болью старых ран.

Чередой портреты в рамках
С чёрной траурной каймой –
Никаких воздушных замков
С этой <грёбаной> войной.

Может, сладкого тумана
Эта ночь преподнесёт?
Нет. И снова из Афгана
Мне к оплате старый счёт.

СЕМИДЕСЯТЫЙ БЭ́ТЭР*

Уносит нашу юность ветер,
Восточный ветер, на войну.
Рычит семидесятый бэ́тэр
Псом верным в злую тишину.

Он хорохорится пред нами,
Желая не терять лица,
Хотя прикрыт бронелистами
Для вида больше – от свинца.

Урча прогретыми движками,
Чихая тихо через раз,
Он горд – но это между нами, –
Что на борту его спецназ.

Спецназ, понятно, не пехота:
Боец-то каждый на подбор.
Хотя у всех своя работа:
Пехота – честь, а не позор.

Доволен бэ́тэр наш собою,
Ведь мы заботимся о нём,
Заслышавши команду – «К бою!» –
Летит арабским скакуном.

Мы лихо крутим повороты,
Вновь за горой встаёт гора,
И общие на всех заботы –
Фугасы, мины, снайпера.

Но не преградами преграды:
Хоть к чёрту в гости – всё одно.
Вот ближе звуки канонады,
А дальше хуже, чем в кино.

Наверно, прибыли к раздаче.
Плевать! И дальше напролом
Идём, доверившись удаче,
Как будто в старости умрём.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Себя сужу высокой мерой,
Той мерой мне Святая Русь:
Святая Русь – мой символ веры,
И от него не отрекусь.
Я с ним оберегал державу,
Брал штурмом горный перевал,
По долгу чести, по уставу
Врагу знамёна не сдавал.

Пусть жизнь и смерть распорядились:
Я снял армейский свой мундир.
И часто мне до боли снились
Шинель, истёртая до дыр,
Афган, друзей погибших лица,
Шитьё по золоту погон...
Но перевёрнута страница –
Прощай, десантный батальон.

Свой путь я снова начинаю,
Коль так назначено судьбой.
Иду вперёд. Не заплутаю
И не стушуюсь пред бедой:
Святая Русь – мой символ веры,
Хоть кто я? – грешный и простой,
Произведённый в офицеры
Отчизны честный рядовой.

* Семидесятый бэ́тэр, семидесятка, бэтр – обиходные названия бронетранспортёра БТР-70.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал №2 (29) февраль 2019

АФГАНСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ

В марте 1980 года 159-ю ОДСБр (Отдельную дорожно-строительную бригаду) из Амурской области передислоцировали в Афганистан. Так я оказался в Кабуле. Переброска осуществлялась в глубокой тайне. Естественно, про страну пребывания мы совсем ничего не знали.

С тех пор много воды утекло, но я часто мыслями возвращаюсь в то время и в ту страну. Винить себя мне не в чем. Бригада занималась строительством и восстановлением объектов жизнеобеспечения 40-й армии. Мы несли мир, не войну.

Теперь попробую заинтересовать читателей историей, той, которую мы, входя в Афганистан, к сожалению или к счастью, не знали.

Сильно углубляться в прошлое не стану, начну с двадцатого столетия, которое Афганистан встретил под руководством эмира Хабибуллы-хана, уроженца Ташкента. Эмир – относительно светский правитель, потому начинает, вернее, пытается начать модернизацию страны. Проводит законодательные реформы – отменяет наиболее суровые уголовные наказания.

Вступает в масонскую ложу «Конкордия», членство его имеет номер – 3102.

В Первой мировой войне сохраняет нейтралитет. Согласитесь, послужной список просто на загляденье. На взгляд со стороны. Но вот изнутри, на взгляд его брата и сыновей, эмир крайне несправедлив. К ним. Годы идут, а их очередь к власти в стране совершенно не двигается.

Несправедливость эту 20 февраля 1919 года устранили. Хабибуллу-хана застрелили во время охоты в провинции Лагман. Рвения в поисках убийц благоразумно никто не выказал. Ведь сначала к власти пришёл брат почившего эмира Насрулла-хан, подозреваемый в убийстве брата № 1. Правда, он восседал на троне недолго, с 21 по 28 февраля 1919 года.

Хабибулла-хан (в центре) – эмир Афганистана с 1901 по 1919 год. Англичане слева от эмира, брат эмира Насрулла-хан – первый справа

Король Афганистана Аманулла-хан

Затем подозреваемый № 2, по совместительству сын Хабибуллы Аманулла-хан, бросил Насруллу в тюрьму, тот там и умер. Подозреваемый № 3 и по совместительству второй сын эмира Инаятулла от притязаний на власть благоразумно отказался. Похоже, он-то и был самым умным и прозорливым в семье.

Да, на наш нынешний взгляд способ прихода к власти просто изуверский. Сыновья и брат мочканули ближайшего родственника, главу вполне перспективной династии! Разве ж так можно? Но если сделать поправку на время совершения злодейства, мотивы становятся чуть понятнее. На тернистом пути к демократии и не такие фортели в благородных семействах случались. И до этого прискорбного случая, да и после, чего уж греха таить.

Аманулла для начала провозгласил Афганистан независимым государством. Чем вызвал гнев метрополии – Британской империи, которая активно возражает, разгорается очередная англо-афганская война. Результат известен, англичане в 1921 году признают независимость Афганистана.

В 1923 году появилась на свет первая Конституция Афганистана. Начинают действовать некие подобия рыночных отношений, проводятся земельная и налоговая реформы. В 1929 году эмират упраздняется, Афганистан становится королевством. Да, тернист и длинен путь к демократии на востоке. С крутыми поворотами.

В 1929 году в стране снова мятеж. Бачаи Сакао – армейский офицер – возглавляет переворот. Аманулла бежит за границу первым. Бросив пожитки. А вот его брат Инаятулла не спешит, сначала три дня собирает пожитки, то есть казну (не зря мы его заподозрили в прозорливости), и уж только потом бежит к брату (оба умерли в эмиграции).

Трон пока бесхозен, его пытается оприходовать Али Ахмад-хан. Эти попытки жёстко пресекает Бачаи Сакао, он захватывает Кабул, казнит Ахмад-хана и провозглашает королём себя. Через пять месяцев узурпатора свергает Надир-шах, дальний родственник Амануллы, бывший военный министр. Бачаи Сакао лишается не только трона, но и головы в придачу, её ему без затей отрубают. Про бежавшего короля никто и не вспомнит, обратно звать и не подумают. Отныне в Афганистане новый монарх, зовут его Мухаммед Надир-шах! И звать так короля будут до 1933 года.

Возможно, и дальше звали бы так же. Если бы 8 ноября 1933 года ему не вздумалось встречаться с выпускниками военного лицея «Неджат». На ней короля сразят три револьверных выстрела. Девятнадцатилетний парнишка – лицеист Абдул Халик – отомстил за отца, убитого по приказу короля.

Смерть лицеиста была страшна, его четвертовали. Ближайшую родню повесили.

Мухаммед Захир-шах, сын Мухаммеда Надир-шаха, на престол взошёл в девятнадцать лет, через несколько часов после убийства отца. Поначалу Захир-шах казался удобной фигурой, устраивающей всех, и непримиримых врагов, и непримиримых друзей. Ведь он первые двадцать лет и не стремился править, ему нравилось путешествовать, собирать марки, заниматься другими вещами, в управлении государством совсем бесполезными.

Без пользы жизнь? Нет, он просто не спешил, опасаясь разделить судьбу своего батюшки. Учился, набирался опыта втихаря, исподволь. Когда ему окончательно надоело сибаритствовать, он принялся за модернизацию страны.

Используя восточную хитрость в международных отношениях, умудрялся получать экономическую помощь как от Запада, так и от нас.

Новая Конституция 1964 года должна была вырвать Афганистан из плена средневековья. В число его заслуг можно отнести и избирательные права женщин, и свободу прессы, и национализацию высших учебных заведений, и придание языку пушту статуса государственного.

Страна получила парламент, королевскую семью ограничили в правах, её представители не могли занимать руководящие должности в правительстве страны.

Захир-шах пытался сделать из отсталой, архаичной страны светское государство и крови ради крови не жаждал. Но коварства и жестокости тоже не чурался.

Однако реформы ожидаемо натолкнулись на сопротивление вождей пуштунов и таджиков, составляющих основные народно-племенные группы Афганистана. Среди духовенства страны, помаленьку подпадающего под влияние представителей радикальных исламистских течений, зрело немалое отторжение. В Афганистане и без того полно социальных и межнациональных проблем, страна глубоко религиозна, а тут король предлагает женщинам чадры снять!

Мухаммед Надир-шах (слева) и Мухаммед Захир-шах (справа), отец и сын

В общем, есть много причин, приведших Захир-шаха к падению. Хотя не будь человека по имени Мухаммед Дауд, все перечисленные фишки могли и не сыграть. Двоюродный брат короля, брат его жены, бывший премьер-министр. Сердар (принц). Человек энергичный и честолюбивый, лично честный, но жёсткий и авторитарный. Пожалуй, слишком уж энергичный, честолюбивый и авторитарный.

В июле 1973 года шах отбыл на лечение в Италию.

Злые языки утверждали, что причиной нездоровья явилась ссора с женой из-за амурных похождений супруга, в ходе возникшего скандала королева расцарапала мужу глаз.

Воспользовавшись его отсутствием, Дауд устроил переворот, который начался в ночь с 16 на 17 июля 1973 года захватом королевского дворца и взятием под стражу членов семьи шаха.

В целом тщательно подготовленный и умело осуществленный переворот прошёл почти бескровно.

По официальным данным, в ходе переворота погибло восемь человек, из них четверо военнослужащих и четверо полицейских.

Дауд монархию упразднил, Афганистан объявил республикой, себя – президентом. Афганские коммунисты Дауда поддержали.

Захир-шах бучу устраивать не стал, смиренно признал поражение и пожелал кузену успехов. Через несколько дней самолёт с грузом драгоценностей вылетел из Кабула в Италию. Так что до конца дней экс-король не бедствовал.

Логично предположить, что это был сговор между самим Захир-шахом и его родственником Мухаммедом Даудом.

Оставалось только блокировать порывы верноподданных шахских слуг и поползновения тех, кто действительно был недоволен Захир-шахом, кого опередили, кто прозевал возможность захвата власти.

Мухаммед Дауд возглавил Центральный комитет Республики Афганистан – первое революционное переходное правительство. Дауд фактически стал единоличным главой государства, одновременно занимая должность премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел Республики Афганистан. В 1977 году была принята новая конституция, в соответствии с которой в стране вводится пост президента.

Президент Афганистана становится единоличным главой государства, в руках которого находилась вся исполнительная и законодательная власть страны. Указы президента и распоряжения имели силу общегосударственных законов. Вся внешняя и внутренняя политика государства являлась продолжением воли главы государства и правящей Партии национальной революции. Согласитесь, полномочия президента оказались уж точно не хуже королевских.

Дальнейшее развитие событий внутри страны подкрепляет версию о том, что переворот носил декоративный характер, а программные заявления Дауда – пустые декларации. В стране фактически установилась его личная диктатура.

Был распущен Центральный комитет Республики Афганистан, состоявший из активных участников событий 1973 года. Всех их президент отправил на работу в провинциальные органы власти или за границу.

Конституция, принятая в 1977 году, закрепила диктаторскую форму правления Дауда, практически запретила заниматься политикой в армии.

Добился своего? Увы. Именно в это время в Афганистане крепнут группировки противников режима. С одной стороны – фундаменталисты и традиционалисты, с другой – сторонники социалистических преобразований.

Одни считали, что Дауд слишком быстро и далеко ушёл от тех традиций, устоев и уровня жизни, в которых должен жить афганский народ. Поэтому всё надо вернуть в исходное положение.

Другие говорили, что президент не выполнил своих обещаний, затормозил движение на пути к прогрессивным демократическим преобразованиям, и это движение необходимо существенно ускорить.

Но в одном эти непримиримые противники сходились – Дауд должен быть свергнут.

28 апреля 1978 года под давлением уже вооружённых выступлений оппозиции Мухаммед Дауд даёт согласие на приём парламентёров. Он верит, что ещё не всё потеряно, что ещё можно договориться. Капитан Имамуддин, возглавляющий группу парламентёров, заявляет президенту, что вся власть перешла в руки НДПА, и предлагает ему сдаться. В ответ последовал выстрел из пистолета, ранивший Имамуддина. Тот очередью из автомата убил первого президента первой Республики Афганистан.

Так свершился военный переворот, названный Саурской революцией. Следом провозглашается Демократическая Республика Афганистан (ДРА).

29 апреля 1978 года высшим органом законодательной власти становится Революционный совет. Председателем Революционного совета и одновременно премьер-министром назначается Нур Мохаммад Тараки.

После подписания в конце 1978 года советско-афганского договора о сотрудничестве в стране началось проведение радикальных реформ по опыту строительства социализма в среднеазиатских республиках Советского Союза.

В стране издаются газеты, развивается радиовещание, в школах стали преподавать на языках национальных меньшинств – узбекском, туркменском и белуджском. Правительство Тараки поставило задачу обучить основам грамоты в течение пяти лет восемь миллионов мужчин, женщин и внешкольной молодёжи в возрасте от 8 до 50 лет.

Цели благородные, кто бы спорил. Но методы и формы приобщения к грамоте, при которых тысячи добровольцев при помощи солдат и полицейских сгоняли женщин на занятия, вызвали уже и вооружённые конфликты между властью и гражданским населением. Первый звонок прозвенел.

Второй звонок и, пожалуй, главная неудача Тараки – аграрная реформа в Афганистане. В результате ликвидации класса крупных помещиков свыше половины безземельных крестьянских семей или получили землю, избавившись от непомерных долгов ростовщикам, или смогли возвратить заложенные земли. Казалось бы – успех!

Однако крестьяне массово принялись отказываться от предоставляемых земельных наделов, так как не имели средств их обрабатывать, а государство не в состоянии было эти средства предоставить.

Плюс недовольство мусульманского духовенства и знати. Над крестьянами довлели вековые родовые, племенные и клановые традиции, и в полном соответствии с этими традициями твёрдо считалось, что Аллах землю уже давно поделил, поэтому никто не вправе делить её снова.

Вскорости аграрная реформа приказала долго жить.

Немудрено, что начиная с 1979 года обстановка в Афганистане стала стремительно ухудшаться. Во многих провинциях ДРА появились вооружённые антиправительственные формирования.

Швейцарские исследователи Пьер Алан и Дитер Клей фиксируют: *«В апреле 1979 года, после волнений в Герате, положение Тараки стало критическим. Восставшие контролировали провинции Пактия, Кунар, Герат, Урузган, Мазари-Шариф, Тахар, Бадахшан, Парван и Фарах».*

Чтобы удержать контроль над ситуацией на местах, руководство Афганистана прибегает к услугам армии и органов государственной безопасности. Действия армейских подразделений против сельской оппозиции, применение артиллерии и авиации для подавления её вооружённых выступлений повлекли за собой жертвы среди мирного населения, разрушение кишлаков и ирригационных систем, уничтожение урожая на полях.

Примерно так же выглядят попытки затушить разгорающийся костёр, заливая его бензином. За 15 месяцев правления Тараки, начиная с момента Саурской революции, погибло более 12 тысяч человек.

Благие ли намерения вымостили для Тараки дорогу в иной мир? Возможно. А возможно, к концу правления их уже и не было

вовсе, благих-то намерений. По натуре простодушный, но тщеславный, открытый для людей, он после революции практически потерял связь с народом. Как и многие до него, да и после него, просто не выдержал испытания властью.

Он всё-таки попробовал спастись, попросил А. Н. Косыгина ввести в Афганистан советские войска. Последовал отказ. Пацанский принцип: *«если драки не избежать, то надо бить первым»* – наше прежнее руководство в практике международных отношений уже давненько не использовало. Может, зря? В тот раз – точно зря!

Потому как ударили другие, вернее другой – Хафизулла Амин. Он и пришёл к власти в Афганистане, совершив 14 сентября 1979 года военный переворот. Почти месяц у него ушёл, чтобы определиться, на кого делать ставку, на американцев или русских? Решил, что с пожилым советским генсеком будет попроще договориться. Да и в болезнь Москва поверит быстрее, ведь про злоупотребление Тараки алкоголем там прекрасно знали. И начал действовать.

Утром 10 октября 1979 года афганское информационное агентство «Бахтар» объявило по кабульскому радио и телевидению, что Нур Мохаммад Тараки скончался 9 октября 1979 года от серьёзного заболевания, которое длилось уже в течение некоторого времени.

На самом деле 2 октября 1979 года президента задушили по приказу всё того же Хафизуллы Амина.

В изложении непосредственных исполнителей убийства (капитан Абдул Хадуд, старший лейтенант Мухаммед Экбаль, старший лейтенант Рузи) дело обстояло так:

Тараки отвели в одну из комнат для прислуги, затем ему связали руки и заставили лечь на кровать. Перед тем как умереть, Нур Мухаммед Тараки попросил глоток воды, но ему отказали, и после этого заговорщики, закрыв ему рот и нос подушкой, стали душить президента.

Тараки похоронили на кладбище Колас Абчикан (Холме мучеников).

Семью бывшего генерального секретаря и основателя НДПА препроводили в тюрьму Пули-Чархи.

В 1979 году Нур Мохаммаду Тараки исполнилось 62 года.

Наверное, Амин даже гордился собой. Правда, если и гордился, то совершенно напрасно. Дал маху, короче. Советские глаза и уши хоть и не на каждом углу, но в достаточных количествах торчали на улицах, в коридорах и кабинетах афганской столицы. Естественно, наше руководство вскорости оказалось в курсе вероломного злодейства нового афганского узурпатора.

Виду, правда, мы не показали, но с несвойственной нам деловитостью принялись готовить акт возмездия. Что деловитость нам свойственна не совсем, и показали последующие несколько покушений на Амина осенью того же года. Все они провалились.

Тогда Политбюро ЦК КПСС приняло Постановление № П176/125 «К положению в Афганистане». На следующей странице приведена копия этого документа.

25 декабря 1979 года наши войска вошли в Афганистан. Операция вторжения получила название «Шторм-333».

А Хафизулла Амин пребывает в эйфории. Ещё бы, затея с устранением конкурента вполне удалась, он признан международным сообществом, тяжесть войны отныне на русских. Не грех это дело и отметить. Откладывать праздник в долгий ящик не стал. Устроил пышный обед 27 декабря 1979 года. Тем более случился ещё один повод – новоселье. Переезд из центра Кабула на окраину, во дворец Тадж-Бек (Великой короны), свою новую резиденцию. Теперь за этим творением немецких архитекторов надолго закрепилось название «дворец Амина».

Амин бахвалится: *«Советские дивизии уже на пути сюда. Всё идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании советской военной помощи».*

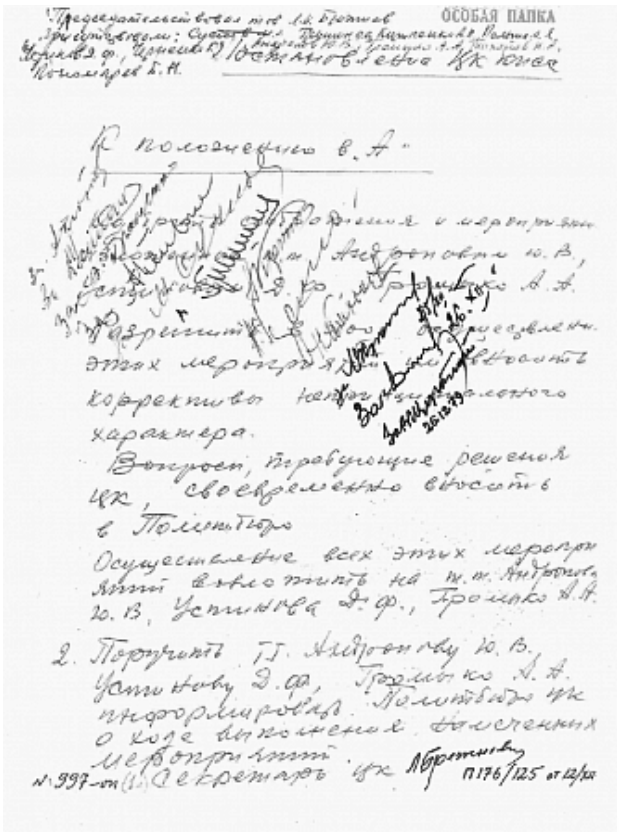
Обед для него закончился плохо, он потерял сознание. Будучи сам коварным и жесто-

ким, он и мысли не допускал, что коварство и жестокость могут быть использованы и по отношению к нему. Правда, его смерть немного повременила, потопталась у порога.

Его откачали советские врачи, срочно прибывшие во дворец и ничего не знавшие об операции по устранению Амина. А это и был начальный этап операции «Шторм-333», которую чуть не сорвали наши врачи (их никто в планы устранения Амина не посвятил).

Вечером того же дня советские спецназовцы и военные приступили к реализации основной части операции – захвату дворца Амина. В операции с нашей стороны задействовали 650 человек. Атакующих переодели в афганскую форму с белыми нарукавными повязками. Штурм продолжался чуть менее часа. Амина во время штурма застрелили.

Наши потери составили 11 человек, 38 получили ранения различной тяжести.


ОСОБАЯ ПАПКА

Постановление ЦК КПСС

К положению в "А"

Разрешить в 1980 осуществление этих мероприятий и вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро

Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить т.т. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

№ 997-оп (1) Секретарь ЦК

П176/125 от 12/XII

Постановление Политбюро ЦК КПСС №П176/125 – «К положению в "А"»

Оставшихся в живых членов семьи Амина отправили в тюрьму Пули-Чарки. Они сменили там семью Тараки. Даже дочь Амина, которой во время боя перебило ноги, оказалась в камере.

В 1979 году Амину исполнилось 52 года.

Третьим генеральным секретарём ЦК НДПА в декабре 1979 года стал Бабрак Кармаль, родившийся 6 января 1929 года в семье армейского генерала Мухаммеда Хусейн-Хана в Кабуле. Его настоящее имя Султан Хусейн.

Бабрак Кармаль всегда с искренней симпатией относился к Советскому Союзу и России, как в начальный период своей политической деятельности, так и на закате карьеры и жизни. Так же искренне он верил в правоту избранного им пути, верил, что ему удастся преобразовать афганское общество.

Его собственное видение развития Афганистана по пути модернизации и демократии совсем не вписывалось в каноны прописных догм, которыми так и сыпали наши многочисленные советники. В целом разделяя идеи марксизма, он тем не менее считал, что его страна пока не готова к реализации теории на практике.

На первом этапе он попытался решить главные задачи – с энтузиазмом взялся за реализацию политики национального примирения, покончил с репрессиями, разрешил преподавание ислама в школах. Шаги в правильном направлении. Но он не смог сделать главного – стать самостоятельной фигурой, оказался слишком интеллигентным, чтобы послать подальше своих «доброхотов», да и наших советников следовало хоть иногда, но жёстко одёргивать. Ведь мало кто из них понимал специфику Афганистана, с советами же лезли все. А времени у него уже почти не оставалось.

Изменились внешние обстоятельства. В США быстро поняли, что их вроде как кинули. Опередили. Это ж янки уже почти договорились с Амином. Но стенать и волосы рвать по такому возмутительному поводу не в характере американцев. Они покопались в памяти,

вспомнили свой неудачный опыт во Вьетнаме, осознали, что теперь русские подставились, они нынче агрессоры в глазах мирового сообщества, ну и принялись решать проблему привычным способом – вкачивать деньги и вооружение в отряды моджахедов.

Думаю, мы сдюжили бы, не привыкать. Видывали врагов и почище. Сдюжил бы и Кармаль. Но определяющим фактором стало появление у власти в Советском Союзе М.С. Горбачёва, взявшегося всё и вся перестраивать. Без малейшего намёка на какую-либо внятную стратегию.

Дворец Тадж-Бек (Великой короны) в Кабуле. А. Сухачёв (автор статьи), И.Прасолов, Б. Балтаев. 1 мая 1980 г.

Видно, как преобразился Тадж-бек палас, он же дворец Амина. 25 мая 1980 г.

Новое руководство нашей страны и в специфику Афганистана вникать не стало, без затей списало на *Колю Боброва* (такое прозвище закрепилось среди наших советников

Генеральный секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль

за Кармалем) все провалы и приняло кадровое решение. А ведь существовал шанс всё исправить. Позже американцы показали как. Но вместо тщательного анализа ситуации в стране «А», с коррекцией стратегии и тактики, привычно нашли крайнего.

4 мая 1986 года Бабрака Кармаля сняли сначала с поста генерального секретаря ЦК под предлогом плохого здоровья, а вскоре и с должности председателя Ревсовета.

В одном из интервью он с горечью заявил: *«Я не являлся руководителем суверенного государства. Это было оккупированное государство, где реально правили вы. Я шагу не мог ступить без ваших советников».*

Для нас признание обидное и в той же мере ох какое справедливое.

Потом он эмигрировал с семьёй в Москву, где 3 декабря 1996 года его не стало. В возрасте 68 лет. На панихиду ни один высокопоставленный представитель российской власти не пришёл. Близкие родственники самолётом доставили его тело в Афганистан и похоронили в Хайратоне.

Мохаммад Наджибулла оказался той политической фигурой, которую призвали спасать положение в Афганистане после отставки Кармаля. Он стал генсеком НДПА и председателем Совета обороны ДРА в мае 1986 года. Надо отметить, что возглавить страну он решился только после долгих уговоров и гарантий Советского Союза.

Через год, в ноябре 1987 года, переименовали государство. Наджибулла стал первым президентом Республики Афганистан. То, что

цена гарантиям Горбачёва грош, он первым тоже уяснил. 15 февраля 1989 года советские войска ушли из Афганистана. А с 1 января 1992 года наша страна прекратила поставки техники и вооружения в Афганистан.

Горбачёв подписал с США соглашение об одновременном прекращении помощи Советского Союза режиму Наджибуллы, а Соединённых Штатов – моджахедам. Но Саудовская Аравия, Пакистан и Кувейт продолжали помогать моджахедам, в то время как Наджибуллу руководство нашей страны элементарно кинуло. Прекращение помощи из СССР лишило его всяких перспектив и надежд на будущее.

Он написал в Москву: *«Я не хотел быть президентом. Вы уговаривали, настойчиво просили, обещали поддержку. Теперь меня и Республику Афганистан бросают на произвол судьбы. Как это понять?»*

Что уж тут понимать. Горбачёв оставил его один на один с вооружёнными до зубов моджахедами, полностью подтвердив пророческое предсказание Наджибуллы: *«Ваш Горбачёв нас предаст. Да и вас самих тоже. Но запомните – тогда больше союзного вам Афганистана уже никогда не будет. Потому что афганцы не забывают предательства».*

13 апреля 1992 года Наджибулла предложил нашим военным советникам убыть из Афганистана. Один из них, генерал-майор Владимир Лагошин, рассказывал, как Наджибулла пригласил его к себе и предупредил, что в ближайшее время власть перейдёт к оппозиции, а ему самому на посту президента осталось находиться дней пять. Наджибулла с горечью добавил, что хотя советские и предатели, он считает своим долгом отправить военных советников домой целыми и невредимыми.

Продержался бы Наджибулла дольше, трудно сказать. Возможно, продержался бы, возможно, и нет. Но предательство Горбачёва резко ускорило падение его режима, обнулило шансы на сопротивление.

19 апреля 1992 года режим Наджибуллы пал. Кабул взяли отряды моджахедов. Сам он хотя и имел возможность, не стал покидать Кабул, остался в миссии ООН. Персонал миссии ООН не стремился к его удержанию в своих стенах, и Наджибулла вполне мог затеряться в потоках беженцев. Однако бывший президент решил остаться в стране. Вместе с ним остался лишь бывший начальник Управления охраной МГБ – его брат, генерал Ахмадзай.

В сентябре 1996 года столицу страны заняли талибы. Вожди моджахедов были для талибов слишком умеренными, слишком немусульманами. Самый честный из старой оппозиции – Ахмад Шах Масуд – предложил Наджибулле уйти вместе, но тот отказался. Наверное, верил, что талибы, этнические пуштуны, как и он, его не тронут. Тронули. Зашли в здание миссии ООН, схватили Наджибуллу и его брата.

Наджибулла не предал ни Афганистан, ни свой народ, ни себя. Пустив в ход свою недюжинную силу, за которую за ним ещё с юности закрепилась кличка Бык, он разметал охрану, завладел пистолетом одного из офицеров и успел выстрелить, смертельно ранив одного из нападавших.

Но силы были неравны. Наджибулла и Ахмадзай перенесли страшные пытки. Им выкололи глаза, добили железными прутьями, их изуродованные тела повесили на одной из площадей Кабула.

Жуткая казнь потрясла всех афганцев, по какую бы сторону баррикад они ни были. Каждый из лидеров антиталибской коалиции увидел свой наиболее вероятный конец.

На следующий день родственники увезли останки братьев и похоронили на родине, в селении Милан провинции Пактия.

В 1996 году Наджибулле исполнилось 47 лет.

Афганистан меж тем превратился в исламское государство, где правили законы шариата. Лидер движения «Талибан» Бурхануддин Раббани возглавлял страну с 1996 по 2001 год.

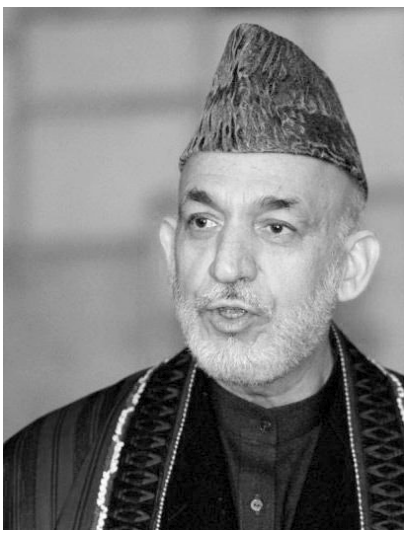
Движение «Талибан» родилось из той самой непримиримой молодёжи, которую пакистанские и американские инструкторы годами растили в ненависти ко всему советскому. Но, как вскоре выяснилось, ненависть талибов – штука универсальная, без особых границ.

После вывода советских войск их, по сути, предоставили самим себе. Но 11 сентября 2001

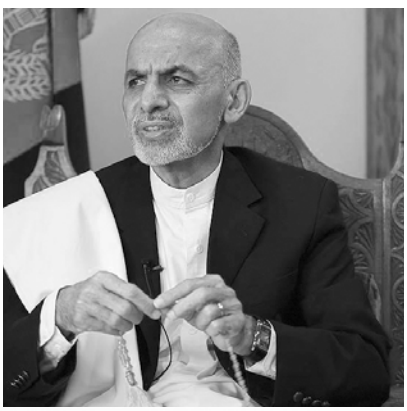
года они придут, вернее, прилетят на пассажирских самолётах в Нью-Йорк и снесут башни Всемирного торгового центра.

В ответ на террористический акт 7 октября 2001 года началась военная операция США и их союзников «Несокрушимая свобода». Движение «Талибан» было разгромлено.

Новым президентом Республики Афганистан в 2004 году стал демократически избранный Хамид Карзай. Этот политический деятель занимал свой пост в течение десяти лет, два срока подряд, с 2004 по 2014 год.



Хамид Карзай



Ашраф Гани

Несмотря на американское и британское военное присутствие и оккупацию отдельных районов страны, Хамиду Карзаю так и не удалось полностью устранить влияние талибов в стране. Они продолжают партизанскую войну в восточных и южных провинциях. Там реальная власть по-прежнему остаётся в руках полевых командиров.

И несмотря на многомиллиардную помощь мирового сообщества, Афганистан остаётся одной из беднейших стран мира.

В 2014 году в ходе очередных президентских выборов победил Ашраф Гани. Ему досталась разрушенная и разорённая страна. Есть, правда, и положительный момент – руководителей страны перестали стрелять, а начали переизбирать. Станет ли это традицией? Посмотрим.

Был ли ошибкой ввод наших войск в Афганистан? До ввода теперь уже американского ограниченного контингента ещё можно было сомневаться, рассуждать про суверенные ценности. Теперь же все карты на столе. А говоря про не совсем присущую нам деловитость, я всё-таки подразумевал историю с покушениями на Амина. С вводом же войск Политбюро ЦК КПСС не совершило ошибку, верно оценив угрозу появления американских баз у наших южных границ. Но вот вывод нашего контингента – роковая ошибка, которая в конечном счёте повлекла за собой развал нашего государства.

Руководство страны, я имею в виду лично М. С. Горбачёва, всему миру явило слабость, собственную никчёмность. А слабых в нашем лучшем из миров, и это в лучшем (простите за тавтологию) случае, презирают. Что наглядно продемонстрировал американский президент Джордж Буш. Горбачёв именно ему позвонил за два часа до своей отставки. Он искренне надеялся, что за словами *друга Джорджа* о дружбе и уважении, кроме фальши и цинизма, кроется содержание, хоть на йоту.

А что, прицыкнет американец, погрозит Ельцину пальчиком – и *Горби* снова на коне. Увы, зря надеялся. Америка уже начинала праздновать. Через некоторое время там начнут раздавать медали за победу в холодной войне над нами.

Жить и отмечать свои юбилеи Михаил Сергеевич предпочитает за границей. Достаточно красноречивое свидетельство того, чьи интересы для него являлись приоритетными, не правда ли? Но Бог ему дал здоровье и для того, чтобы на протяжении уже долгой жизни он полностью испил чашу позора. И уже, конечно, не за границей – на родине.

Сейчас американцы, используя старые лекала, затащили нас в Сирию. Ждут. Успешно развалив Советский Союз, теперь уже готовят развал России. Оправдаются ли их ожидания? Без очередного предательства элит – нет. Но они терпеливы и настойчивы. А мы? Извлекли ли мы уроки из той, теперь уже далёкой войны?

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал №2 (29) февраль 2019

Михаил Игоревич Мацнев
14.01.1982 – 06.03.2018

«Разберёмся! Ты ни о чём не переживай!»

Приближался Международный женский день, праздник Весны и Любви, и Ольга Николаевна, закончив со всеми предпраздничными хлопотами, устало присела за стол. Неожиданно зазвонил мобильный телефон, и женщина с тревогой бросила быстрый взгляд на часы, удивлённо отметила время: 23:30.

«Кто может звонить в такой час?» – защемило женское сердце.

Ответив на вызов, Ольга Николаевна услышала голос начальника батальона связи Мичуринского авиаполка Сергея Владимировича Курочкина, непосредственного командира её сына:

– Здравствуйте, Ольга Николаевна, – начал сбивчиво тот. – Мы долго сомневались... Не знаю, как начать и что случилось... В общем, пришло сообщение, что ваш сын, Мацнев Михаил Игоревич, погиб при исполнении служебных обязанностей.

Возникла звенящая тишина.

– Вы слышите меня, Ольга Николаевна? – испуганно спросил собеседник. И быстро продолжил: – Мы все сомневались, фамилия написана карандашом. Подумали сначала, что погиб Маунев, у нас такой майор служит, но после разобрались, и всё подтвердилось. Самолёт, на котором летел ваш сын, не дотянул 500 метров до полосы.

Больше мать ничего не слышала. Перед глазами стоял улыбающийся, жизнерадостный и такой родной Мишутка – тёплый, открытый человечек, стремящийся всем помочь.

Родился Михаил в микрорайоне Кочетовка, и совершенно неудивительно, что жизнь и работа всех членов семьи была связана с железной дорогой. Сама Ольга Николаевна работала инженером по обучению, заместителем начальника по кадрам станции Кочетовка, а при выходе на пенсию стала обучать подрастающие кадры и трудиться препода-

вателем в железнодорожном колледже. Отец, Игорь Викторович Мацнев, работал машинистом, получил инвалидность. Да и младший сын стал трудиться в железнодорожной компании, а вот Михаил сразу выбрал профессию военного и уверенно воплощал свою мечту в жизнь. Активно занимался спортом, особенно футболом, великолепно владел английским языком, да и другие предметы изучал успешно, оказывая помощь родной матери во всём, особенно любил работать на даче в Старотарбееве, рыбачить в родной реке Лесной Воронеж.

Работа на железной дороге помогала семье Мацневых познавать мир – путешествовать: Москва, Воронеж, Питер, южные города. В последующем Михаил стал сам путешествовать, посещая в качестве болельщика футбольные матчи. Общительность и добродушие помогали ему находить друзей в разных ситуациях, а целеустремленность и дисциплина – достигать желаемых результатов. Поэтому ни для кого не стало неожиданностью, что он легко поступил в Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков имени М. М. Расковой.

Волею судьбы военного, которую Михаил Мацнев избрал, по окончании обучения молодой лейтенант был направлен в город Балашов начальником радиолокационной станции. Здесь и встретил свою судьбу – Анну, и через некоторое время у молодых супругов родился сын Максим.

Зарекомендовал себя блестящим и исполнительным офицером, способным найти общий язык с подчинёнными и доводить до конца исполнение поставленной цели. Обзавёлся друзьями, но тяга жить на родной земле была очень велика, и через десять лет службы, в сентябре 2016 года, счастливые оттого, что будут работать в родном городе, Михаил и Анна переехали в Мичуринск.

Здесь жизнь закрутилась с новой силой – работа заместителем начальника батальона по связи, уход за отцом-инвалидом, помощь матери по дому и даче. Везде успевал Михаил и словно торопился жить, чтобы близким ему людям было полегче.

Не оставался майор Мацнев в стороне от международных военных конфликтов, не отсиживался и переживал за интересы страны. Два раза подавал заявление с прошением командировать в Сирию, и вот 22 января 2018 года его просьба была удовлетворена. Неделя в Мо-

скве – и жаркая сирийская земля встретила вновь прибывших миротворцев.

Для родных Михаила начались дни ожидания телефонных разговоров с близким человеком, которые заканчивались сообщениями о погоде.

С первых дней майор Мацнев зарекомендовал себя как грамотный командир и ответственный военный. Не случайно уже через месяц получил предложение о переходе с запасного аэродрома, где началась его командировка, на основной. При этом предложение больше выглядело со стороны начальства как просьба.

Уступив напору и понимая, что это необходимо, 6 марта 2018 года заместитель командира батальона связи Михаил Игоревич Мацнев в составе группы из 39 человек взошёл на борт транспортного самолёта...

На маленькой кухне сидела молча женщина, перед глазами которой стоял улыбающийся сын и говорил:

– Мам! Разберёмся! Ты ни о чём не переживай!

***

Майор Михаил Игоревич Мацнев указом Президента РФ награждён орденом Мужества (посмертно).

Его жена, Анна Мацнева, продолжила традицию семьи мужа и работает железнодорожником – дежурной по станции Кочетовка. Подрастает сын Максимка. В июне 2018 года выпускники лётного училища собрались на могиле однокурсника и с особой любовью и теплотой вспоминали друга Мишку. А

Анатолий ТРУБА,
член Союза писателей России

ПИСЬМО БРАТА

Вот и прошло чуть больше недели после того, как моего брата не стало. Сердце болит жутко. В день похорон просто кто-то подошёл и сказал: да, беда большая, но нужно жить дальше. А как жить?! Никто не объясняет, как можно жить дальше, когда теряешь 36-летнего брата. Часть свой души и жизни. Как?! Да потому что всем вообще всё равно! Никому это не нужно и не интересно. Как жить, если я больше не смогу увидеть, позвонить родному человеку, который меня во всём поддерживал, даже если я был не прав и он сделал бы по-другому, который был мне как отец? Как?! Не знаю! Я хочу сказать огромное спасибо батюшке Игорю, своим братьям, родственникам, Андрею Машенко, его другу, которые были рядом всё время, не знаю, как без вашей поддержки мы бы выдержали. СПАСИБО, вот это настоящая дружба! Спасибо всем, кто пришёл проводить Мишу, а остальные – это всё показуха, просто контакты. Ведь никто не понимает, что самое главное в нашей жизни – это ВРЕМЯ, которое мы проводим с родными, близкими, друзьями – теми, с кем тебе правда хорошо и весело, теми, кого любишь и кем дорожишь! И не нужно откладывать встречи, потому что занят, всегда можно найти время, если захотеть, это всё отговорки! Я был последним, кто провожал Мишу, и не прощу себе никогда, что не смог провести с ним больше времени за день до этого, хотя мог, потому что остался на работе. А кому в итоге это нужно? Да никому, работу не переделать всю, а время не вернуть назад! Прошу вас, будьте трепетнее, заботливее, как Миша, будьте как можно больше времени рядом, берегите друг друга..

Дмитрий МАЦНЕВ
Март 2018 года

Сергей МИЛЬШИН

Сергей Мильшин родился в 1969 году в маленьком, но очень известном узбекском городке Учкудук. Вскоре семья перебралась под Новосибирск, где и прошли детство и юность автора. Полтора года служил в Афганистане вплоть до вывода оттуда советских войск в 1989 году. Армейская профессия – связист-телеграфист. Сейчас Сергей Мильшин живёт в Белгороде. Работал котельщиком, стропальщиком, корреспондентом газеты «Белгородские известия». С 1998 года – корреспондент газеты «Буровик Газпрома» ООО «Газпром бурение». Автор книг «Тяжёлый Афган» (повесть и рассказы), «Атаман» (роман о кубанских казаках). Обладатель диплома «Золотое перо газовой промышленности», диплома «Победитель литературного конкурса "Факел-2011"». Член Союза писателей России.

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

РАССКАЗ

В кишлак на высоком скалистом мысу, куда машина поднималась зигзагами добрых часа два, нас привезли на рассвете. Это который уже по счету? Пятый? Или четвёртый? Не могу вспомнить, сбился. Да какая разница? Наверное, так и будут возить, пока где-нибудь не окочуримся, наглотавшись грязи и собственной крови. Пыль облаком клубилась за бортом, набивалась под брезентовый тент, укрывавший нас, забивала ноздри, так что дышать становилось нечем. Мы беспомощно вертели головами, пытаясь освободить носы от пылевых тампонов. Получалось не всегда. Ныли то ли сломанные, то ли треснувшие рёбра – наших медицинских познаний не хватало, чтобы поставить более точный диагноз. Но дышалось больно и тяжело. По спине стекали грязные струйки пота. Сентябрьская жара ничем не уступает жаре июня или июля. Чуть прохладней стало лишь во второй половине ночи, когда машина забралась повыше в горы. Иногда я забывался, но ненадолго, голова стукалась на очередной кочке о металлический пол, и я мучительно долго просыпался. Женька, по-моему, не спал вообще.

В предыдущем кишлаке мы батрачили на многочисленную семью какого-то важного духа: месили ногами глину с соломой, а потом строили из высохших блоков дом для его родственника. Там Женьке, который вдруг кинулся на хозяина Ахматулло – крепкого афганца лет сорока, поднявшего на него палку, – этот самый Ахматулло сломал руку. Ещё в одном кишлаке, где нас держали как диковинку, чтобы все окрестные жители могли приехать и полюбоваться на шурави, Женьке разбили голову. Одному презрительно поглядывавшему на нас подростку вздумалось плюнуть на Женьку. Друг, несмотря на связанные за спиной руки, дал наглому парню увесистого

пинка. А я зацепил ногу рванувшегося на Женьку какого-то здорового духа. Может, даже нечаянно. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы со стороны так показалось. Но, похоже, они всё поняли неправильно. Что тут началось! А как нас избили, когда из второго, по-моему, кишлака мы попытались сбежать! Расковыряли щепкой щель на стыке старенькой подгнившей двери и косяка и по миллиметру отодвинули засов. Тогда нас ещё не связывали. Успели добежать до первого поворота дороги. Нагнали на машинах, бросили в пыль. До сих пор страшно вспоминать... Два дня потом вообще подняться не могли. Думал, всё, сдохнем. Нет же, выжили. Зачем? После того побега мясо я жевать уже не смогу – нечем. Впрочем, нам его никто и не даёт.

Потом-то мы поняли, что надо было не спешить, подождать до ночи. Нет, рванули днём. Как только дверь открылась, словно разум потеряли. Да, с Женькой не соскучишься. И что удивительно, несмотря на то, что нам всё время из-за него достаётся, я нисколечко на него не злюсь. Наверное, потому, что немного даже завидую. У самого духу не хватает на то, чтобы сотворить что-то подобное: взять и врезаться головой в живот новому хозяину, когда тот пинает тебя ногой. Жаль, руки у Женьки были связаны. Я тоже успел подскочить, но и только – сбили и... очнулся вечером. Вот такое оно, сопротивление без надежды. Да, бессмысленное, но в нашем положении единственно возможное, наш единственный вид протеста, который мы, а точнее, Женька проявляет при первом же удобном случае. Ну а я уже поддерживаю в меру сил. Как получается. В нашей паре «я – Женька» я, несомненно, ведомый. Ну и ладно, рядом с таким, как мой друг, не стыдно быть вторым. Эх, жаль нас ребята из роты разведки, где мы отслужили больше года, сейчас не видят. Если это не героизм, который, как известно, есть презренье к смерти, то тогда что?..

Презираю ли я смерть? Это вопрос сложный. Скорее, я отношусь к ней как к смене дня и ночи. Она случится в любом случае, ну а раз так, зачем об этом думать? Мне по нраву девиз русских офицеров царской армии: «Делай что должно, и будь что будет».

Нет, братцы, всё-таки герои мы. Как ни крути. И пусть потом недосчитываемся зубов и целых костей. Зато... Даже не знаю, что «зато». Где-то я читал, что во время прошлых войн враги даже не пытались брать наших предков в плен – смысла не было. Во-первых, они ничего и никого не выдавали. Даже под пытками. А во-вторых, совершенно не годились для рабского труда: или помирали быстро, или сопротивлялись. К тому же они всегда были готовы к бунту или побегу. Потому-то русичи-рабы и не ценились на восточных рынках. Толку от них было мало, а вот забот... Я сейчас понял, что сила духа в нас дремлет до поры до времени. Русский человек с ней рождается и живёт всю жизнь. Думаю, сейчас нашлись бы деятели, которые со мной бы поспорили. Но тут спор невозможен. У нас слишком неравнозначный жизненный опыт. Пусть сначала пройдут тот ад, в котором мы с Женькой уже третий месяц обитаем. А потом и поговорим. Я до этих выводов собственной головой дошёл, через кровь, отбитые внутренности и сломанные кости. Русский может о собственной силе духа даже не знать. Жить себе обычным человеком, как мы с Женькой жили, пока в плен не попали.

Эх, а как мы попали-то по-глупому! Пришли в кишлак к знакомому духанщику за лепёшками. И только присели у него под навесом, как вбежали трое молодцов в чалмах и автоматами прямо в лицо тычут. А мы без оружия. Наши автоматы в оружейной комнате, в роте, под замком. Выдаются только в рейды и короткие выходы. А вот если так, втихаря сбежали, то извольте, дорогие солдатики, руками защищаться. И правильно, нечего по духовской территории шастать. Предупреждали же, говорили, и не раз. Нет же, захотелось свежего хлебушка. Вот и получили. Духанщик, сволочь, отвернулся, будто его ничто здесь не касается. Очнулись мы в каком-то неизвестном кишлаке. И пошло-поехало. Странно, почему-то мне совсем не страшно. Привык, что ли? А Женька, по-моему, вообще

не ведает, что такое страх. А ведь в нашей разведроте ничем особым не выделялся. Вообще незаметный был какой-то. А теперь вижу – у него силы духа на нас двоих, да ещё и с избытком. И в чём она только держится! Худой, даже тощий, от ветра шатается. А глаза на истончённом от голодухи лице блестят, живые глаза. Упёртый! Эх, что-то нас ждёт в следующем кишлаке?

Последние два часа подъёма я немилосердно прижимал Женьку к рельефному борту «тойоты»-пикапа, в кузове которой нас везли связанными по рукам и ногам. Женька морщился, иногда стонал, когда на ухабах меня стукало о его сломанную кисть. Ни рук, ни ног я не чувствовал уже давно – туго перетянутые верёвками, они перестали меня беспокоить. А ехали почти всю ночь. Далеко, видно, нас завезли. В наклонном кузове упереться, чтобы хоть чуть-чуть ослабить давление на друга, было не во что. Что ж, Женька мужественно терпел. Я бы, скорей всего, так не смог.

– Завтра вечерком надо в кишлак наведаться. – Сержант Волощук, родом откуда-то с Западной Украины, с непомерно выпуклой грудью и длинными ногами, этакий уродец, повалился на скрипнувшую сетку кровати и привстал на локте. – День рождения скоро, чарса бы подкупить.

Володя Урбо, сбитый, накачанный молдаванин, перекусил белую нитку и отложил форменную куртку рядом на покрывало – пришил свежий воротничок.

– А на что ты его покупать будешь?

Сержант порылся под подушкой и извлек эргэдэшку:

– Во, на пластинку, думаю, хватит.

– Должно хватить. На всякий случай чеков захвати, может, они и за деньги что продадут.

– Можно. – Волощук спрятал гранату обратно.

Молдаванин упаковал иголку в специальный футлярчик и, привстав, сунул в тумбочку около кровати.

– С кем пойдёшь?

Волощук ухмыльнулся:

– Пару молодых возьму. Вон, – кивнул подбородком в сторону прохода между кроватями, где, устроившись на табуретках, подшивались ребята младшего призыва, – Малышева и... – Он на несколько секунд задумался. – Сидорова, наверное.

Пётр Малышев, светловолосый, узкоплечий, со впалыми щеками и большими глазами слегка навыкате, положил шитьё на колени и многозначительно переглянулся со Славкой Сидоровым – самым невысоким во взводе связи, с густыми иссиня-чёрными волосами, что обычно у украинцев, шустрым малым. Когда-то на гражданке он был рыхлым увальнем, о чём сейчас напоминали разве что круглые румяные щёчки.

Володя пригнулся и глянул в сторону ребят:

– Зачем тебе эти доходяги? Взял бы лучше Бурова. Он и поздоровей будет, и пособразительней.

Генка Буров, крепкий, с белокурым ёжиком брянский парень, занимающий табурет у ряда кроватей напротив, из-под бровей бросил насторожённый взгляд в проход, где сейчас вершилась его завтрашняя участь.

– Не-е, они хоть и доходяги, но шустрые, опять же под колючей проволокой проще пролезть будет.

– Ну, смотри сам. – Молдаванин пристроил куртку на плечики и повесил на дужку верхней кровати Малышева. – Смотри ночью не скинь, – это уже Петьке.

Тот молча кивнул и поймал тревожный взгляд Славки. Он еле заметно мотнул головой к выходу. Малышев согласно опустил глаза.

В Афгане ребята младшего призыва служили уже месяца четыре. Позади остались полгода испытаний на прочность в ташкентской учебке связи, где они спали по четыре часа в сутки. Комбат где-то вычитал, что этого вполне достаточно для восстановления сил. А всё остальное время курсанты делили примерно поровну между строевой подготовкой и изучением технической части радиостанций, с одной стороны, и зубрёжкой азбуки Морзе – с другой. За эти месяцы азбуку вдол-

били в них до уровня профессионалов-телеграфистов. Самое интересное, что в Афгане она не применялась. Зачем учили? Лучше бы стреляли почаще.

В Афганистан почти все ребята стремились совершенно искренне. За полгода учёбы заявления с просьбой отправить «за речку», если бы их периодически не выбрасывали, заполнили бы наверняка все кабинеты офицеров учебки. А ребят отправили и так. Всех.

Служба в Афгане по большому счёту не тяжёлая, после учебки связисты, можно сказать, отдыхали. Караулы сменяли дежурства на узлах связи: телефонном и телеграфном. Изредка выпадали наряды в столовой, где они мешками чистили картошку и лук. Ещё реже отправляли на какие-нибудь хозяйственные работы. Например, на днях Малышев с земляком из Новосибирска Володькой Тишковым вытряхивали пять десятков одеял – готовились к наступлению осенних холодов. И всё бы ничего, если бы не та самая дедовщина, которой ребят так пугали ещё на гражданке. Все её «прелести» за первые четыре месяца им удалось вкусить в полной мере. В это время, чтобы узнать во встречном служивом своего одногодку, не надо было спрашивать, сколько он служит, – достаточно было просто взглянуть на нагрудные пуговицы его форменной куртки: если они вогнуты вовнутрь – значит, «молодой». Во взводе связи, как, впрочем, и в других взводах и ротах пехотного полка, от постоянных ударов по корпусу (в лицо бить опасались – синяки останутся) полые пуговицы со звёздочкой были вогнуты у всех. Особенно старался «бандеровец» Волощук. Молодёжь тихо материлась по углам и обещала отомстить ему при случае, устроив тёмную, но на открытый бунт пока не решалась.

Славка ждал Малышева за углом утеплённой палатки – казармы.

– Ты слышал? – он почти набросился на Петьку, – он собирается нас в кишлак с собой брать.

– Ну слышал, и что?

– Как что? А если взводный проверит после отбоя – ему-то ничего, а нас в столовую на неделю загонят как минимум.

– И что с того? Есть предложения?

Славка сник:

– Какие предложения? Просто не хочу туда идти, и всё.

– Ну так иди и скажи ему.

– Ага, скажи. Я что – самоубийца?

– А что тогда воздух трясти... Прогуляемся хоть за территорию, всё какие-никакие впечатления.

– Что-то мне подсказывает, что эти впечатления могут нас не обрадовать...

– С чего ты взял?

– А помнишь, деды между собой говорили, что месяца три назад в кишлаке двое наших пропали. Ушли за чем-то, и с концами. До сих пор не нашли.

– Ну помню. Так после того случая сколько народу в кишлаке уже побывало. Я и то два раза был: за лепёшками ходил и за чарсом для дедов. И ничего.

Славка похлопал по карманам и вытащил помятую пачку «Охотничьих». Порылся в ней двумя пальцами и извлёк пару гнутых сигарет. Одну протянул Малышеву. Тот достал коробок спичек. Он курил мало, но иногда хотелось, как в этом случае. Они немного отошли от входа в палатку и присели на лавочку в курилке. Славка склонился над зажжённой спичкой. Выдохнув первый клуб дыма, сказал:

– Твоя правда, пожалуй. Чего голову забивать, всё равно ничего не изменишь.

– А я что говорю.

Не успели они докурить сигаретки, как дневальный прокричал отбой. Ребята дружно поплевали на огоньки и споро направились в палатку.

Уже светало, когда машина наконец остановилась. Пыль догнала пикап и скрыла его в плотном облаке. Я закашлялся. Женька шевельнулся и сглотнул комок пересохшим горлом:

– Серёга, где мы?

Я попытался приподняться над бортом, но ничего не вышло – судорога свела мышцы шеи, и я быстро уронил голову обратно. За бортом гудели мужские голоса. Там здоровались.

Послышалась скороговорка бывшего хозяина, того самого, что сломал другу руку. Я прислушался. Но разве что поймёшь в этой тарабарщине?! Постепенно судорога отпустила.

– А фиг его знает, Жека.

В этот момент тент откинули, и слабое утреннее солнце осветило наши запылённые лица. Щурясь, мы дружно повернули головы. Ахматулло держал угол тента и кивал на нас. Рядом с ним стоял какой-то старик с седой бородой острым клином. Он изучающе, как товар, рассмотрел сначала меня, потом – более внимательно – Женьку. Похоже, хозяин что-то наплёл про него. Старик, не отводя глаз, что-то гаркнул, и по бокам пикапа тут же появились, словно выросли, двое дюжих молодцов в чалмах с автоматами Калашникова за плечами. Я успел заметить, что автоматы без пламегасителей, значит, китайские – духовские. Они легко подхватили меня, один – под мышки, другой – за ноги, и грубо кинули на утоптанную до каменистой плотности землю. В следующий момент рядом плюхнулся Женька. И застонал. Наверное, опять кисть ударил.

Старик протянул руку вперёд, указывая направление, и оба афганца направились к низенькой двери саманного домика. С нами остались два молодых духа в чалмах, похожие, как братья. Они присели рядышком и упёрли приклады автоматов в землю. Женька лежал ко мне спиной. Связанные руки чуть повыше запястий – там перелом – отсвечивали синевой. Место перелома, затянутое куском разорванной майки, выдавала нашлёпка засохшей крови. Он повернул ко мне голову:

– Слышь, Серый, посмотри, что у меня с рукой. Мне кажется, она отвалилась.

Я ещё раз опустил глаза.

– Не волнуйся, всё на месте.

Он тяжело вздохнул:

– Лучше бы она отвалилась.

Один из охранников привстал и с автоматом наперевес наклонился надо мной. Короткий тычок в зубы дулом – и зачем ему учить русский язык? И так всё ясно: надо молчать. Я беззвучно сплюнул кровь между обломками зубов.

И тут вокруг стало шумно. Из всех щелей между глиняными домиками выскочили мальчишки в широких штанах и девчонки в балахонах.

День прошёл в обычных армейских хлопотах. Петра Малышева и Славку Сидорова после развода отправили на почту. Ребятам предстояло помочь взводному почтальону – незлобивому «деду» Витьке Пархоменко, нескладному, вытянутому во всех местах: в руках, в ногах, в шее – и с носом, напоминавшим Буратино. Надо было разложить по подразделениям поступившую почту. Дело это не хлопотное, да ещё и в компании с хорошим товарищем. Связисты сразу же после команды «Разойдись» с удовольствием рванули в сторону почты.

Почту в полк привозили из дивизии в Шинданде два раза в неделю. Сегодня был как раз один из таких дней. Всю территорию полка, огороженную колючей проволокой, можно обойти минут за пятнадцать. До почты, небольшого двухкомнатного домика, занимавшего дальний угол части, ребята добежали за пять минут. Пархоменко, усевшись на стол, лениво перебирал конверты. Славка ворвался в комнату первым.

– Что, где работа? – Он потёр ладони.

Малышев остановился у него за спиной.

– Чего куда кидать?

Витька вяло кивнул в сторону наваленных в беспорядке коробок с конвертами в углу комнаты:

– Вон коробки, там, – перевёл взгляд в другой угол, где возвышалась этажерка с полочками-квадратиками, каждая из которых соответствовала взводу или роте полка, – адреса по подразделениям. Действуйте.

Связисты переглянулись. Они никогда не видели обычно спокойно-рассудительного Витьку таким поникшим.

– Витя, ты чего? – Малышев отодвинул земляка и приблизился к почтальону.

Пархоменко сполз со стола и махнул рукой:

– А... – И отвернулся к окну.

– Случилось чего?

– Да ничего не случилось, работайте. – Он зацепил со стола распечатанный конверт и бросил в мусорное ведро. – Через полчаса вернусь, чтобы закончили.

– Да ты чего, Вить, какие полчаса? Тут часа на два...

– Всё, я сказал! – Витька резко развернулся и вышел из комнаты.

Хлопнула входная дверь, и ребята остались одни.

– Чего это он? – Славка озадаченно покосился на дверь.

– Чего-чего, наверное, дома что-то случилось. Видел – он письмо в ведро кинул?

Сидоров ещё раз оглянулся на выход и привстал.

– А давай посмотрим.

– Э, ты чего, неудобно же... – Малышев хотел ухватить Славку за руку, но не успел. Тот уже забирался двумя пальцами в распечатанный конверт, который только что извлёк из ведра.

– Неудобно на потолке спать – одеяло падает. – Он быстро пробежал глазами по письму, а точнее небольшой, на полстранички, записке. – Так и есть, случилось. Девчонка не дождалась.

Малышев поднялся и заглянул земляку через плечо:

– Ничего себе! Пишет прямым текстом, что ждать не будет. Вот же наглая какая.

– А ты как бы хотел, чтобы она написала?

– Да... Не знаю даже, но как-то помягче, что ли.

– Тут хоть как пиши, смысл один.

Малышев беспокойно почесал затылок.

– Слушай, как бы он чего с собой не сделал.

Славка уложил записку в конверт и кинул обратно в ведро.

– Да ну, ерунда. Из-за какой-то девчонки.

– Не скажи. У нас в учебке один парень после такого же письма повесился. Правда, успели откачать – дневальный заметил.

– Витька парень уравновешенный, у него такого быть не может.

– Ладно, давай пока конвертами займёмся, а то вернётся, хоть и уравновешенный, а тут сгоряча точно накостыляет.

– Это точно. – Славка притянул к себе коробку с письмами. – Приступим, пожалуй.

Конверты медленно начали заполнять ячейки в полковой этажерке. Работа эта несложная, буква, приписанная к адресу в/ч 51345, соответствовала какому-нибудь подразделению части. Ребятам просто надо было разложить конверты по полочкам с указанными литерами.

– Слышь, Петро... – Сидоров достал из коробки очередную партию писем. – А у тебя девчонка есть?

Малышев замер и с улыбкой уставился в окно.

– Есть, конечно.

– Ждёт?

– Ждёт и пишет. Раз в неделю-две обязательно письмо получаю.

Славка вздохнул и потянулся за следующей стопкой.

– А у тебя с ней, это, ну, было что-нибудь?

Петро отрицательно цыкнул и мотнул головой, не поднимая глаз.

– А у тебя?

Володька наморщил лоб:

– Тоже не успел. Я на гражданке толстым был, девчонки на меня и не смотрели.

– Ну, это дело поправимое. – Петро вскинул глаза. – Из Афгана вернёшься стройным, как берёзка. Все девчонки наши будут.

– Надеюсь.

– Не сомневайся, они парней после армии, тем более Афгана, знаешь как уважают.

Володька довольно улыбнулся и запихнул в узкую ячейку толстую пачку конвертов.

Витька вернулся через час, мрачный и нетрезвый. Глянув коротко на разобранную почту, молча проследовал к столу и уселся на него.

– Свободны.

Ребята переглянулись.

– Вить, – Сидоров состроил жалобную физиономию, – может, мы у тебя побудем немного, ну хотя бы до ужина.

– В роте всё равно делать нечего, – подхватил Малышев, – а тут мы тебе ещё чем-нибудь поможем, а?

Витька скривился и смерил ребят нетрезвым взглядом. Постучал пальцами по столу.

– В карты играете?

– А в чё?

– В дурака.

– Конечно, – почти хором обрадовались ребята.

Витька наклонился, открыл ящик стола и, порывшись, извлёк замусоленную колоду.

– Берите стулья, подсаживайтесь.

Связисты бросились исполнять распоряжение.

После отбоя взводный, маленький пухлый старший лейтенант, заложив руки за спину, прошёлся по проходу между кроватями, где на табуретках ровными стопками была уложена форма ребят, и удовлетворённо хмыкнул:

– Молодцы, сержанты. Порядок, вижу, поддерживаете правильный.

Волощук в трусах и в майке неловко потоптался в проходе:

– Стараемся, товарищ старший лейтенант.

– Ну-ну. – Офицер развернулся и уже у выхода, откинув полог палатки, добавил: – Чтоб и дальше так старались.

Полог упал, хлопнула входная обтянутая брезентом дверь, и стук подкованных сапог начал удаляться в сторону офицерских домиков: по вечерам там играли в карты.

Волощук выждал минут пять.

– Сидоров, Малышев, на выход.

Ребята живо соскочили с кроватей второго яруса и сдёрнули аккуратно уложенную форму с табуреток.

– Ты тут присмотри уже. – Волощук туго намотал портянку и натянул второй сапог. – Мы быстро постараемся.

– Может, всё-таки ну его на фиг? – Неуверенно тронул его за рукав молдаванин. – Пусть молодые сами сбегают, тебе-то зачем ноги бить?

– Да ладно, схожу уже, раз решил, развеюсь. Да и не доверяю я им. Ещё надует их духанщик.

– Ну смотри. Давайте там поосторожней. Никуда не лезь.

– Прорвёмся. – Он уже стоял в проходе и нетерпеливо поджидал, пока Сидоров, суетясь, подтянет ремень. – Плохо, солдат, в норматив не укладываемся. Вернёмся, я тебе отдельно тренировку организую.

– Да у меня в пряжке скоба зажалась.

– Вот вечерком и посмотрим, что у тебя и где зажалось.

Вокруг хохотнули деды.

– Давай на выход, а то с вами до утра не соберёшься.

Ребята быстрым шагом вышли из палатки. Волощук махнул товарищам, лениво поднявшим руки в прощании, и решительно направился следом.

До колючей проволоки добрались без происшествий. Малышев оглянулся на Волощука, ожидая команды. Тот осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, кивнул: «Действуй». Малышев склонился над колючкой и приподнял одну ослабленную проволоку. Этим путём ходили в кишлак уже несколько месяцев как минимум два подразделения полка: взвод связи и разведрота. Начальство пока эту точку перехода не обнаружило, и хорошо. Волощук незаметно перекрестился и вторым нырнул в приготовленный проход. Присел рядом с опустившимся на колено Сидоровым.

– Ну что? Тихо?

– Угу, – буркнул Славка, пропуская Малышева под проволокой.

– Не «угу», а «Так точно, товарищ сержант!». Учить вас всё надо. Скоро полгода здесь, а всё как молодые.

Сидоров примирительно улыбнулся:

– Мы же не на плацу...

Волощук сощурился:

– Марш вперёд, разговорился что-то.

Ребята плечом к плечу пошли вперёд. Сержант пристроился позади. Минут пять шли не разговаривая. Ночь растеклась душная. Небо, затянутое чёрными тучами, не пропускало лунного света, что связисты сочли за хороший знак – на каменистой равнине их силуэты не заметят ни наши, ни духи. «Дурацкий климат, – проворчал Волощук вполголоса, – сентябрь, а жарит, как летом».

Петро Малышев быстро обернулся:

– А у вас на Западной Украине не так, что ли?

Волощук нахмурился:

– На моей Украине всё не так. Всё лучше.

– Так уже и всё? – не поверил Славка.

– Так, заткнулись и шагаем молча, – оборвал сержант разговор. – Вон уже кишлак видно.

В густой темноте проявились первые саманные дувалы.

Духанщик долго не открывал. Волощук ещё раз крепко постучал в низенькую дверь кишлачного магазинчика – духана:

– Во разоспался, или дома никого нет?

Но тут послышался скрип петель, и хриплый голос пожилого человека по-русски произнёс:

– Да иду я, иду.

Ребята не успели насторожиться. Только на другой день, вспоминая последующие события, Малышев логично рассудил, что уже после этой фразы, сказанной афганцем по-русски, надо было тикать во все лопатки. Он сразу почувствовал, что здесь что-то не так – как это духанщик вдруг понял, что за дверью русские? Значит, видели их уже и ждали. Но командир в этой тройке был не он, и потому солдат промолчал. О чём сильно пожалел потом.

Калитка распахнулась, и сильные невидимые в темноте руки буквально вдернули связистов одного за другим во двор. Было ясно, что влипли по полной. В руках у духанщика горела короткая свечка, небольшой круг сумрачного света обозначил бородатые лица со злыми глазами и дула автоматов.

– Вы чего, мужики? – растерянно пробубнил, вдруг заикнувшись, Волощук.

– Молчи, собака, – страшно прошипел пожилой дух с бородой клином, стоявший прямо перед сержантом, и мотнул стволом – мол, лечь, лицом вниз.

«Странно, – мелькнула в сознании Малышева мысль, – по-русски говорит почти без акцента». В следующее мгновение ему грубо вывернули руки, и он почувствовал, как крепкая верёвка стягивает запястья. Несопротивляющихся ребят, тыкая под рёбра кулаками и жёстко выламывая руки, связывали по очереди.

В одно мгновение нас окружила целая толпа гомонящих мальчишек и девчонок самого разного возраста, все в балахонах неопределённого цвета. Они столпились в метре от нас и что-то живо обсуждали, тыкая то в меня, то в Женьку пальцами. Наверное, делились впечатлениями. Удивительно, но в их глазах я не увидел ненависти или злости, только лёгкое удивление и любопытство. Похоже, жители этого кишлака находились в стороне не только от главных дорог страны, но и от войны. Первый охранник поднялся и что-то сердито гаркнул. Дети оборвали гвалт и, поглядывая на строгого взрослого, нехотя отступили на пару шагов. Дух добавил ещё пару, видимо, крепких выражений, и дети наконец разошлись. Но тоже не бегом, а не торопясь, я бы даже сказал, степенно. Почти за три месяца плена это были первые дети, которые мне понравились. Разогнав митинг несовершеннолетних, охранник снова уселся рядом с товарищем и, поставив автомат прикладом на землю, опёрся на него.

Где-то через полчаса бесцельного лежания под утренним, пока не горячим солнцем из домика выглянул тот самый незнакомый пожилой афганец и что-то крикнул по-своему. Охранник, который не участвовал в предыдущих событиях, неторопливо поднялся, закинул автомат на плечо и, вытащив кинжал из ножен, шагнул к нам. Женька, лежавший с закрытыми глазами, вообще никак на него не отреагировал, а я покосился с интересом: кого первым прирежет? Но молодой дух не стал никого убивать. Вместо этого он спокойно перевернул друга на живот и, чиркнув лезвием, разрезал верёвки на запястьях. То же самое он проделал и со мной. После чего пижонски щёлкнул кинжалом в ножнах и молча вернулся назад. Всё это время второй дух как сидел, облокотившись на автомат и равнодушно поглядывая на нас, так и продолжал сидеть, ни разу не шевельнувшись. Думаю, они верно оценили наше состояние. Да, сегодня мы не то что в драку кинуться, наверное, и подняться без помощи не сможем...

И только я так подумал, как из дома вышли оба духа: наш бывший и новый. Судя по их благодушному виду, сделка состоялась. Ну, хоть ехать никуда не надо. Я, нахально поглядывая на охранников, помассировал кисти. Они ещё не отошли, но понемногу возвращалась чувствительность. Ноги пока оставались тряпичными и плохо слушались. Женька осторожно подтянул к себе больную руку и сел, придерживая её здоровой. Новый дух кивнул в нашу сторону и сделал красноречивый жест ребром ладони по горлу: «Готовьтесь к смерти, шурави!» И уже по-таджикски отдал следующую команду. Поразил русский язык, на котором афганец, оказывается, изъяснялся почти без акцента. И где только набрался? А к смерти мы и без его предупреждения давно готовы. Оба охранника резво подскочили с земли и, подхватив нас под мышки, рывком поставили на ноги. Кое-как я поковылял вперёд, поддерживая Женьку, который держался на ногах ещё хуже моего.

Нас завели в маленький каменный домик без окон с крепкой дверью и тут же её захлопнули. Мы очутились в полной темноте и без сил повалились на жёсткий земляной пол.

Старый афганец с короткой седой бородой клином и умными злыми глазами склонился над Волощуком и пальцем приподнял его подбородок. Сержант вжал голову в плечи и с ужасом смотрел на старика.

– Что, тебя первым резать? – на хорошем русском спросил тот.

Сержант активно замотал головой, так что крючковатый палец с чистым ухоженным ногтем повис в воздухе.

– Н-н-не… – неразборчиво прохрипел Волощук.

Но старик понял. Он обернулся к застывшим в дверях бойцам с курчавыми завитками на подбородках и с автоматами в руках. Они были удивительно похожи друг на друга, как братья, а может, они и были братьями – сыновьями этого страшного старика. Оба в широченных афганских шароварах грязно-белого цвета и длиннополых зелёных куртках из войлока – в таких ходят сорбосы, солдаты правительственных войск. Возможно, парни – дезертиры, в Афгане это не редкость. Оба с недобрыми равнодушными взглядами, в которых, казалось, никогда не было и не может быть сочувствия. Малышев подумал, скажи старый им сейчас придушить шурави или вырезать на спинах звезду, как они любят делать с пленными, – выполнят и не поморщатся. С таким же холодно-презрительным выражением глаз и даже, наверное, без злости, как повседневную работу. Но старик пока сказал им что-то другое. Один из братьев тут же развернулся и вышел. Второй же взял автомат на изготовку и слегка напрягся.

Русских привезли в этот кишлак сегодня утром, ещё в темноте выгрузили, словно мешки с картошкой, из тесной «тойоты»-микроавтобуса, где они несколько часов безжалостно толкались и стукались друг о друга. И сразу перерезали верёвки. «Неужели они так презирают нас, восемнадцатилетних мальчишек, что не ожидают никакого сопротивления? – думал Малышев, присаживаясь на ровную землю в глиняном домике, спина к спине со Славкой. – Или рассчитывают на хорошую реакцию охранников или на то, что сбежать из кишлака, окружённого высоким дувалом, да ещё на высокой скале, невозможно?»

Трое русских солдат испуганно и понуро сидели на полу саманной хижины у стены и старались не встречаться взглядами с афганцами. Петька разглядывал исцарапанную глиняную стенку дома, Славка внимательно вглядывался в кусочек земляного пола под ногами. Волощук, казалось, вообще не дышал, чтобы не привлекать к себе опасного внимания. Неожиданно дверь распахнулась, и вслед за вернувшимся охранником в хижину вошёл высокий европеец в афганской одежде. Он остановился посреди комнаты и, важно расставив ноги, вложил пальцы под ремень, опоясывающий широкую рубаху. Старик снова обернулся к ним и медленно потянул свой страшный крючковатый палец к подбородку Волощука. Тот сжался. Славка Сидоров зажмурился, а Малышев отвернулся. «Боже, дай нам быструю смерть!» – еле слышно проговорил он.

Я очнулся от тихого стона. Приподнял голову и в полумраке разглядел сидящего по-восточному, подогнув ноги, Женьку. Он раскачивался, словно маятник, и баюкал больную руку.

– Что, болит? – Я приподнялся на локте.

Женька промычал что-то неразборчивое, не прекращая движения.

– Дай-ка посмотрю, что у тебя там.

Друг послушно протянул ладонь. В учебке нас учили оказывать первую помощь, но чем я мог помочь здесь, в этом диком убежище, где не было даже тряпки, которой можно зафиксировать кисть? А духам вообще было всё равно, когда мы откинемся: сегодня или завтра. Станут они утруждать себя такой мелочью, как перевязка пленного.

Кисть выглядела, мягко говоря, не очень. Из опухоли на сгибе сочился гной. Он пропитал кусок майки, которым мы замотали руку. У Женьки был жар. Он облизывал пересохшие губы, в темноте, как два серых уголька, блестели его нездоровые глаза.

– Да...

– Что, хреново?

– Да есть маленько. – Я отпустил кисть, и Женька снова прижал её к груди.

За стеной раздались громкие голоса. Они приближались. Мы выжидающе уставились на дверь. Идут за нами, чтобы выполнить обещание того афганца? И вдруг я почувствовал, что вспотел. А ведь умирать-то не хочется!

Дверь распахнулась, яркий свет горячего дня на несколько секунд ослепил меня, и уже знакомые молодые афганцы направили на нас дула автоматов:

– Кош.

Мы уже знали, что это означает «пошли отсюда». Нас провели между высокими дувалами, из-за которых выглядывали любопытные детские лица, и мы оказались на небольшой утоптанной площадке, наверное, центральной «площади» селения. Афганцы коротко показали нам дулами место на её краю, у стены дома. Мы послушно присели. Духи остались стоять, не опуская автоматов. В этот раз они были напряжены, а пальцы лежали на спусковых крючках. Правда, снимали ли они их с предохранителя, я не видел. Их поведение нам с Женькой не понравилось.

Постепенно на «площади» собрался народ. Тут были и бородатые старики, и подростки, и ещё несколько крепких парней с оружием за плечами. Не видно было только женщин. У них с этим строго: при чужих и за порог не выпустят. И тут мой рот открылся сам собой: из-за дувала вывернул Волощук – знакомый связист из полка, за ним шагали ещё двое наших, мне незнакомых, – скорей всего, ребята последнего призыва. Женька тоже уставился на сержанта во все глаза. Волощука сопровождал дух с автоматом наперевес, а дальше появился какой-то европеец, одетый, как все местные, в балахон и с небольшой видеокамерой в руке. Он провёл видоискателем по толпе афганцев, потом перевёл камеру на нас. Особенно внимательно он фиксировал на плёнку Женькину физиономию. Мой друг был популярен даже у иностранцев, но это не та известность, которой можно завидовать. Последним шагал тот самый старик, который приобрёл нас утром. Лица наших парней отсвечивали самыми разными синяками и кровоподтёками – духи постарались. Товарищей по несчастью толкнули к стене рядом с нами. Волощук оказался последним в ряду. Он опустил голову вниз и ни на кого не смотрел. Слева от меня сидел незнакомый светловолосый паренёк. Мы обменялись взглядами, и он еле заметно кивнул – поздоровался. Я ответил. Вместе мы повернулись к афганцам.

Старик остановился перед иностранцем и почти чисто заговорил по-русски, позируя. Что-то про священную борьбу против неверных, нас то есть. Про то, что смерти его единоверцев не останутся безнаказанными. Что нас прирежут, как баранов. И что мы не воины, а так, салабоны – нас даже не связывают. И ещё какую-то чушь, которую я уже не слушал. Вот и пришёл наш последний час. О, как высокопарно получилось. Ну, сволочи, если сейчас надо будет умереть, вы не увидите слёз русского. И тут кто-то рядом заплакал, громко, почти навзрыд. Я выглянул из-за светловолосого соседа, тоже повернувшего голову. Плакал сержант. Опустив лицо на руки и вы-

тирая слёзы о рукава «экспериментальки». Вот же скотина, он что думает, его эти слёзы спасут? Хотя он, скорее всего, не думает вообще: мозги от страха отшибло.

В этот момент старик торжественно извлёк кинжал из ножен на поясе и зачем-то потряс им перед камерой. Потом добавил несколько слов по-своему и шагнул к Волощуку. Трое охранников щёлкнули предохранителями и передёрнули затворы – наконец-то сообразили – и отступили от нас на пару шагов, не опуская стволов. Бараны, бараны, а на мушке держат.

– Пс, пс, – Женька опять что-то хотел мне сказать.

Я незаметно качнулся в его сторону.

– По моей команде, – одними губами проговорил он.

Я не столько услышал, сколько уловил кожей слабые колебания воздуха. А из них уже сложились слова. Ну вот, он опять прочёл мои мысли. Я быстро глянул на соседнего паренька. Он был бледен и напряжён. Крупные капли пота покрывали лоб, а на нижней прикушенной губе выступила капелька крови.

– Делай как мы, – я наклонил голову, чтобы охранники не видели губ.

Понял он меня или нет, я так и не узнал. Старик зашёл Волощуку со спины, задрал голову подвывающего сержанта и приставил кинжал к дёргающемуся кадыку. Он улыбался. Иностранец невозмутимо снимал.

«Ну, сопротивляйся, – хотелось крикнуть мне, – мы же не связаны». Пальцы сержанта нервно комкали ткань на груди. Старик слегка отстранился, чтобы не обрызгало, и деловито дёрнул ножом – на землю ручьём хлынула чёрная кровь. Все: и зрители, и охранники – уставились на дёргающееся тело сержанта. В следующий момент в мои уши ворвался негромкий шёпот:

– Давай.

Мы с Женькой подскочили одновременно. Я успел проскользнуть мимо пыхнувшего огнём дула среднего охранника и со всей силы лбом врезался ему в нос. Охранник булькнул кровью и осел, закрыв ладонями лицо. Слева Женька головой вперёд уже падал на другого духа – тот получил удар под дых затылком и, закатывая глаза и задыхаясь, валился на спину. Я на лету подхватил падающий автомат, вставил палец в скобу и веером – спасибо охраннику, поставил на очередь – прошёлся по толпе зрителей. Кто-то сразу упал, поймав пулю, остальные бросились врассыпную. Я заметил, что иностранец тоже упал, а его камера отскочила от камней, как мячик. Несколько секунд, и затвор щёлкнул вхолостую – патроны закончились. Женька копошился рядом, пытаясь левой рукой поднять автомат, и тут ещё одна очередь справа от меня прошила разбегающихся афганцев. Я мигом оглянулся. Светлый паренёк, стоя на колене, прищурившись, строчил из автомата. Рядом второй связист, тёмненький, лёжа на спине, из последних сил сжимал горло наседающего на него крупного охранника. Ещё через какие-то секунды закончились патроны и у моего соседа. Пока он зачем-то отстёгивал магазин, я шагнул в сторону схватки и ударом приклада чуть ниже черепа помог связисту одолеть духа. Тот брезгливо скинул с себя расслабившееся тело и начал подниматься. Краем глаза я заметил движение у стены и автоматически выставил перед собой трофейный автомат, защищаясь. О его металлическую крышку звякнул кинжал и отлетел в сторону. Старик замер в полудвижении. Раздался одиночный выстрел. На его ключице появилось пятнышко крови, которое стало быстро расти. Он недоуменно глянул на нас и... осел. Женька, морщась от боли, опускал автомат.

– Посмотрите, у духов в карманах должны быть ещё магазины.

Мы бросились к неподвижным охранникам. Запасной магазин оказался только у одного – того самого, с которым боролся Женька. Похоже, он уже приходил в себя. Я поднял кинжал старика и склонился над духом. Я сделал это спокойно и сам поразился тому, как это получилось. Милосердие из меня выбили вместе с зубами. Потом я подошёл к следующему.

Ребята стояли рядом и молча смотрели на мои короткие, будто отточенные опытом

движения. У меня появилось ощущение, что это делал не я, а кто-то другой, проснувшийся во мне. Сам я не смог бы зарезать даже курицу.

И никто не отвернулся.

– Уходим. – Женька взял автомат на плечо. – Пока не очухались.

Мы рванули за ним. Замелькали дувалы и кибитки. Через минуту мы уже были на краю кишлака. У стены стоял припаркованный пикап. В замке зажигания торчал ключ. Слова стали лишними. Я прыгнул за руль: опыт вождения на гражданке был, хоть и небольшой. Женька забрался на сиденье рядом, ребята попадали в кузов. Я резко тронулся. Позади громыхнула очередь, ещё одна. Пули разбили оба стекла: заднее и переднее. Нет, нас так просто не возьмёшь. Ещё пара метров, и машина завернула за скалу, закрывшую пикап от автоматной стрельбы. Я мельком оглянулся: ребята, лёжа на спинах, держались за борта. Женька рядом сжимал зубы и белел скулами: наверное, опять нахлынула боль. Я сильней прижал педаль газа. Вырвались! А ведь мы вырвались!

Часа через три бешеной езды по горной дороге, чудом не слетев в пропасть и не врезавшись в скалу на повороте, запылённые и измученные, мы остановились у вынырнувшего из-за горы поста сорбосов. Глядя на бегущих к нам афганцев в зелёной форме, я тихо прошептал: «Боже, благодарю тебя за то, что ты есть!» И вздрогнул: на меня повалился потерявший сознание Женька.

АФГАНСКАЯ СКАЗКА

РАССКАЗ

Голые, отполированные ветром и дождями камни, раскиданные неведомой могучей силой во всех направлениях, отражали слепящие лучи не хуже зеркал. Яркое афганское солнце кидалось зайчиками, словно не наигравшийся ребёнок. Девять бойцов Советской армии в выгоревших до желтизны «экспериментальках» и широкополых панамах щурились, молча вытирая на ходу пот рукавами гимнастёрок. Темные пропотевшие куртки обжигали, особенно на плечах, где ткань прижималась лямками вещмешков и ремнями автоматов. От спин поднимался пар, высыхая на горячем ветру, несущем пыль и сушь. Высохший пот оставлял на спинах белые солёные разводы.

– Слышь, Колян. – Тонкий, высокий, со впалыми скулами паренёк сглотнул пересохшим ртом фантомную слюну. – У тебя во фляге совсем ничего не осталось?

Колян, Николай Легков, плечистый, мощный боец, недовольно покосился на соседа и земляка – вместе призывались из небольшого североуральского посёлка – Ивана Бажова.

– Откуда? Часа два назад последний глоток сделал...

Иван перепрыгнул впадину между огромными валунами, сваленными на горной тропе в полном беспорядке.

– Когда же привал? Ещё немного, и я спекусь на этой раскалённой дороге, как уж на сковородке.

Идущий впереди старший лейтенант Вольнов оглянулся:

– Меньше разговаривай, Бажов. Силы береги. – Он пропустил трёх понуро сопящих бойцов и пошёл рядом с земляками. – Терпите, вы же «деды». Чуть-чуть осталось. Скоро небольшой закуток в скалах, а внизу, специально для тебя, Бажов, ручей.

– Уф-ф, – выдохнул Иван, – слава богу.

Старший лейтенант покосился на бойца.

– Ты чё, верующий, Бажов?

– Да нет. Я в сказки верю, бажовские.

– Бажов-сказочник не твой родственник

случайно?

– Вряд ли. У нас Бажовых полпосёлка. Но сказки он наши писал. У меня дед их все знает, правда, по-другому рассказывает.

– Это как – по-другому?

Иван улыбнулся потрескавшимися губами.

– А с матерками, змеями-мужиками и бабами голыми...

Старший лейтенант с интересом глянул на Бажова.

– Вернёмся, расскажешь?

Каневец, вёрткий, самый невысокий боец в разведвзводе, откуда-то с Западной Украины, выглянул из-за потных спин товарищей.

– Особенно про баб голых вот с такими... – Он развёл руками, словно держал перед собой два огромных арбуза. – Сказку на ночь, а? – И хрипло засмеялся.

Рядом улыбнулись ещё несколько разведчиков.

– Расскажу, – пожал плечом Бажов.

Старший лейтенант разбежался и подскочил на валун рядом с каменистой тропой.

– Так, хлопцы. Почти пришли. Всем стоять. Ушаков, Могильный, бегом вперёд. Проверить и доложить.

Бойцы перекинули автоматы на грудь, и глухой топот сапог быстро стих за скалой. Старшина Григоридзе, сверхсрочник, крепкий, с сильными накачанными ногами легкоатлета, в обтягивающих не по уставу штанах, напряжённо оглянулся назад. Что-то беспокоило его, он никак не мог определиться – что же именно. Вроде всё спокойно и на следах пусто. Как минимум насколько слышалось и хватало глаз.

Остальные бойцы присели на корточки, а кто-то умудрился устроиться на раскалённых камнях.

Через десять минут разведчики вернулись с коротким докладом: «Всё чисто».

Старший лейтенант кивком поднял взвод. Бойцы живо выстроились в походный порядок. Запасы воды во фляжках к этому времени закончились у всех.

Информация пришла по оперативным каналам, или, говоря проще, от пастуха Ибрагима, давно сотрудничавшего с шурави. Гоняя коз по окрестностям, он случайно углядел на склоне горы, указанной на картах как вершина № 17, «духов», с трудом затаскивавших тяжёлые ящики в узкую щель небольшого грота. Обрадованный возможностью заработать – русские честно расплачивались с осведомителем чеками, – он пролежал в укрытии между валунами около двух часов.

За это время бородатые афганцы затащили в пещеру около двадцати ящиков. Привалили ко входу несколько камней. Один из «духов», присев у завала, поколдовал с проволокой и гранатами. Дождавшись в отдалении, пока он закончит, отряд душманов наконец удалился.

Уверенный, что такими тяжёлыми могут быть только ящики с оружием, пастух быстренько отогнал коз домой.

В полк Ибрагим заявился утром следующего дня. Почёсывая грязным пальцем за ухом, корявенько нарисовал приблизительную схему закладки и места, где «духи» разместили сюрпризы. Наивно улыбаясь, выслушал строгого замполита полка, предупредившего, что если он ошибся с местом или перепутал оружейные ящики с тюками шерсти, то «шурави» его обязательно найдут и вытрясут из него не только заплаченные деньги, но и душу. Слегка поклонившись, он упрятал в карман широченных афганских штанов причитавшийся ему бакшиш и был таков.

Через час из расположения полка под завистливыми взглядами бойцов пехотных рот – на дело отправляются! – вырулили две БМП. На броне, словно лихие ковбойские кинозвёзды, восседали не менее лихие разведчики. Оставляя за траками пыльные буруны, бронированные машины на полном ходу скрылись в раскалённой голубизне поднимающегося марева.

К вечеру наглотавшихся до печёнок пыли и песка, но не растерявших боевого задора разведчиков высадили у подножия невысоких, но непроходимых для техники гор. Отсюда до вершины № 17 оставалось 15 труднопреодолимых километров. Вообще-то к этой горе можно было подобраться на БМП

и гораздо ближе – километров на пять, но тогда пришлось бы проехать через кишлак, а это однозначно конец операции ещё до её начала.

Рейд сложился на редкость удачно. Марш-броском за остаток вечера и утро следующего дня преодолели полтора десятка километров. В 10 часов с небольшим бойцы попадали за камни перед указанной на карте точкой. Долго в девять пар глаз рассматривали гористые окрестности. Не заметив ничего подозрительного, вышли на склон. Пастух не соврал – свежий завал в небольшой ложбинке имел место. Нашлись и указанные Ибрагимом растяжки.

Быстро раскидали камни. В неглубокой пещерке рядами, как молодые солдатики на плацу, выстроились зелёные оружейные ящики. Взломав крышки у верхних, разведчики обнаружили новенькие, в заводской смазке, автоматы Калашникова.

– Семь шестьдесят два, – определил калибр старшина и присвистнул, – сколько же их тут?

Старший лейтенант выбрал из развороченных ящиков пару стволов для отчёта перед командиром полка. Подумав, ещё пять автоматов раздал солдатам на пополнение оружейного НЗ взвода. Напоследок прихватил на хозяйские нужды шесть тяжеленных цинков с патронами, сунув их в вещмешки разведчиков. Бойцы хмуро поморщились, но перечить не решились. В части они ещё могли бы возмутиться – всё-таки «деды», но в рейде с командиром не спорят.

– Остальное к чертям. – Задрав палец, он указал примерное направление.

Сапер взвода, маленький, но плечистый татарин Артур Садриев, покряхтывая, запихал под ящики взрывчатку. Пощёлкал самодельной зажигалкой, запуская огонёк по шнуру. Убедившись, что уже не потухнет, бегом на полусогнутых рванул к остальным бойцам, наблюдавшим за его действиями из-за ближайшей горки.

Рвануло так, что услышали, наверное, в столице горного края Герате. Похоже, среди ящиков с автоматами оказался как минимум один со взрывчаткой. На всё про всё разведчики потратили не больше часа.

– Эк долбануло. – Старший лейтенант прочистил оглохшее ухо и, не скрывая удовлетворения, дал команду связисту Мишке Михайлову связаться со штабом. Мишка, конопатый, с добродушным взглядом широко открытых глаз, устроив на камне заплечную рацию, деловито защёлкал тумблерами. Лейтенант прижал к уху наушники. Даже связь в этот день установилась с первого раза, не помешали и высокие развалы окружающих гор.

Начальство в штабе хорошим новостям обрадовалось.

– Когда встречать? – рация хрипло кричала возбуждённым голосом дежурного офицера.

– К утру, – подумав, выдал Вольнов.

На всякий случай перестраховался. Подойдут наверняка раньше, будет время осмотреться.

– Добро. – Штабист помчался докладывать командиру полка, а старший лейтенант, бросив наушники связисту, дал команду к отходу.

Довольные, предвкушая медали и, может, даже ордена, разведчики вышли на собственные следы.

Нагруженные добычей шли медленней и к 16 часам не миновали и половины пути. К этому времени изнемогшие под безжалостным солнцем бойцы расположились на привал в крохотном горном «закутке», как выразился Вольнов.

Старший лейтенант, отправив по бойцу вперёд и назад, в караулы, подозвал Бажова.

– Собирай фляги, пойдёшь к ручью – наполнишь. Вон тропка, – офицер указал подбородком на узкую расщелину, зажатую громоздкими скалами. – Да, Легкова возьми – подсобит.

Бажов кивнул – у разведчиков про уставные отношения без особой надобности не вспоминали. Старший лейтенант вообще многое прощал бойцам, лишь бы дело делали. Оглянувшись, Иван махнул рукой земляку. Тот нехотя поднялся.

Григоридзе, стянув флягу с ремня, кинул её в подставленные руки Легкова. Николай поймал и повернулся к следующему. Бойцы охотно протягивали посудины. Разведчики,

выбранные водоносами, неторопливо обходили товарищей.

– Вы давайте быстрей. Пить же охота, – не выдержал Артур Садриев.

– Уже идём. – Бажов оглянулся через плечо. – Колька, не отставай.

Легков, на ходу поправляя автомат, поспешил за другом.

Защёлкнув ремень на поясе, старшина медленно приблизился к развалившемуся в тенёчке под скалой Вольнову.

– Слышь, Артём, – между собой, когда не слышали бойцы, старшина и взводный называли друг друга по имени. Они были почти ровесники – всего пара лет разницы.

Старший лейтенант, не поднимаясь, указал на место рядом с собой. Григоридзе присел, опираясь на автомат.

– Не нравится мне это.

Вольнов откинулся на каменную стену и прикрыл глаза:

– Что именно?

– Как-то гладко уж слишком. Как бы чего не проворонить. «Духи»-то тоже взрыв слышали. А что, если идут за нами?

Вольнов вяло прищурился.

– Расслабься, Саша. У нас фора часов пять как минимум. К тому же идти осталось примерно столько же. Если и преследуют, уже вряд ли догонят.

Григоридзе сломал тонкую веточку неизвестной колючки, затерявшейся в камнях, и поковырял в зубах.

– Ну ладно. Будем надеяться, что так. Но я бы посты удвоил, от греха, пусть отдыхают и охраняют одновременно.

– Удвой, – благодушно согласился Вольнов и надвинул панаму на глаза.

Григоридзе выплюнул ветку и решительно поднялся.

Горная тропинка петляла, будто полоз на горячем песке. Только что разведчики перепрыгнули через глубокий, метра на три, провал. По сторонам, словно полуразрушенные зубы древних драконов-великанов, поднимались скалы. Тропинка выписывала петли и зигзаги, круто уходящие вниз, и бойцы почти не разговаривали, опасаясь улететь вместе со скользкой каменистой крошкой. Наконец вышли к роднику. Тонкий, словно струя из-под крана, ручеёк журчал, обмывая гладкие бока валунов.

– Вода, настоящая! – Иван бросил ремень, на котором, будто караси, болтались фляги товарищей, вода потекла в подставленные ладони.

Николай легко перепрыгнул на соседний камень и почти в точности повторил движения земляка.

Напившись, разведчики не сговариваясь сбросили пропотевшие куртки и майки. Минут пять они умывались ледяной водой, брызгаясь и фыркая от удовольствия. Набултыхались вдоволь. Легков первым вспомнил, зачем их сюда отправили. Мокрые и довольные, они стянули фляги с ремня и уселись у ручейка, подставляя их под мягкую струю.

– Ваня, а что у тебя там со сказками? Правда, что ли, такие? – Николай закрутил крышку одной и потянулся за следующей фляжкой

– Какие? – Иван погрузил свою фляжку поглубже в ручеек.

– Ну, – Николай помялся, – с бабами там, со змеями?

– Правда. А ты что, не слышал разве?

– Не-а, мне как-то никто не рассказывал.

– А у меня дед Егор – сказочник. Правда, раньше он мне другие сказки рассказывал, – Иван усмехнулся. – Больше про домовых, леших всяких. Но тоже занимательно. А как в старшие классы перешёл, начал уже всё подряд рассказывать. Очень интересно, скажу.

Николай наполнил последнюю флягу:

– А змеи там что? С женщинами, что ли, живут?

Иван улыбнулся.

– Бывали и такие случаи. В сказках, – уточнил он. – А вообще там змеи как люди. Ну в смысле такие же умные. И волшебные.

– Интересно... – протянул Николай.

Иван отряхнул мокрые руки и потянулся за одеждой.

– Смотри, Коль, – он натянул подсохшую куртку, – камень какой интересный.

Сверху нависал булыжник с кабину грузовика. На вершину, утыканную зубцами,

вели узкие выступы, словно выбитые ступени.

– Ничего себе камушек! – согласился Легков.

Иван перепрыгнул ручей.

– Сейчас залезу – посмотрю, что там наверху.

– Давай, только быстро – идти пора.

– Ладно. – Бажов уже карабкался на первую ступеньку.

Несколько движений, последний прыжок на верхнюю площадку, и Иван выглянул между толстых зубцов. Свесив ноги, оглянулся.

– Ну что там? – Легков, улыбаясь, смотрел вверх.

– Здорово. Правда, места мало – не развернуться. А так – как в крепости. Бойницы кругом. Средне... – Иван не договорил. Ему в лицо смотрела, слегка раскачиваясь на каменном выступе, крупная змея. Она вздрогнула телом, и что-то тихо зашелестело, словно тронули треснувшую детскую погремушку.

– Змея! – прошептал Николай. – Гремучая. Не двигайся. Я попробую её сбить.

Он кинулся назад за автоматом. В этот момент змея скользнула по закаменевшей руке Ивана. Позвякивая смертельной погремушкой, она медленно обвила его шею. Бажов замер, не смея вздохнуть.

Николай подхватил автомат, обернулся, и нога замерла на полушаге: сверху, из лагеря разведчиков, прогремела длинная автоматная очередь. Он мгновенно побледнел, уже зная, что там происходит. Следом грохнули ещё несколько одиночных выстрелов. Автоматы застучали глухими молоточками. Ещё десяток выстрелов... И всё смолкло.

– Как же так? Что же такое? – Николай сделал шаг по тропинке и вдруг остановился, беспомощно оглядываясь на застывшего, как изваяние, с выпученными глазами земляка. На его шее удобно устраивалась толстая гремучая змея. – Чёрт вас всех... – Он кинул автомат за спину и в один прыжок перескочил ручей. – Держись.

Ухватившись за выступы, он подтянулся. Подошва сапога уперлась в шершавый камень, Николай перехватился, ещё две ступеньки остались внизу. Последним усилием он вытянулся над верхней площадкой и задержал воздух, рвавшийся из лёгких, – на него холодными неживыми глазками смотрела вторая змея. Она вытянулась над карнизом и слегка покачивалась, издавая уже знакомые позвякивающие звуки.

Он наконец выдохнул и разжал пальцы. Почему он это сделал, Николай потом так и не смог объяснить. Короткое двухметровое падение остановили валуны. Он соскользнул с них и плюхнулся спиной в ручей. И тут же вскрикнул, хватаясь за ногу. На щиколотке мгновенно вспухла огромная шишка. «Перелом», – ахнул Николай и изо всех сил стиснул зубы, чтобы не закричать от боли.

Всё так же светило солнце. С одной стороны спину грели горячие камни, с другой булькала под боком вода. Но все эти ощущения приходили будто бы уже из другого мира, перечёркнутого несколькими очередями там, наверху. Они не участвовали в бою! И уже не смогут. А там, может быть, сейчас убивают ребят. Эх, как же так?

Выждав пару минут, он подтянул повреждённую щиколотку. Переждав самую острую боль, собрался. И одним рывком выкинул тело из ручья, который запрудил спиной, и вода уже начала разливаться вокруг. Кое-как выполз на сухую каменистую почву и затих, кусая губы.

Так он пролежал около часа. Иногда постанывал, переползая, сам не зная зачем, словно надеялся, что в стороне будет не так больно, на сантиметры влево или вправо.

Постепенно боль притихла. Николай осторожно перевернулся на спину. И задержал дыхание, чтобы не закричать от огненной вспышки, колыхнувшейся в сломанной щиколотке. Когда боль чуть-чуть схлынула, он поднял голову.

На камне так и сидел Иван. Обернувшись вокруг его шеи, казалось, дремала змея. Если бы не подрагивающие веки земляка, Николай подумал бы, что он тоже или спит, или умер. Солнце наполовину скатилось за ближайшие вершины. Скалы поблёкли и уже не гоняли зайчиков с одного камня на другой. Жара пошла на убыль. Вечерело.

– Ваня, ты там как, живой? – голос хрипел и сворачивался, словно капли крови на пальце в кабинете медсестры. – А?

Иван моргнул, пересохшее горло дёрнулось, пытаясь проглотить скопившуюся слюну. Змея почувствовала это движение. Чуть вздрогнув, подняла голову. Два разведчика на разном расстоянии, но с одинаковым ужасом наблюдали за ней.

– Не шевелись, Ваня. – Легков с усилием потянулся и, ухватившись за ремень автомата, дёрнул его.

Что-то произошло. Змея вдруг потекла, глухо подрагивая ободками «погремушки». Медленно, петля за петлёй, она развернулась, сползая с плеча Ивана. Тот, не веря глазам, постепенно выдыхал воздух, чувствуя, как катятся капли пота за освободившийся воротник. Змея перебралась на каменный выступ «бойницы» и... исчезла.

Иван бережно, будто не веря, что наконец свободен, покрутил шеей. Оглянулся на Николая.

– Что, ушла? – почему-то шёпотом спросил Николай.

Иван сглотнул, голос чуть не сорвался:

– По-моему, ушла. – Он наклонился, заглядывая вниз.

Никого не увидев, быстро лёг животом на камень. Ступни нащупали ступеньку, затем вторую. Внизу упал – ноги не держали. Положив автомат, начал яростно тереть кожу, разминая затёкшие голени. Наконец с трудом перешагнул ручей.

– Что у тебя? – Он присел у приподнявшегося на локтях Николая.

– Перелом, похоже, – сморщился Легков.

– Опирайся на меня, попробуем подняться.

– Нет. Давай наверх, узнай, что там за стрельба.

Иван подпрыгнул, хватая автомат.

– Ладно. Я бегом.

– Не торопись там... Кто его знает...

– Не учи учёного.

У валунов, зажимавших тропку, было тихо. Ступая на цыпочках, сдерживая разбушевавшееся дыхание, выглянул из-за крайнего камня. Ему хватило пары секунд, чтобы увидеть всё. Зажав ладонью готовый вырваться крик, он медленно сполз по камню.

Длинная тень, словно преданный пёс, ползла за ним по залитой кровью площадке. Кровь была везде, чёрные лужи, казалось, пропитали камень и уже не смоются. Иван тронул ногой разбитую рацию и всхлипнул. На площадке, где ещё недавно отдыхали молодые и сильные парни, в разных позах застыли мёртвые тела. Голова Мишки Михайлова, разбитая до состояния кровавой смеси, лежала на обломках рации. Как и рука. Видимо, Мишка до последнего не давал выхватить у него аппарат.

«Где же караульные?» – Иван побрёл за ближние камни. Ребята должны были сидеть там.

Он нашёл разведчиков в небольшом углублении между булыжниками. Два окровавленных тела аккуратно лежали лицом друг к другу. Похоже, они не услышали подкравшихся «духов».

Иван добрался до противоположного края площадки и, обессиленный, присел рядом с брошенным у скалы телом командира. В руке Вольнова, залитый кровью, чернел нож. Рядом скорчился Григоридзе. Пуля попала ему в живот, и он умер не сразу, так и застыв с оскаленным от боли ртом.

Иван прижал ладони к вискам. Неожиданно его качнуло. Ощущая, как поднимаются перед глазами потемневшие камни, Бажов повалился на бок, теряя ощущение времени.

Они всё-таки добрались до дороги. Иван опустил тяжеленного Легкова на камни у обочины и, по-рыбьи хватая ртом воздух, откинулся на спину.

Стояла душная ночь. Звёзды тяжёлыми глыбами окружали месяц. Разбитая бетонка пустынно поблёскивала, отражая его тусклый свет.

– Слышь, Ванька. – Николай с трудом перевернулся на живот.

– Чего?

– А ведь это она нас спасла.

– Кто?

– Змея твоя, из сказок.

– Из сказок? – Он помолчал. – Я всю до-

рогу думал, почему именно нас?

– И что надумал?

– А ничего. Не знаю.

– Не напрягайся, к старости, может, поймём. Если живы будем.

Иван не ответил. Силы покинули тело с последним шагом. Как будто дёрнули рубильник и во всём районе погас свет. Он закрыл глаза и второй раз за последние часы потерял сознание. Или уснул. Но уже через несколько секунд вздрогнул от ужаса, ему показалось, что проспал что-то важное.

Иван вскинул голову. Ничего не изменилось. Почти ничего. Он прислушался. Где-то далеко на подъёме надрывно гудел приближающийся БМП.

Николай затеребил его плечо:

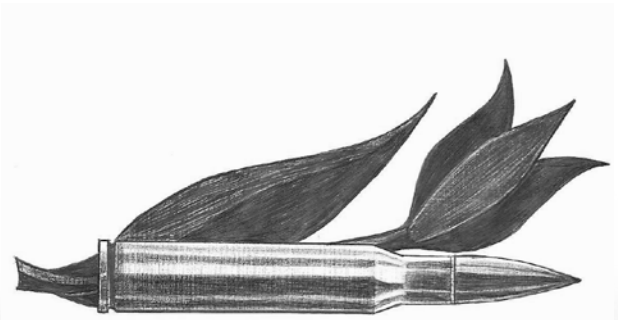
– Слышь, Ванька, наши ведь. Наши!

Бажов снова закрыл глаза.

ЭПИЛОГ

Иван Бажов через двадцать лет после армии защитил диссертацию по теме бажовских сказок, отыскав в родном посёлке их редкие и ценные вариации. Выпустил несколько книг, стал известным литературоведом.

Николай Легков до сих пор мотается на лесовозе где-то в архангельских лесах. Там, в одной из старообрядческих деревень, нашёл будущую жену. В их семье семеро детей. Ровно столько, сколько погибло друзей из разведвзвода. А



РУССКИЙ ДЕСАНТНИК ПРОТИВ ПАНДЖШЕРСКОГО ЛЬВА

Такого не видели даже бывалые солдаты Афганской войны. Летом 1985 года в Панджшерском ущелье советские десантники натолкнулись на вырубленные в скалах пещеры, соединённые друг с другом зигзагообразными траншеями. Причём создатели этого скального городка явно не чурались комфорта и эстетики: стены пещер были увешаны дорогими персидскими коврами, а траншеи устланы ковровыми дорожками. Впрочем, истинное предназначение этого странного, на первый взгляд, сооружения выяснилось чуть позже, когда по соседству были обнаружены огромные ямы, накрытые деревянными настилами. Стало ясно, что здесь душманы держали пленных. А красивые пещеры с коврами использовались в качестве складов и служебных помещений для персонала тюрьмы.

ХОЗЯИН ИЗУМРУДНОЙ ДОЛИНЫ

В 1980-е годы долина Панджшер была одной из самых горячих точек на карте Афганистана. В течение нескольких лет здесь шли упорные бои между правительственными войсками ДРА и советскими частями с одной стороны и группировкой Ахмад Шаха Масуда – с другой. Первая крупная боевая операция в Панджшере прошла уже весной 1980 года, на заре советского военного присутствия в ДРА. Частям 40-й армии удалось нанести значительный урон Ахмад Шаху и оттеснить его подразделения к северо-востоку, в район Пишгора. Однако Масуд сумел быстро восстановить и даже увеличить численность своих бойцов. Пользуясь поддержкой большинства местных крестьян, Ахмад Шах превратил Панджшер в мощный укреплённый район, который обороняли несколько тысяч хорошо вооружённых и обученных бойцов.

При этом Масуд, человек неординарных способностей, умело использовал для своих целей естественный рельеф местности: высокие гранитные скалы, узкие ущелья, быстрые горные реки – всё работало на Ахмад Шаха и его людей. Это признавали и советские военные специалисты. По словам многих очевидцев, территория Панджшера была покрыта густой сетью

Панджшер. Кишлак Дехмикини

Панджшер. Скальные пещеры

хорошо замаскированных огневых точек – так, что буквально каждый квадратный метр долины отлично простреливался боевиками.

Впрочем, на руку Масуду был не только рельеф местности, но и... активная добыча драгоценных камней. Изумруды, рубины, лазурит и другие драгоценные и полудрагоценные камни в Панджшерской долине добывали даже в период Афганской войны, хотя и не так открыто, как в мирное время. Процесс добычи был сопряжён с минно-взрывными работами, после которых в скалах оставались глубокие и обширные пустоты. Их также можно было использовать для создания укреплённых районов, что моджахеды и делали. Ну а кроме того, добыча драгоценных камней приносила Ахмад Шаху немалый доход, который тут же конвертировался в оружие и боеприпасы.

Советское командование, прекрасно понимая, с каким серьёзным противником имеет дело в Панджшере, предпочитало договариваться с Ахмад Шахом, а не втягиваться в бессмысленное вооружённое противостояние, неизбежно влекущее большие жертвы с обеих сторон. Так, уже весной 1980 года, после первой же боевой операции в Панджшере, между Масудом и советским командованием был заключён негласный договор. Ахмад Шах обязался не нападать на советские военные объекты и колонны, а советское командование – не подвергать долину воздушным атакам. Словом, стороны заключили что-то вроде пакта о ненападении сроком на два года, и надо сказать, что перемирие в целом соблюдалось.

Аналогичной тактики мы старались придерживаться и впоследствии. Однако официальный Кабул, не желавший мириться с наличием мощной и весьма влиятельной исламской оппозиции, настойчиво требовал от Москвы раз и навсегда покончить с Масудом. Тем более что Панджшерская долина, где базировался Ахмад Шах, начиналась всего в сотне километров от правительственной резиденции в Кабуле. И тогда в Панджшере вновь разгорались боевые действия...

Так получилось, что основная тяжесть борьбы с Масудом легла на плечи солдат и офицеров 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Дело в том, что полк дислоцировался в Баграме, и Панджшер входил в зону его ответственности. Пока с Масудом действовало очередное перемирие, десантников бросали на другие участки афганского фронта. Но когда перемирие заканчивалось и в изумрудной долине возобновлялись военные действия, именно десантники 345-го полка снова и снова подавляли сопротивление Ахмад Шаха и, рискуя жизнями, в очередной раз прочёсывали Панджшер. Но вернёмся к основной теме нашего повествования.

В ЛОГОВО ВРАГА

В июне 1985 года закончилось очередное перемирие. Ахмад Шах начал военные действия против правительственных войск ДРА, и начал, как всегда, успешно. Кабул срочно запросил военной помощи у Москвы. Москва, как всегда, пошла навстречу. Так началась очередная, девятая по счёту, панджшерская операция советских войск, вошедшая в историю под кодовым названием «Пустыня».

Операции, как водится, предшествовала тщательная разведка, в том числе и воздушная. А затем с аэродрома в Баграме началась переброска подразделений 345-го парашютно-десантного полка в район Барака. В операции был задействован личный состав 1-го и 3-го батальонов, а также разведывательной роты полка.

По воспоминаниям подполковника Василия Дереглазова, в то время заместителя командира полка, его подчинённым было приказано блокировать ущелье Панджшер с северо-востока, в районе кишлака Дехмикини. Согласно плану операции, предполагалось в два захода высадить в Дехмикини 1-й батальон в полном составе. Однако на деле всё получилось не совсем так, как планировалось. Под обстрелом крупнокалиберных пулемётов противника высадить десантников смогли только четыре вертолёта Ми-8 из семи, три вертолёта получили серьёзные повреждения и не смогли зайти на посадку. Второй заход вообще пришлось отменить.

Более того, при подлёте пятого вертолёта был смертельно ранен командир 1-й роты

капитан Алексей Павлов, опытный офицер и замечательный человек. Буквально за долю секунды до того, как очередь крупнокалиберного пулемёта насквозь прошила вертолёт, Алексей, сориентировавшись в ситуации, скомандовал всем лечь на пол. Бойцы мгновенно выполнили команду и остались живы, но сам капитан Павлов получил тяжёлое ранение и вскоре скончался.

В результате в первой группе наших бойцов оказалось всего 38 человек – в основном солдаты 2-й роты. Им противостояло более двух сотен «духов». И тем не менее это не помешало советским десантникам ворваться в кишлак и занять там круговую оборону.

Рядовые Сергей Афанасьев, Сергей Севрук и Василий Хухарев были одними из тех, кто оказался в первой группе наших бойцов.

«Вертолёт завис на расстоянии полутора метров от пшеничного поля возле кишлака, – вспоминает Сергей Афанасьев. – Лётчик закричал: "Прыгайте! Садиться не буду!" Я прыгнул вниз и бросился к ближайшему укрытию. Им оказался небольшой двухэтажный дом с пустым проёмом вместо окна. Помню ещё массивную деревянную дверь. Вместе со мной в дом забежали ещё два-три человека. Поднялись на второй этаж. Вокруг отвесные скалы, дома, террасы и внизу речка. Со скал и укрытий по нам стреляли "духи". Мы открыли ответный огонь. Помню также, что уже в первые минуты боя одна из пуль от ДШК попала в дверь и осколками ранило товарища».

Несколько часов кряду противник непрерывно обстреливал позиции советских солдат из пулемётов. Интенсивность огня была настолько высока, что в иные моменты невозможно было поднять голову. И тем не менее бойцы продолжали удерживать захваченные позиции. В этот момент по рации передали: «Со стороны ущелья, через хребет, на помощь выдвинулась разведрота, а с другой стороны, по ущелью, – 3-й батальон. Подойти должны ночью». Забегая вперёд, отметим, что именно так и произошло. Ночью к окружённым бойцам пробрались разведчики, а на следующий день, утром, подоспел 3-й батальон.

Но это произойдёт позже. А пока надо было организовать оборону и держаться своими силами. Тем более что, согласно данным радиоперехвата, душманы готовились уничтожить окружённую группу наших бойцов или выбить её из кишлака. Из воспоминаний командира 2-й роты капитана Николая Бугая:

«Собрали совещание. Капитан Даточкин, майор Алещенко, лейтенант Кондратюк и ваш покорный слуга. Посовещавшись, приняли решение разделиться на две группы. Первая группа в количестве семи человек под командованием Кондратюка поднимается в горы для прикрытия и занимает там позиции. Вторая группа, в том числе и легко раненные бойцы, занимает оборону вокруг дома, где на втором этаже находились раненые».

На тот момент из 38 человек, державших оборону в кишлаке, 19 получили ранения. Впрочем, потери могли быть гораздо больше, если б не умелые действия бойцов из группы прикрытия. По словам капитана Николая Бугая, группа лейтенанта Кондратюка под обстрелом сумела подняться почти по отвесной скале, нависавшей над кишлаком, и закрепиться там. После этого огонь противника заметно ослаб. А дальние подступы к кишлаку в это же время активно обрабатывала наша авиация, подавляя огневые точки «духов», разбросанные по склонам гор. Как вспоминал впоследствии сержант Вячеслав Шабанов, особенно досаждали нашим бойцам крупнокалиберные пулемёты. На их ликвидацию и были направлены основные усилия лётчиков. В общей сложности на позиции боевиков было сброшено 60 тонн авиабомб.

А ещё, по словам Николая Бугая, именно в боях у Дехмикини были с успехом применены противотанковые управляемые ракеты «Конкурс». Благодаря грамотному использованию ПТУРов удалось полностью уничтожить две огневые позиции крупнокалиберных пулемётов противника. Для «духов» это стало полной неожиданностью. И действительно, ПТУРы в условиях горной местности почти не применялись, поэтому душманы были уверены в собственной безнаказанности. Каково же было их удивление, граничащее с паникой,

когда советские управляемые ракеты точно поразили несколько целей, нанеся душманам серьёзный урон!

«При этом пуск ракет был возможен с достаточно открытой позиции, – вспоминает Николай Бугай, – и для того чтобы отвлечь внимание "духов", наши солдаты вели огонь по душманам с других позиций. Это было крайне рискованное занятие. Но другого варианта не было, и наши солдаты, рискуя жизнью, вызывали огонь на себя. Несколько бойцов тогда получили ранения. Вообще, успеху операции в районе Дехмикини мы полностью обязаны героизму и мужеству наших солдат. Глядя на этих 18-летних парней, даже я, кадровый офицер, окончивший Рязанское воздушно-десантное училище, сам учился выдержке и самообладанию. До сих пор восхищаюсь своими бойцами».

Таким образом, ударная группировка русских солдат в количестве 38 человек захватила и в течение суток удерживала площадку для высадки основного десанта, хотя сразу же после десантирования группе поступил приказ немедленно уходить из кишлака.

«Конечно, в тех условиях отход был бы идеальным решением, поскольку над нами нависала серьёзная угроза окружения и уничтожения, – вспоминает Николай Бугай. – Но реально сделать это не представлялось возможным из-за большого количества раненых. Поэтому было принято решение держаться – единственно правильное решение в сложившейся обстановке».

И десантники держались – в условиях полного окружения, под яростным огнём противника, ежеминутно ожидая нападения душманов. И не просто держали оборону, но и сами наносили противнику ощутимые удары. Самой тяжёлой, особенно в эмоциональном плане, выдалась ночь. Стоны раненых, кромешная тьма, неизвестность... Нервы были накалены до предела. К тому же у бойцов кончилась вода. Рядовой 2-й роты Игорь Афанасьев вспоминал, как он добывал для товарищей живительную влагу. В сотне метров от позиций наших десантников была какая-то яма, очевидно, воронка от взрыва, полная воды. Вот за ней-то и отправился рядовой Афанасьев. Вода была грязная и невкусная. Прежде чем пить, ей дали отстояться, а затем тщательно процедили. В течение суток эта вода была для наших бойцов единственным источником влаги.

Но и затем, уже после того как основные боевые действия закончились, острая нехватка питьевой воды оставалась для наших десантников серьёзной проблемой. Виктор Лепёшкин, в ту пору майор, старший помощник начальника штаба полка, вспоминал, как драгоценную влагу, которую удалось сбросить с вертолёта, офицеры буквально по несколько капель распределяли между своими бойцами. У некоторых солдат от жажды начались галлюцинации...

Только на третий день сопротивление противника в районе Дехмикини было подавлено. Уцелевшие «духи» разбежались. Началась эвакуация раненых. Поскольку вероятность обстрелов ещё сохранялась, вертолёты, забиравшие раненых бойцов, садились у кишлака под прикрытием дымовой завесы. Одновременно с эвакуацией бойцы 1-го батальона полка приступили к прочёсыванию ущелья. Вот тогда-то и была обнаружена тайная душманская тюрьма.

ТАЙНОЕ УЗИЛИЩЕ МАСУДА

Как вспоминал впоследствии Василий Дереглазов, сначала солдаты наткнулись на пещеры в скалах, оборудованные под склады. Всё было брошено в целости и сохранности. Очевидно, наступление советских войск было столь стремительным, что «духи» в спешке отступили, не успев унести имущество и военное снаряжение. При осмотре пещер бойцы обнаружили большое количество оружия и боеприпасов, в том числе крупнокалиберные пулемёты, миномёты и даже несколько горных орудий. Среди брошенного имущества оказалась и коротковолновая радиостанция Р-118 советского производства. Возможно, в одной из пещер располагался командный пункт самого Ахмад Шаха.

Этой находке предшествовала ещё одна. В одном из полуразрушенных строений

солдаты-первогодки обнаружили... огромную флягу с мёдом. Поскольку солдат первого года службы постоянно испытывает непреодолимое чувство голода, бойцы, нашедшие мёд, хотели было тут же его отведать. Однако здравый смысл и инстинкт самосохранения (не зря же бойцов в Афганистане на сей счёт подробно инструктировали!) всё-таки взяли верх над чувством голода. Флягу с превеликим трудом дотащили в расположение наших войск и употребили её содержимое по прямому назначению только после проведённой экспертизы. Мёд оказался отменного качества!

Когда о тайном командном пункте и складах доложили наверх, в штаб армии, начальство приказало прочесать всё ущелье вдоль и поперёк. Выполняя приказ, солдаты вскоре обнаружили тюрьму.

Сооружение впечатляло, и не только своими размерами, но и ухоженностью. Сразу было видно, что это не какая-то времянка, а серьёзная душманская база, рассчитанная на длительное использование. Территория состояла из нескольких террас, с каждой из них был отдельный вход в скальные помещения. Площадки перед входом посыпаны песочком. Кое-где даже красовались клумбочки с цветами. О ковровых дорожках выше уже говорилось.

Место для тюрьмы было выбрано весьма удачно. Сверху над пещерами нависали скалы, поэтому с воздуха заметить постройки не представлялось возможным. А само ущелье в некоторых местах настолько узкое, что даже людям передвигаться по нему было непросто. Об использовании бронетехники, естественно, речь вообще не шла. К тому же на скалах были оборудованы огневые точки, надёжно прикрывавшие тюрьму, склады, а заодно и лазуритовые шахты, находившиеся неподалёку.

В тот же день в район Дехмикини прилетел начальник штаба армии генерал-майор Виктор Дубынин, а затем и командующий 40-й армией генерал-лейтенант Игорь Родионов. Несмотря на то, что боевые действия в ущелье ещё продолжались, начальство приземлилось на вертолёте неподалёку от кишлака и в сопровождении небольшой свиты под прикрытием снайперов отправилось осматривать тюрьму. Идти пришлось почти четыре километра по узкому ущелью. С обеих сторон отвесные скалы, буквально под ногами – бурная горная река. Свои впечатления Виктор Дубынин описал в дневнике следующим образом:

«От тюрьмы осталось сильное впечатление. Новые постройки. Половина из них – в пещерах, это для обслуживающего персонала. А сама тюрьма – глубокие волчьи ямы с люками наверху. Внутри имеются три большие камеры, в которых могут разместиться до 40 человек. "Духи" содержали там 127 афганских военнопленных и 14 советских. В камерах на полу валялось тряпьё, обувь, и всё буквально было залито кровью. Наверху были комнаты пыток с "инструментом" и одиночные камеры для узников».

Это описание в целом соответствует и воспоминаниям других очевидцев. В книге Олега Брылёва «Афганская ловушка» сообщается о трёх подземных камерах глубиной примерно два метра каждая. Общая площадь – не более 70 квадратных метров. В этих ямах и содержались пленники. Сверху помимо настилов из брёвен был навален ещё и толстый слой грунта. Посреди настила сооружён раздвижной люк. Попасть вниз можно было по деревянной лестнице.

Все очевидцы отмечали засохшие пятна крови повсюду, особенно на ступеньках лестницы и в камерах пыток. Следы крови остались и на дорожках, которые вели к реке Микини. По ним советские солдаты вышли на мост. Он тоже был весь в крови. А ниже по течению самой реки были обнаружены и тела узников. Причём многих течением снесло почти на полтора километра. В общей сложности советские десантники насчитали 120 обезображенных трупов. При осмотре тел врачи констатировали, что заключённые были убиты выстрелами в упор и добиты ножами.

АФГАНСКИЕ ПЛЕННИКИ

В одном из скальных помещений был обнаружен тюремный архив. А точнее, журнал учёта пленников с указанием фамилий.

Всего в списке оказалось 127 человек. Против каждой фамилии стояла отметка о том, что узник уничтожен.

Кто эти люди, точно установить не удалось. По одной из версий, в тайной тюрьме в Дехмикини содержались солдаты правительственного гарнизона в Пишгоре, попавшие в плен к моджахедам. Пишгор – это небольшое селенье неподалёку от Дехмикини, находившееся под контролем правительственных войск. В начале июля 1985 года Пишгор атаковали бойцы Ахмад Шаха. Не оказав им почти никакого сопротивления, солдаты афганской армии сдались.

В течение нескольких дней о судьбе пленных не было никаких известий. И вот теперь стало понятно, что солдаты пишгорского гарнизона были отправлены в тайную тюрьму в Дехмикини. Отступая под ударами советских десантников, моджахеды, очевидно, решили расправиться с пленными. Их выводили на мостик через Микини и расстреливали в упор, после чего сбрасывали тела в реку. А кое-кому предварительно вспарывали животы.

Справедливости ради следует признать, что обычно в окружении Ахмад Шаха подобные жестокости не поощрялись. Лидер исламской оппозиции потому и получил прозвище Панджшерский Лев, что отличался не только личной храбростью, но и благородством по отношению к противнику. И вдруг такое ничем не мотивированное зверство!

О том, как погибли узники тюрьмы, советским бойцам рассказали душманы, захваченные в плен в Дехмикини. Поначалу «духи» клялись Аллахом, что никакого отношения к убийствам не имеют, а просто работали при тюрьме плотниками. Однако при осмотре у одного из них на плече обнаружили характерный синяк – такой, какой бывает при отдаче приклада ствола во время стрельбы. Эти же «духи» уверяли, что видели в тюрьме и советских военнопленных. По словам душманов, их увели куда-то в горы. Что с ними стало дальше – «духи» не знают.

После некоторых раздумий находку в Дехмикини было решено показать всему миру. Для этого 15 июля в Панджшер на двух вертолётах прилетели репортёры Центрального телевидения во главе с Михаилом Лещинским. Кстати, по словам очевидцев, приземление одной из «вертушек» прошло крайне неудачно: машина завалилась, и только чудом никто не пострадал. Телевизионщики подробно отсняли и упавший вертолёт, и тюрьму. Как обычно бывало в таких случаях, советских солдат запрятали за скалы, а в кадре мелькали исключительно «зелёные», то есть бойцы армии ДРА. Пафос телерепортажа был таков: очередные славные победы афганской армии над жестокими и коварными душманами, мешающими народу Афганистана строить социализм.

Репортаж показали спустя несколько дней в телепрограмме «Служу Советскому Союзу!». О героизме бойцов 345-го полка, проявленном в боях в Дехмикини, не прозвучало ни единого слова. Да и не могло прозвучать по причине абсолютной секретности, которой в те годы была окружена боевая работа наших солдат в Афганистане. Однако командованием 40-й армии было принято решение о награждении орденами Красной Звезды и Красного Знамени всех участников героической обороны Дехмикини.

До сих пор нет полной ясности и с советскими пленными, содержавшимися в душманской тюрьме. Даже количество узников варьируется. Генерал Дубынин упоминает в дневнике о 14 советских бойцах. По сведениям подполковника Дереглазова, их было 11. В некоторых источниках приводится число 12. Во всяком случае, никаких вещественных доказательств наличия в тайной тюрьме советских граждан получить так и не удалось. Если, конечно, не считать вещдоком советскую военную форму, найденную в одном из помещений.

Судьба советских военнопленных, содержавшихся в тайной душманской тюрьме (если таковые всё же были), и по сей день остаётся одной из неразгаданных тайн Афганской войны. А подвиг советских десантников в Дехмикини навсегда войдёт в историю как образец мужества, отменной боевой выучки и безупречного выполнения воинского долга.

Сергей ХОЛОДОВ,
историк

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ НИКИФОРОВ РОДИЛСЯ В 1964 ГОДУ В ДЕРЕВНЕ САФРОНОВКА КОЖЕВНИКОВСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ. ОКОНЧИЛ МЕСТНУЮ ШКОЛУ И 3 АПРЕЛЯ 1983 ГОДА БЫЛ ПРИЗВАН В АРМИЮ, В УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ВДВ В ФЕРГАНЕ, И ЗАТЕМ – В АФГАНИСТАН.

ДЕСАНТНИК БЕЗ ПАРАШЮТА

Из служебной характеристики гвардии сержанта Александра Никифорова: «При оказании интернациональной помощи народу ДРА проявил себя как мужественный, храбрый воин, самоотверженный командир. Участвовал в боевых операциях, рейдах по уничтожению бандформирований мятежников, за что неоднократно поощрялся командованием части, награждён орденом Красной Звезды и медалями "За боевые заслуги", "За отвагу", боевой грамотой ЦК ВЛКСМ. Лично обезвредил более 40 мин мятежников».

– В Афганистане с парашютами не прыгали, не было такого. И не слушайте тех, кто скажет обратное. Там в воздух в лучшем случае вертолёты поднимались, чтобы до каравана доставить, остальное – на земле. Передвигались только пешими группами и на технике, – вспоминает бывший сапёр 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады Александр Анатольевич.

Впрочем, с парашютом Александр, конечно же, прыгал, но большей частью в родном Томске. Первые три прыжка он совершил в 1982 году, незадолго до призыва в армию, несколько раз прыгал в учебке в Фергане, а остальные четыреста с лишним – уже будучи пожарным-парашютистом Томской базы авиаохраны лесов. Но это было уже после Афганистана.

– Меня ещё школьником направили от военкомата учиться на водителя, а потом – с парашютом прыгать, чтобы служил в ВДВ. Так что я ждал повестку, зная, что иду слу-

жить десантником. Так и получилось: в Томске нас отобрали 10 человек, и мы приехали в учебку в Фергану, а оттуда – в Афганистан, – говорит Никифоров.

В те годы войну в Афганистане руководство СССР называло не иначе как «интернациональная помощь». О том, что там происходило на самом деле, старательно умалчивали. Естественно, когда томские новобранцы прибыли в учебку, дембеля не скупились на рассказы о том, что ожидает необстрелянных солдат «там», по ту сторону границы.

– Было страшно?

– Да, страх как таковой был. Молодые же все, кому охота погибать или инвалидом оставаться? Страх – он везде одинаковый, тут говорить не о чем, – признаётся Александр. – Но все пошли и отслужили, как надо.

И в учебке, и уже в Афганистане Никифоров служил в сапёрной роте. Из томской «десятки» призывников сапёрами стали шестеро, ещё четверо попали в разведку. Первые боевые задания по разминированию были выполнены уже через неделю. И следующие два года прошли по схожему, но отнюдь не одинаковому сценарию: сопровождение колонн и караванов, разминирование, армейские операции.

Не одинаково хотя бы потому, что за время службы Александр трижды подрывался на минах, после одного из ранений полежал в госпиталях Гардеза, Кабула, Ташкента, Самарканда. Но вернулся в строй.

– Было ли страшно вновь идти на разминирование после первого подрыва? Даже не знаю... И я, и остальные понимали, что надо подниматься и идти дальше. Все мы одной крови, и все делаем одно дело. Отсиживаться в госпиталях было нельзя, – говорит Никифоров.

Сапёрная рота, где гвардии сержант Никифоров служил заместителем командира взвода, участвовала во многих крупных армейских операциях. И сапёры всегда шли первыми.

– Подрывов было очень много. Там всё было заставлено и противопехотными, и противотанковыми минами, и ловушек было очень много... В 1983–1985 годах была самая непредсказуемая война, которая нам и досталась... Душманы тогда зверствовали, – говорит Александр.

Выезд на боевые действия. 3-й батальон, 1-й саперный взвод. Май 1984 г.

После боя. Мухаммед-ага, наша техника. 1983 г.

Самый длительный перерыв в его службе случился летом 1984 года, когда во время боевой операции боевики подорвали радиоуправляемый фугас: Александра контузило, перебило обе ноги, а его боевой товарищ, земляк из Киреевска Владимир Михайлович Войтикунов, погиб... После этого подрыва Никифоров месяц провёл в госпиталях: сначала в Гардезе, потом в Кабуле, оттуда его перевезли в Ташкент и, наконец, в Самарканд. А затем дали 45 суток отпуска.

– Я поехал домой, в Сафроновку, потом съездил к Владимиру в Киреевск на кладбище, пообщался с его родителями... А потом поехал дослуживать – мне ещё полгода

оставалось. На боевые выезды мы ездили до последнего, но последнюю неделю перед дембелем нас уже особо не трогали. И первой партией отправили домой, – вспоминает Александр.

Кстати говоря, на должность замкомвзвода, которую занимал Никифоров, пришёл служить Владимир Казимирович Кравченко – ныне депутат Законодательной думы Томской области. После возвращения из ДРА Кравченко очень многое сделал для ветеранов Афганистана, в частности, стал одним из инициаторов строительства в Томске реабилитационного центра для воинов, служивших в горячих точках.

А реабилитация молодым парням была необходима как воздух. Вернуться с войны в мирную жизнь им было очень сложно...

– Доходило до того, что, когда идёшь по улице и вдруг машина какая-нибудь рядом выхлопом «стреляет», я на землю падал... Сложно было... Очень сложно, – признаётся Александр.

Боевое братство – самое крепкое. И сейчас, спустя 30 лет после возвращения из Афганистана, рядовые, сержанты и офицеры 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады стараются быть на связи и встречаться.

– В этом году ко мне командир мой приезжал – мы с ним 30 лет не виделись. Он меня сумел по интернету найти. Естественно, собрали и всех остальных сослуживцев: Александра Зайцева, Николая Воронова, ещё Александра Эглитова и Андрея Еремеева – они в разведке служили, но мы с ними на всех боевых пересекались... Съездили в Киреевск на кладбище к Володе Войтикунову – стелу ему поставили, а потом поехали ко мне в деревню в гости – посидеть, пообщаться. Кстати, мы каждый год стараемся 2 августа собраться и даже в Головино съездить, с парашютом прыгнуть. Мы не победили в этой войне, потому что нам не было команды побеждать. Перед нами ставилась задача, и звучал приказ. Размышлять о высоких материях было некогда. Мы выполняли свой интернациональный долг, оказывали помощь мирному населению. Я думаю, что наши войска должны были там быть. Если бы не мы, то нас опередили бы американцы. И ситуация, да и развязка, была бы совершенно другой. На моих глазах погибали люди, мои боевые товарищи... Но всё это было не зря, – рассказал Александр.

Демобилизовался в 1985 году, вернулся в Томск и пошёл служить пожарным-парашютистом на авиабазу охраны лесов. Проработал там до пенсии 15 лет, совершил более 400 прыжков с парашютом. В настоящее время работает охранником в «Сибирской аграрной группе». Женат, есть дочь и внучка. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

По материалам Томской региональной организации Российского союза ветеранов Афганистана и сайта http://tomskw.ru

Нас бросала судьба в бездну,
Истирая в песок нервы.
Если быть нам – то только вместе,
А за правду – так только первым!

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СТРОКИ, ВЫНЕСЕННЫЕ В ЭПИГРАФ, – ИЗ ПЕСНИ РОССИЙСКОГО СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА. ТЕ, КТО ВОЕВАЛ ТАМ, МОГУТ ПОДПИСАТЬСЯ ПОД КАЖДЫМ СЛОВОМ ЭТОГО ЧЕТВЕРОСТИШИЯ. ВРЕМЯ ВСЁ РАССТАВЛЯЕТ ПО СВОИМ МЕСТАМ, НО НЕ ВСЕГДА ДАЁТ ИСЧЕРПЫВАЮЩИЕ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ. ТАК ЗА ЧТО ВОЕВАЛИ НАШИ РЕБЯТА? ОФИЦИАЛЬНО – РАДИ ПОДДЕРЖКИ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СТРАНЕ, ГДЕ НЕЗАДОЛГО ДО ВМЕШАТЕЛЬСТВА СССР ПРОИЗОШЛА РЕВОЛЮЦИЯ И НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, В КОТОРОЙ СТОЛКНУЛИСЬ ИНТЕРЕСЫ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ИСЛАМСКОЙ ОППОЗИЦИИ. НО ДЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ, КОГДА ОН НЕ МОГ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС: «ЗА ЧТО МЫ ВОЮЕМ?» ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ВОЕВАЛИ В ОСНОВНОМ СОЛДАТЫ-СРОЧНИКИ, ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ – ИМЕННО ОНИ СОСТАВЛЯЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ОГРАНИЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ. ПРИ ЭТОМ ОНИ ВОЕВАЛИ ТАК, ЧТО МОДЖАХЕДАМ ЗА 10 ЛЕТ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ НЕ УДАЛОСЬ ПРОВЕСТИ НИ ОДНОЙ КРУПНОЙ ОПЕРАЦИИ И ЗАНЯТЬ НИ ОДНОГО КРУПНОГО ГОРОДА.

С Анатолием Просвириным, руководителем городской организации «Боевое братство», я познакомилась на одном из патриотических городских мероприятий. Знала, что он ветеран Афганистана, что в Копейске живёт с 2012 года, но уже успел завоевать авторитет как человек умный и порядочный, хороший организатор. Поговорить же по душам довелось недавно, как раз накануне Дня защитника Отечества.

СЫН ЦЕЛИННИКА

Родом Анатолий Владимирович из Целинограда (сейчас это Астана, столица Казахстана), куда в своё время из сибирского Иркутска приехал по зову сердца его отец. До школы маленький Толя жил с бабушкой в посёлке Вишнёвка, потому что родители всё время отдавали работе. У бабушки было большое хозяйство, так что мальчик с раннего детства был приучен к труду.

– В школе я, увы, был далеко не отличником, – с улыбкой вспоминает Анатолий Владимирович. – Хулиганил – то косичку девочке привяжу, то мышку в парту подложу. Но меня любили за организаторские способности – как-то умел я сплотить ребят, и класс у нас был очень дружным. После восьмилетки поступил в железнодорожный техникум, но учиться там не пришлось: отца перевели на Урал, строить плотину. Так в 1977 году мы переехали в город Верхний Уфалей. Я пошёл в школу рабочей молодёжи и одновременно стал работать – сначала учеником столяра, потом перевели в бригаду плотников-бетонщиков. Строили дома для рабочих.

В «ВОЙСКА ДЯДИ ВАСИ»

В армию Анатолия призвали в апреле 1981 года, когда война в Афганистане вовсю набирала обороты. В Воздушно-десантные войска попросился сам, благо здоровье позволяло. Боевую выучку пришлось проходить в Литве. Анатолия всегда тянуло к технике, поэтому кроме физической подготовки, прыжков с парашютом обучался вождению машин десанта.

– Нас было четверо из Верхнего Уфалея, тех, кто учился на механика-водителя, – вспоминает мой собеседник. – Дембеля нас не трогали, ведь мы держались всегда вместе и могли любому дать отпор. Да и физические нагрузки выдерживали достойно, все нормы выполняли. Ну а потом – присяга, и нам сказали: полетите в Афганистан. Не скрою, многие были в шоке – не были готовы психологически. Ну а мы вчетвером решили: что ж, война так война.

Анатолий ПРОСВИРИН,
руководитель городской организации «Боевое братство», г. Копейск

Однако перед самым вылетом из бравой четвёрки земляков выбрали только Анатолия Просвирина и Николая Гарипова.

Самолёт приземлился сначала в Фергане. Изнуряющие тренировки, марш-броски, стрелковая подготовка... Словом, готовили к войне. И вот уже бортом самолёта они пересекли границу Афганистана.

КРАЙ ГОР

Куда занесла тебя судьба, уральский мальчишка? Сегодня Анатолий Владимирович вспоминает, как необычно для него всё было вначале – зелени почти нет, равнина, а вокруг горы, камни, пыль. И среди гор периодически раздавался какой-то гул – то было эхо мусульманской молитвы.

Фото Людмилы ГЕЙМАН

Служить Анатолию Просвирину довелось в 345-м гвардейском отдельном парашютно-десантном полку. В том самом полку, которым с 1985-го и до самого вывода наших войск из Афганистана в феврале 1989-го командовал наш земляк-уралец, Герой Советского Союза подполковник Валерий Вострецов.

– Полк стоял у провинции Бамиан, от гор нас отделяла посадочная полоса, – рассказывает Анатолий Владимирович. – Горы там все в дырах, пещерах то есть. Ещё меня поразило зрелище: во всю высоту горы выдолбленная величественная статуя Будды. Очень впечатляет... Пока не было боёв, нас тренировали. В горы ходили без автоматов, потому что недалеко. Накладывали в рюкзаки камней побольше и шли. К грузу надо было привыкать, ведь в боевых условиях каждый боец несёт кроме оружия и личных вещей несколько мин для минной установки. И однажды получилось так, что, когда вышли за границу батальона, поднялись в горы, пошли по тропинке, нас, безоружных, обстреляли. Хотя разведка была, но душманы, как обычно, прятались в пещерах и выскакивали из дыр, словно ниоткуда... Тогда мы благополучно вернулись, но после ходили на тренировки с оружием.

ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вспоминается Просвирину первая боевая операция, когда его рота чуть не попала в «мешок». «Мешок» – это когда в идущей по ущелью колонне подбивают первую в цепочке машину и последнюю и колонна оказывается зажатой между гор, представляя из себя хорошую мишень.

– Замысел душманов нам сообщили цирандои, – вспоминает ветеран-афганец. – Цирандои – это как у нас милиция. Официально они были наши союзники, но на деле «стучали» как нам на душманов, так и им на нас. Так вот, когда мы уже подходили к пещере, цирандои нам сообщили, что нас хотят зажать в «мешок». Командир среагировал быстро и правильно. Мы остановились недалеко от места, где нам готовили засаду. Я посадил свою БМД в низинку (БМД – это такая десантная машина, она может садиться и подниматься), наводчик навёл ствол на врага... Так же поступили боковые наводчики. Словом, мы вышли из той передряги, как говорится, без царапины. Это был мой первый бой, за который я был награждён медалью «За боевые заслуги».

ВЗЯТЬ «ЯЗЫКА»

Затем были другие операции, но в подобные переделки наш герой уже не попадал. А потом он заболел гепатитом. Что неудивительно: грязь, пыль, жара, недостаток воды. Около месяца лечился в госпитале в Баграме. Потом некоторое время жил в отдельной палатке напротив штаба 345-го полка, заступал на дежурства, ходил на операции с другими ротами.

– Однажды мы получили задание взять «языка», чтобы узнать, где и когда собирается банда душманов, о которой нам сообщили цирандои, – рассказывает Анатолий Владимирович. – Пришли в кишлак, а там словно вымерли все. Зашли в одну мазанку – тоже никого, но подозрительно, что посреди комнаты неровной стопой лежат большие ковры. Начали потихоньку скидывать один за другим, и тут из-под них стал появляться как бы бугорок. Мы перемигнулись: трое встали на изготовку, а один продолжал убирать ковры. Перед нами оказался душман, и он готов был стрелять. Пришлось побороться... Кстати, до сих пор не пойму, как он там, под коврами, дышал. За того «языка» я был награждён медалью «За отвагу».

В мае из Бамиана стали прилетать «вертушки» с сослуживцами, их сменяли другие солдаты-срочники. Просвирин вновь попал в свою пятую роту. Служба продолжалась.

СОХРАНИТЬ НОГУ

Осенью 1982 года сороковая армия полностью уходила под Пакистан – там брали аэродром и уничтожали мелкие бандформирования моджахедов. В колонне 345-го полка машина Просвирина шла замыкающей. И вдруг начался интенсивный обстрел. Экипаж выскочил и стал отстреливаться. На бегу Анатолий наступил на замаскированную мину... Двоих солдат, находящихся рядом, ранило осколками, ему же почти оторвало левую ногу.

– Первая операция была в Баграме. «На живую» вытащили крупные осколки и отправили в госпиталь в Кабул. Лежу на столе, а операционная сестра спрашивает: ты, мальчик, откуда? Из Челябинской области, говорю. Оказалось, она моя землячка. Я, говорит, всё сделаю, чтобы сохранить ногу. Дело в том, что в том климате и в той обстановке была распространена синегнойная палочка, поэтому, чтобы не было сепсиса, при серьёзных ранениях конечности просто ампутировали. И остаться бы мне одноногим, если б не та сестричка – она меня как родного выхаживала.

Потом были ещё операции – в Ташкенте, в Куйбышеве. Долечивался уже дома, в Уфалее. В общей сложности Анатолий Владимирович перенёс пятнадцать операций. Но это, считает, ничего, зато на своих ногах сейчас стоит.

НИКТО, КРОМЕ НАС!

В Копейске Анатолий Владимирович с 2012 года. До этого жил в родном Верхнем Уфалее, возглавлял там местный Союз ветеранов Афганистана. В наш город попал по стечению обстоятельств и не жалеет об этом. Основал организацию «Боевое братство», куда органично влился и действующий до настоящего времени в городе Союз ветеранов боевых действий. «Боевое братство» постепенно приобретает известность, в него приходят новые люди, включая матерей и жён погибших военнослужащих. Организация ставит задачи помогать своим членам, а также вести патриотическую работу с молодёжью. Девизом жизни Анатолия Просвирина, как и всех десантников, остаются слова «Никто, кроме нас!».

Людмила ГЕЙМАН

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал №2 (29) февраль 2019

АФГАНСКИЕ БУДНИ

В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ БОЯМИ СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ ВАРИЛИ УХУ И УКРОЩАЛИ ВЬЮЧНЫХ ЖИВОТНЫХ

Вспоминает Виктор Кордубан, воин-интернационалист, а ныне руководитель организации воинов-афганцев Московского метростроя:

– После «учебки» молодое пополнение переправили в Ашхабад, а далее самолётом в афганский городишко Шинданд, – начал свой рассказ Виктор. – В течение нескольких недель проходили в полку акклиматизацию. На «боевые» нас не дёргали, мы находились на так называемом карантине. Привыкали к этой жаре, к новой обстановке. На дворе август месяц – пекло страшное. В Туркмении казалось, что жарче просто быть не может, но, прибыв в Шинданд, мы оценили в полной мере, что такое летний день в Афгане. Воздух настолько раскалён, что невозможно дышать, обжигает лёгкие. Но ко всему со временем привыкаешь. Привыкли и к этой чудовищной жаре. Вот в это самое время, в разгар афганского лета, наша рота заступила во внутренний наряд. Мне достаётся пост на продуктовом складе. Ночью, чтобы не уснуть, учил устав, до сих пор могу повторить, что должен делать часовой на посту. Ночной наряд прошёл без происшествий, но вот днём, когда беспощадная жара, казалось, заставляла плавиться металл, нести постовую службу было невыносимо. Особенно тяжело было тем, кто стоял на вышке: ни ветерка тебе, ни тучки, глаза от зноя сами закрываются. Вот в одно из таких дежурств и случилась эта история.

Напротив складов, где находилась одна из шести постовых вышек с грибком, располагалась караулка, из окна которой хорошо просматривался весь этот участок и, конечно, сама вышка. Вот стою под палящим солнцем второй час, часов с собой нет, но знаю, что скоро смена подойдёт. Жара, спать хочется... Воду из фляжки полью на себя, сон вроде собью, но в какой-то момент не выдержал: глаза прикрыл и провалился. Вдруг резко очнулся. Думаю, задремал минуты на три. Смотрю, вокруг тихо, значит, никто не заметил. Приободрился немного, с нетерпением жду смену, стал оглядываться по сторонам, вдруг вижу: внизу лестницы нет. Сначала думал, показалось, словно мираж в пустыне. Посмотрел ещё раз – нету! Думаю, беда, лестницу украли, а я и не слышал, как же теперь спускаться буду?

Ну, делать нечего, закидываю автомат за плечо и по столбу спускаюсь на землю, но лестницы нигде не видно, словно от жары расплавилась. Вылил из фляги воды на голову и судорожно начал соображать, что лестницу могли спереть только свои, но так как она тяжеленная, далеко унести её невозможно. Стал рыскать между складами. Обошёл бараки – нет лестницы. Остаётся только палатка, в которой хранились консервы, по срокам годности к тому времени на несколько лет старше меня – словом, даром никому не нужные. Палатку эту даже не закрывали, вот именно туда я и решил заглянуть.

С первого раза лестницу не нашёл, её искусно за ящики спрятали. Как же я обрадовался этой находке! Вот только одна мысль омрачила мою радость: как же мне эту тяжесть вытащить? Ладно, с трудом выволок её из палатки, дотащил до вышки, осталось поднять, вот только как, ума не приложу. Пришлось подлезть под неё и постепенно, приставляя к столбу, поднимать. Наконец получилось, залез я на вышку, одежда вся мокрая, сил нет, еле на ногах держусь, а тут смена караула идёт. Разводящим Сережка Подболотов – первый замком взвода. Ну я с вышки кричу: «Стой, кто идёт?!» А он в ответ: «Я тебе дам, кто идёт, слазь давай!» А сам смеётся. Весь караул хохочет, а я понять ничего не могу. Потом сообразил. Дело в том, что моя вышка самая первая из шести и вся как на ладони. Ребята увидели, что я сплю на посту, послали двух молодых бойцов моего призыва, чтобы они лестницу стащили и спрятали. Это мне казалось, что я задремал на минутку, а ребята за это время успели лестницу не только стащить, но и спрятать.

Вообще-то за сон на посту по головке в армии не гладят. Но мне, за проявленную смекалку при поиске лестницы и возвращении её на место, на первый раз простили. Даже не наказали. Зато я этот случай запомнил на всю жизнь.

А вот другая поучительная история. Дело было в Северном Кандагаре, в январе или феврале, короче, зимой. Мы участвовали в боевой операции. В количестве одной роты поднялись на перевал. В нашу задачу входило перекрыть его и удерживать высоту до тех пор, пока 12-й полк не выведет на нас «духов». Холодно было, голодно, все попростужались, обессилели. Лечились как могли, салфетками спиртовыми, которые заливали водой. Получалась спиртовая смесь, пригодная для приёма внутрь, чтобы немного согреться. А потом закончились сухпайки. Пришлось подстрелить пару горных архаров. Разделили мясо по-братски и решили приготовить его на костре. Ротный, несмотря на дневное время, разрешил развести маленький чабанский костерок из верблюжьих колючек. Полусырое козлиное мясо казалось пищей богов.

Встретили 12-й полк, войны тогда не получилось – «духов» не нашли. Стали спускаться с гор, силы уже на исходе. Как нельзя кстати наткнулись на стадо беспризорных ишаков с обтёртыми боками. По стёртой шерсти на боках можно было понять, что животных использовали для перевозки тяжёлого оружия. «Духи» устанавливали на ишака деревянную платформу, а сверху ставили пушку-безоткатку. Ишаки – выносливые животные, вот их и использовали по назначению – для перевозки пушек по горам.

А этих животных «духи» использовали и бросили за ненадобностью. Испуганные

стрельбой, они заплутали среди гор. Вообще ишак очень умное животное, он чувствует опасность за версту, встаёт как вкопанный, и тогда его проще пристрелить, чем с места сдвинуть. Но нам это удалось. Со стороны зрелище было более чем странным: советские бойцы спускаются с гор на ишаках. Но нам тогда было не до уставов и приличий: вымотались так, что еле ноги переставляли. Так что ишаки нам без преувеличения спасли жизнь.

В другой раз нам посчастливилось полакомиться рыбкой. Мы тогда тоже с операции возвращались. Следовали из Кандагара через уездный центр Гиришк. Через мост на речке Гильмент шла дорога на Лашкаргах, который мы называли на русский манер – Ложкарёвка. Вот там и располагалась точка, где стоял второй батальон нашего полка. Это место было перевалочным пунктом, или, как мы его называли, домом отдыха.

Уставшие роты, возвращаясь с боевых операций, часть машин тащили на буксирах, а здесь у ребят было время починить технику да и самим подлататься, привести себя в порядок, отдохнуть на берегу прозрачной горной речки. По сравнению с противоположным берегом эта сторона была чистой, без мин, а на другой стороне берег был заминирован, потому что в густых зарослях камыша по ночам сновали «духи» и частенько обстреливали расположение второго батальона. В общем, в ночное время там было очень неспокойно, и ребятам приходилось жить в землянках. Зато днём это был настоящий рай для солдата: чистая горная речка, пляж, рыбалка с самодельными удочками.

Но у нас, к сожалению, не было ни удочек, ни времени для рыбалки, а есть хотелось страшно. Поэтому мы использовали эффективный, но варварский метод: пошли с нашим замполитом, гвардии старшим лейтенантом Геннадием Юсиным, бросили в речку по гранате, рыба вся и всплыла. Ближе к мосту был перекат, отмель, так мы туда бойцов поставили, они два мешка рыбы набрали. Отличный улов получился, у всего батальона был рыбный день, ухи наварили, вкуснотища. И всё бы ничего, но именно в такие минуты наворачивалась нестерпимая тоска по родному дому. Заглушать её каждый пытался как мог...

Записала Ксения ЗАХАРОВА
Фото автора и из домашнего архива Виктора Кордубана

500 СПЕЦНАЗОВЦЕВ

ВСПОМИНАЕТ В. В. ЕРЕМЕЕВ

Сам отряд спецназа у нас был большой – более пятисот человек по штату и двести человек на восполнение текущего некомплекта бригады. Ведь люди болели, погибали... Мы стояли практически на самом юге, и добраться до нас было очень сложно. Каждые две недели я гонял колонну порядка сорока машин в Туругунди, на границу с Союзом. Это примерно тысяча сто километров. Ведь холодильников у нас не было, кондиционеров – тоже. Поэтому всё время нас кормили одной тушёнкой. Тушёнка, тушёнка, тушёнка!.. Сколько я ни пытался добиться чего-то ещё, удавалось улучшить питание всего на неделю-две. А потом всё возвращалось на круги своя. Это же не Кабул, а самая окраина Афганистана. Тыловикам так было проще – никто не знает, никто не видит. А вообще полёт из Кабула до Лашкаргаха – это меньше часа – у штабных арбатско-кабульских деятелей считался чуть ли не боевым выходом: они сразу требовали награды, тельник, «песочку», бакшиш. Для них это было целое событие – якобы боевой вылет! Для создания боевой обстановки (чтобы комиссия побыстрее покинула расположение отряда) я устраивал ночью боевые тревоги по отражению нападения со стрельбой, шумом, артиллерийской иллюминацией. Эффект был неотразимый, комиссия улетала в Кабул первым же бортом.

Помню, как-то прилетели к нам политруки во главе с генерал-полковником С. Кизюном. Все такие важные! А ребята наши толь-

ко что с боевых вернулись – изможднные, оборванные, просолённые, пулемёт за ствол тащат. И тут началось: «Да ты что за командир?! Посмотри, как они у тебя ходят: рвань, в кроссовках, автоматы и пулемёты за стволы тащат! Да как ты позволяешь!» А выглядели бойцы так потому, что на боевые (боевой выход) мы старались ходить в КЗС (комплект защитный сетчатый) и в кроссовках. Это была очень удобная экипировка. Прикид весь в сеточку, в жару хорошо продувается, но предназначен только для одноразового использования. А кроссовки нам комсомольцы из ЦК ВЛКСМ подарили – 200 пар московских «адидасов». Весь отряд ходил на боевые в кроссовках, очень удобная обувь. К сожалению, форма быстро превращалась в лохмотья в ходе боевых действий, а новое обмундирование поступало по установленным мирным нормам носки и не выдерживало экстремальной эксплуатации.

Я стою и понять не могу – что тут такого необычного? Ведь люди с войны вернулись. Меня это тогда здорово задело: «А вы что, хотите, чтобы после пятнадцати суток войны в пустыне, на сухпайке, без воды они строевым шагом, с песней шли и подтянутыми были при этом? Не бывает такого». С боевых бойцы все возвращались прожаренные, в лохмотьях, изодранные. Живая, реальная жизнь сильно отличалась от киношной и телевизионной.

«Духи» иногда обстреливали гарнизон из эрэсов (РС – реактивный снаряд) из района Калабуст. Из миномётов не достреливали, хотя и пытались. Однажды случилась страшная трагедия. Сидят ребята из отряда спецрадиосвязи в курилке, и прямо в центр курилки прилетает эрэс. В итоге трое убиты, восемь ранены. На такие обстрелы мы очень активно реагировали – поднимались все сразу (артиллерия, авиация, дежурная группа), находили огневые точки противника и уничтожали по максимуму. Так что местное население из ближайших кишлаков изо всех сил старалось держаться от злых «духов» подальше – себе дороже обходилось. Местное население по отношению к нам вообще-то вело себя довольно дружелюбно. Торговцы на рынке нас приветствовали и очень ждали, когда мы у них что-нибудь купим, за покупку давали «бакшиш» (подарок). Мальчишки пытались всучить солдатикам «чарс» или что-нибудь открутить у техники. Местные жители приходили к нам лечиться. К 1988 году «духовские» обстрелы прекратились.

Мы вели разведывательно-боевые действия в основном на автомобильной технике, на броне или пешком при поддержке авиации и артиллерии. На вертушках контролировали караванные маршруты в пустыне, выводили группы в засады. Часто использовали захваченную технику – машины «Тойота» и мотоциклы. В каждой роте было по три-пять таких «тойот», «ниссанов», «доджей». Иногда маскировались под караваны белуджей, с которыми были дружны.

Были у меня в отряде два замечательных старших лейтенанта – Сергей Зверев и Сергей Дымов, командиры групп. Эти уникальные спецназовцы нередко захватывали по несколько машин с оружием, а в апреле

1987 года умудрились с боем захватить караван из двенадцати таких машин! Очень удачливым командиром был капитан Сергей Бреславский, кроме оружия и боеприпасов он пару раз захватывал кассу НИФА и ИПА. Блестяще выполняли боевые задачи старшие лейтенанты Юра Швыдкий, Алексей Панин, Юра Мокров, Миша Федин, Валера Травкин, отлично воевали сержанты Товкес, Оспанов, Ксенофонтов, Бощенко и многие другие. Особая благодарность нашим вертолётчикам: Косенкову, Азанову, Рыжкину и всей 205-й ОВЭ. Без них мы не смогли бы успешно выполнять боевые задачи. Только они могли спасти группу за многие километры от ППД (пункт постоянной дислокации).

Сам я на боевые летал раза два-три в неделю, а раз в два-три месяца выводил отряд в рейд на перехват караванов дней на десять-пятнадцать. Иногда наши группы переодевались в местную одежду, пристраивались к караванам, садились на трофейные машины и мотоциклы и собирали информацию в округе: где что идёт, где что движется.

Утро начиналось в четыре часа. Я инструктировал и отправлял на караванные маршруты досмотровую группу на двух вертолётах. С ними поднимались две «вертушки» прикрытия – Ми-24. В пять утра уже улетали на воздушную разведку местности. Мы взлетали так рано, потому что уже к девяти утра температура воздуха поднималась настолько, что вертушкам сложно было летать. Караваны шли примерно в это же время. С десяти-одиннадцати часов они вставали на днёвку (дневная остановка на отдых во время марша), потому что днём невозможно передвигаться по пустыне в такую жару никому – ни людям, ни даже верблюдам.

Летаем мы над своей зоной и смотрим по сторонам. Видим – караван. Разворачиваемся. Даём предупредительную очередь с борта. Караван останавливается. Все поднимают руки и машут – мы, мол, мирные, летите дальше! Решаем – будем всё-таки досматривать. Снижаются Ми-8 с досмотровой группой. Ми-24 кружат в боевом охранении. Подсели, выпрыгиваем. И очень часто бывало так: мы начинаем приближаться к каравану, а тот, кто только что нам махал руками, достаёт ствол – и давай нас мочить! Начинается бой.

Однажды в такой ситуации Андрею Перемитину

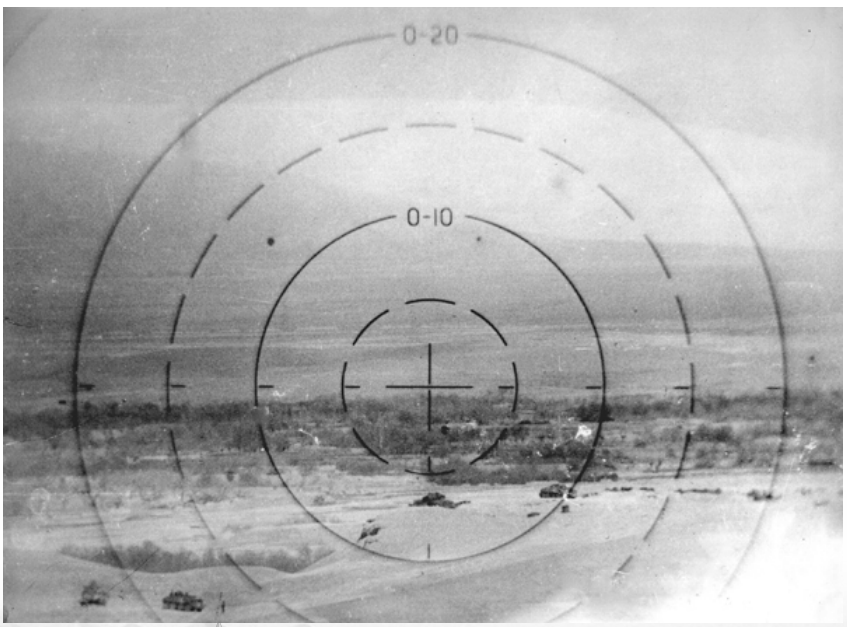
пуля попала в «лифчик» на груди и застряла в снаряжённом магазине. Удар был такой силы, что чуть сердце не остановилось у парня, синяк был на всю грудь. А я в подобной ситуации пережил очень неприятные минуты. Из вертолёта тогда выпрыгнул первым на досмотр каравана, хотя положено первым идти заму, чтобы оценить обстановку. Вторым обычно идёт прикрывающий пулемётчик, затем – радист и основная группа. Но я двинулся первым. Думал, что караван мирный, и досмотреть его мы решили просто так, для профилактики.

Только выскочили, побежали – «дух» достаёт свой карамультук и начинает стрелять. Расстояние было всего метров семьдесят, а мы ещё по песку бежим – трудно, падаем. Ну, думаю, конец наступил! Но ответным огнём группы стрелявшие «духи» были уничтожены. Остальные разбежались. Если в группу начали стрелять, тут уж нет прощенья никому. Досмотрели. Всё у них было – оружие, боеприпасы, наркотики. Загрузили в вертолёт и улетели.

С трофейным оружием и боеприпасами всё было понятно, а куда девать наркоту? Медики отказались организовать переработку наркотиков в болеутоляющие средства. Командование требовало уничтожать наркоту, но наркотики не тонут, при подрыве только разлетаются. Приходилось сжигать – резины и соляры не хватало на такие объёмы.

Однажды после выполнения боевой задачи возвращаемся в ППД. И вдруг в районе Дарвешана со стороны «зелёнки» (солдатское название зелёных зон вокруг кишлаков и городов) из кишлака нас плотно стали обстреливать из безоткаток (*безоткатное орудие.* – Ред.)! Я отряд в пустыню отвёл, пушки развернул – мы в этот раз выходили на броне, и даже с пушками Д-30. Артиллеристам нужно было обнаружить цель. Для этого мы с артиллерийским наводчиком на броне стали передвигаться на видном месте вблизи «зелёнки». И «духи» не выдержали, начали по нам стрелять! Артнаводчик засёк цели и передал координаты. В результате безоткатки были уничтожены, но и кишлаку, из которого по нам стреляли, здорово досталось. Вроде жестоко, но зачем они стреляли? Мы же их не трогали, шли себе мирно мимо...

Я уже говорил, что основную часть караванов, что шли из Пакистана, наши группы брали на Сарбанадирской тропе.



Но бывало и по-другому. Однажды мы очень жестоко бились с «духами» в горах, в районе перевала Шебиян. Вертолётчики были не в восторге от вылета на Шебиян – далеко, летать в горах сложно, жара, топлива не хватает. И вот что придумали – в районе глинистых озёр примерно на середине пути сделали площадку подскока. Там ровное-ровное место километров на десять-пятнадцать, твёрдое, как хороший бетон, тяжёлые самолёты принимать можно. Мы туда выгоняли броню, ставили охранение. Потом туда на броне подходил сам отряд, прилетали вертолёты. Они здесь дозаправлялись, загружали группу и летали вдоль гор вплоть до стыка трёх границ у кишлака Рабати-Джали, куда одним перелётом с группой на борту не долететь.

Однажды мы получили данные о караване и вылетели. С нами был комбриг – Юрий Александрович Сапалов – и ещё один ХАДовец (сотрудник афганской службы безопасности). Летим, летим – вроде никого нет. Вдруг боковым зрением замечаю – стоит караван, разгружается. Не хотелось ввязываться в бой, имея командира бригады на борту, да и группа была сборная. Я сделал вид, что не вижу каравана. Летим дальше. А начальник разведки, Лёша Панин, кричит и руками размахивает: «Караван, командир, караван! Ты что, не видишь, что ли?» Я ему: «Да вижу я, Лёша, вижу!» Крутнулись, подсаживаемся, и начинается долбёжка.

Лётчики, да и командиры на борту, плохо себя чувствовали. Я попросил высадить нас поближе к горушкам, а высадили нас метрах в ста от «духовских» кладок. У душманов в горах не окопы были вырыты, а кладки из камней сложены – почти что крепость, укреплённый район. Лезем мы на эти горушки, а «душки» по нам стреляют из-за кладок. Мы развернули АГС (автоматический станковый гранатомёт), обработали «духовские» кладки. Вижу – «душки» побежали. Я трассой Лёхе цель показываю, кричу: «Лёша, смотри!» Он – дынь-дынь-дынь. Готово! Поднялись мы на одну горушку быстренько, на другую – и вышли к ущелью. Смотрим – «духовский» лагерь – палатки, костёр горит, оружие и боеприпасы разбросаны – и никого нет. Мы прикрытие наверху поставили, а сами вниз пошли посмотреть, что там такое. Трынь-трынь-трынь – спускаемся. Всё тихо. «Смотри, что мы здесь взяли!» Кругом оружие, боеприпасы, «тойоты» стоят.

Лёха начал в первую очередь скручивать с машины магнитофон (в то время был такой дефицит!). Я ему: «Давай стволы собирать!» А он: «Подожди, успеем, пока вертушки прилетят». И тут – такой залп сосредоточенным огнём из автоматов с горушки напротив по нам, метров с двухсот! Бросили мы все эти магнитофоны – и дунули в гору! Так быстро я даже сотку никогда не бегал! А Лёха ведь опытный офицер, старается изо всех сил отход наш прикрыть, настоящий герой! Я ему: «Ты в сторону от меня беги, труднее в нас будет попасть!» А он всё равно пытается меня прикрыть. Наше счастье – не попали: мы очень быстро бежали. Я петлял и ещё Лёху отталкивал, а он меня всё равно прикрывал. Короче – запутали мы «духов». Бежим, язык на плечо, в глазах красные круги – ведь стояла жуткая жара! До кладки добежали чуть живые, но целые.

Вызвали авиацию. Для моего отряда в Кандагаре всегда была дежурная пара «грачей» (*штурмовики Су-25.* – Ред.). Их командира полка я хорошо знал, поэтому работали с ними мы

с удовольствием. Но в этот раз прилетели МиГи. Пилот мне: «Восьмисотый, ты видишь меня?» – «Вижу». – «Обозначьте себя». Зажигаем дым. Себя обозначили. «Наблюдаешь?» – «Наблюдаю». Я ему даю азимут, дальность, цель – караван с оружием. А они где-то на семи тысячах метров барражируют. Я командиру: «Ты спустись хотя бы до трёх». Он: «Нет, запретили нам ниже семи работать». Лётчики не хотели нарушать наставление по полётам и попадать в зону поражения «стингера» («Стингер» – переносной зенитный ракетный комплекс производства США).

Начали они бомбить. А у нас с Лёхой такое впечатление, что они прямо на нас бомбы бросают. На самом деле они даже не по каравану, а куда-то за хребет отбомбились. Видимо, там тоже были «духи». Я им: «Ладно, ладно, хватит. Передайте командиру, что "Мираж" (это мой позывной был) в трудную ситуацию попал, пусть пару "грачей" пришлёт на поддержку». Сами бьёмся с «духами», перестреливаемся, пытаемся их гранатомётом пошугать. А караван-то стоит. Минут через сорок приходят «грачи». «Восьмисотый, наблюдаем тебя. Азимут, дальность...» Пришли они тоже высоко – на семи тысячах. Но потом с боевого разворота с кабрированием (*кабрирование – поворот летящего самолёта вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолёта.* – Ред.) как пошли вниз! Сначала

один бросил две бомбы, потом – другой... На месте каравана и рядом с ним – дым, огонь, взрывы! Разбомбили всё. После этого мы уже спокойно с группой спускаемся. Нормально идём, никто нас не обстреливает. Лёха всё-таки скрутил магнитофон с машины, которая пыталась удрать. Боеприпасов куча валяется, разбросано всё. Пока Лёха в сторону машины шёл, я с группой досмотра двигался прямо по ущелью. Вдруг боковым зрением вижу «духа», который выходит из укрытия и показывает, что он сдаётся. Слышу очередь из автомата – та-да-да! А это боец за камень падает и в падении этого «духа» бьёт. Досматриваем убитого. По документам – командир бандгруппы. Я стал бойца воспитывать: «Ты зачем стрелял, он же сдавался, его в плен надо было взять?» А он в ответ: «Командир, а если бы он успел первым в меня выстрелить?» Это всё в доли секунды произошло. Да, пожалуй, боец был прав. В бою прав тот, кто первым уничтожит угрозу своей жизни и жизни товарищей. В этом бою у нас обошлось без потерь, даже раненых не было. Уничтожили мы крупный караван и взяли пленных.

Я думаю, что «духи» просто одурели, когда нас увидели, – слишком далеко мы были от наших коммуникаций, километров двести пятьдесят или триста от Лашкаргаха. Они, скорее всего, надеялись, что мы не будем в бой ввязываться и досматривать караван. Но Лёху не обманешь! А вот то, что по нам с Лёхой не попали сначала, – это большая удача, могло закончиться всё очень плачевно. Мы были уверены, что «духи» бросили караван и разбежались, но мы ошиблись.

Удовольствия, конечно, во всей этой истории мало. В горячке боя не чувствуешь страха, не замечаешь ничего. А потом, когда возвращаешься, начинаешь чувствовать боль, видеть, что у тебя сбитые колени, порваны локти, разбиты пальцы. Идёт отходняк, отдача в чисто психологическом плане.

Кроме поиска с вертолётов мы проводили и засады. Ведь через нашу зону по пустыне Регистан проходила знаменитая Сарбанадирская тропа в зелёную зону Гильменда. Это голая

пустыня, сыпучие пески, лунный пейзаж. Жара страшная... Поэтому мы заранее пролетали вдоль тропы на вертушке и смотрели, где лучше посадить группу, чтобы колодец был или хотя бы какая-то растительность. Группу высаживаем, командир организует наблюдение по кругу на вероятных направлениях движения караванов. Часто сидели по трое-пятеро суток – никого нет. Ведь разведка у душманов тоже работает. Поэтому я обычно одновременно высаживал по три-пять групп, чтобы перекрыть сразу несколько маршрутов в полосе 30–40 километров.

Конечно, просочиться через эту полосу было можно. Но нам везло, и на нашу долю приходилось самое большое количество перехваченных караванов. Думаю, дело было в том, что на этом направлении условия передвижения для «душков» были очень трудные, и так или иначе они всё-таки попадались в наши сети, так называемую «Завесу», но при этом часто оказывали ожесточённое сопротивление.

Начальником штаба у меня был Саша Телейчук, очень грамотный офицер. И вот как-то приходит он и говорит, что пришли данные, что небольшой караван из двух машин в семнадцать часов будет следовать в направлении Марджи. Я ему: «Ну давай на вертушки – и вперёд!» Он сажает группу на вертолёты – и полетел. Думали, что там всего две машины, мы их быстро захватим – и делу конец. А в караване кроме двух машин оказались ещё и мотоциклы, тракторы. Наши хотели их, как зайцев, взять, а «духи» неожиданно оказали серьёзное сопротивление. После этого начали их бить вертушками – «духи» снова на мотоциклы прыгнули и начали уходить.

Воевали, воевали мы с ними и в конце концов загнали их в камыши у канала. Они разбегаться не стали, а собрались вместе и опять оказали ожесточённое сопротивление. В камышах их же не видно: они из укрытия бьют, а наши на открытом песке лежат. Плюс ко всему рядом договорная зона (территория, обязанности по контролю за которой после «зачистки» от душманов передавались в руки местных старейшин) – кишлак, откуда они подкрепление подтянули. Огнём пулемётов их ещё и кишлак поддержал. Бой шёл порядка двух часов. Мы на базе все очень нервничали, чего только не предпринимали. В конце концов вертушки уничтожили пулемёт. Сожгли и камыши и уничтожили уходящих в кишлак «духов». Группа захватила в этом бою две безоткатки, ДШК, итальянские мины, боеприпасы.

В том бою, слава богу, никого из наших не убили, но подранили одного сержанта и тяжело ранили майора Анатолия Егорова. Ему перебило ноги, да ещё и в живот попало. Он родом из Ленинграда, сын начальника кафедры Академии тыла и транспорта.

Толю Егорова мы быстро отправили в Кандагар, оттуда – в Кабул, из Кабула – в Ташкент. К тому времени я на практике убедился, что тяжелораненого надо обязательно дотащить до Кандагара. Хотя с кандагарским госпиталем тоже была проблема – им статистика хорошая нужна была. Ведь командиру отряда важно доставить раненого до госпиталя живым, а госпиталю важно, в свою очередь, чтобы раненый не скончался после приёма. Иногда приходилось здорово ругаться с приёмным отделением. А врачи в отряде – Свирин, Фидаров, Образцов – были замечательные и многих спасли от смерти.

К большому сожалению, за время моего командования отрядом у нас всё-таки погибло десять человек. Среди них было восемь солдат и два офицера – Костя Колпащиков и Ян Альбицкий. В жестоком бою у Марджи погиб Шамсутдинов, подорвались на трофейной «тойоте» и погибли у озера Хамун Чечун и Яцкив, попали в засаду у кишлака Шабан и погибли Лебедев, Голощапов, Гавриленко, на перевале Эр-Мирза погиб Шкарин, нелепо погиб Лабутин. Потери наши были меньше, чем у других. Особенно если учитывать характер выполняемых задач. Я думаю, так получалось за счёт того, что мы в основном воевали на ровном месте, в пустыне. В горах, конечно, сложнее было, там у противника больше возможностей для неожиданного манёвра.

Я помню всех своих ребят и свой командирский крест несу по жизни.

Младший лейтенант Костя Колпащиков, слушатель 3-го курса ВИИЯ – старший пере-

водчик отряда – в январе 1988 года должен был поехать в отпуск. Я ему говорю: «Поезжай», а он мне: «Холодно в Союзе, вот в феврале на последнюю операцию под Мусакалу схожу, тогда и полечу». Тут ещё начальник штаба отряда попросил: «Это мой первый помощник. Пусть сходит». В ходе операции «Юг-88» надо было сломить сопротивление «духов» в базовом районе Мусакалы, Сангина, Каджаков. Мулла Насим со своей бандой не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию электростанции в Каджаках. Нужно было провести зачистку этого района и ослабить местных вождей, которые и организовывали сопротивление властям. С этой целью проводилась крупная войсковая операция.

Одной из групп СпН в этой операции командовал лейтенант Ильдар Ахмедшин. В ходе поисково-засадных действий группе пришлось продефилировать неподалёку от кишлака Шабан. Здесь они и попали в засаду – кинжальным огнём бандгруппы из кишлака сразу сожгли два наших бэтээра. В этом бою у нас погибли три человека. Костя Колпащиков в бою немного обгорел. Мог остаться в строю, но врач бригады настоял на эвакуации. Обычно раненых и убитых эвакуируют на разных вертолётах, а в этот раз эти правила нарушили. К несчастью, вертолёт с ранеными и убитыми на борту разбился ночью при взлёте... Погибшие умерли дважды... Погиб Костя Колпащиков, командир кандагарского вертолётного полка, правый лётчик и ещё несколько человек. Валера Польских был ещё жив при эвакуации в госпиталь, но захрипел и скончался, когда мы его выносили из вертолёта в Лашкаргахе. Выжил «бортач» (бортинженер) и водитель бэтээра Лёня Булыга.

Ильдар Ахмедшин в том бою получил жесточайшую контузию. Ночью, когда убитых и раненых привезли в отряд, в ходе опознания смотрю – среди трупов лежит Ахмедшин – не Ахмедшин, живой – не живой, непонятно. Спрашиваю: «Это Ильдар?» Отвечают: «Да, он живой, но очень тяжело контуженный». Ильдар в госпитале лечился полгода и нагнал отряд, по-моему, уже в Шинданде, перед выводом. Я ему говорю: «Да ты лежи в госпитале, лечись!» А он: «Нет, я выйду вместе с отрядом».

Потом он командовал этим отрядом уже в Чучково, встречал я его в Чечне в Первую кампанию. А погиб случайно – возвращался с железнодорожной станции, и его машина сбила. И вот что странно – после вывода из Афганистана немало офицеров и солдат погибло в таких же бытовых ситуациях при нелепых обстоятельствах.

В бою под Сангином ранили рядового Андрианова. При отправке в Кандагар он спрашивает: «Владислав Васильевич, что у меня с ногой?» Я посмотрел – ранение вроде не очень серьёзное. Я ему: «Ты не переживай, сейчас мы тебя до Кандагара дотянем. Всё будет нормально». Проходит время – мне сообщают, что ему ногу оттяпали. Я прилетаю в госпиталь, начинаю разбираться. Оказывается, он долго пролежал в приёмном отделении, его вовремя не осмотрели. А там же жара... Началась гангрена, сепсис. На мой взгляд, ногу можно было сохранить. Так обидно и стыдно мне стало – ведь я ему обещал, что всё нормально будет!

Александр РАЛОТ
г. Краснодар

Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Публиковался в периодических изданиях: литературно-художественном журнале «Южная ночь», «Земляки», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», русско-новозеландском вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманахе «Чайка», Westi US (США), «Что есть истина?» (Великобритания), «Лира», «Таврия», «Русский переплёт», «Камертон», «Приокские зори», «Таврия литературная», «Огни над Бией» и др. Член Союза писателей России. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси», «На пути к гармонии» (Беларусь»), «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин». Лауреат международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов: «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», «Русский стиль», Международного литературного форума «Славянская лира» (Болгария).

ТИХАЯ СЛУЖБА

10 февраля 1989 года, г. Ташкент, Технологический институт

– Значит так, уважаемый ustoz (наставник, учитель – узб.), собирайтесь в командировку. Весна, она не за горами, скоро здесь будет.

Я молча стоял перед ректором, перекладывая из руки в руку деревянную указку, и размышлял сразу над двумя вопросами: во-первых, куда и, во-вторых, зачем?

– Надо нам проводить разъяснительно-массовую работу среди населения отдалённых районов. Мельниц и элеваторов строим много, во всех областях республики. А кто там должен работать? Конечно же, специалисты. Но не приезжие из других районов и даже республик, а свои, можно сказать, vatandosh (земляки – узб). Даю вам пять дней на оформление всех необходимых документов на въезд в закрытый город Термез. Будете ходить по школам, агитировать молодёжь приезжать на учёбу к нам, в институт. Вы, кажется, периодически пишете статьи в журнал «Хлебопродукты», вот, как это у вас, русских, говорится, и карты в колоду.

– В руки, – поправил я ректора.

– Вот именно, туда. Более не задерживаю. Ступайте в хозяйственный отдел. Там узнаете, как и где получить пропуск в Сурхандарьинский областной центр.

15 февраля 1989 года, город Термез

Школа казалась вымершей. Напрочь отсутствовали не только ученики, но и, что уж совсем странно, учителя. «До весенних каникул больше месяца, куда же они все подевались?» – пронеслось в голове. Выглянул в окно. Группы нарядно одетых людей спешили к видневшемуся вдалеке мосту. Статный узбек в праздничном халате, увидев меня в окно, махнул рукой, как старому знакомому:

– O'qituvchi ko'prikga bordi. Bizning tanishish bizga ruxsat! (Учитель, пошли на мост. Наших встречать будем! – Узб.)

Тот же день. Мост Дружбы через реку Амударья

Замыкающий автоколонну бронетранспортёр замер посередине моста. На асфальт ловко спрыгнул моложавый генерал. На ходу одёрнул ладно сидящую форму и направился к многоликой толпе встречающих.

– За мной ни одного советского солдата, офицера, прапорщика нет. Всё. Для СССР война в Афганистане официально закончилась.

– Неправда, – наклонившись ко мне, зашептал прямо в ухо узбек, позвавший меня с собой. – Есть. Не очень много, но остались. Прикрывают выход армии. У меня там друзья служат. Настоящие воины. Переживаю за них, ведь теперь совсем одни там. Меня Акбор зовут, а тебя как?

Декабрь 2018 года. Столица суверенной республики Узбекистан. Кафе «Голубые купола»

– А! Дорогой учитель! Салам! Приехал-таки в Ташкент! Какой молодец! Соскучился по нашему цветущему краю?! Сколько лет, сколько зим! Почитай более четверти века не виделись. Давай за наш дастархан. С друзьями знакомить буду. Помнишь, я тебе о них рассказывал там, на мосту, в феврале восемьдесят девятого? Они тогда «за речкой» оставались. – Акбор усадил меня рядом с собой. – Будем плов кушать, чай пить, молодость вспоминать. Саид, расскажи дорогому гостю, как там на самом деле было. – Акбор налил в пиалу горячий ароматный напиток и протянул сидящему напротив человеку в военной форме, правда, без знаков отличия.

***

– А что тут рассказывать. Мы выполняли приказ. Обеспечивали безопасный выход советских войск. И только после того, как ушла вся сороковая, получили наконец приказ «Уйти с точек». Как говорится, «позже последнего солдата». По-будничному, без журналистов, телекамер, без встречающих с цветами и уж точно без оркестра. Обычное пограничное дело. Служба у нас такая. Тихая. Незаметная.

– Но это уже в самом конце войны. А в начале как? Насколько мне известно, советских пограничников в Афганистане не было! – Я достал из сумки привезённую из Москвы бутылку дорогого алкогольного напитка и посмотрел на присутствующих, ожидая их одобрения.

– Ты прав, ustoz. – Саид кивнул, соглашаясь со мной, что бутылку пора откупорить, и продолжил: – Оказавшись по ту сторону границы, первым делом спрятали куда подальше «зелёные фуражки» и заменили отличительные знаки своего рода войск на общевойсковые. Затем делали всё, чтобы исключить диверсии и теракты на нашей границе, правда, уже создавая заставы на той стороне. Ну и, конечно, воевали вместе с армейскими. А как же иначе? Уничтожали душманские базы, созданные вблизи границы. При этом старались по возможности нанести как можно меньше ущерба стране, в которой приходилось воевать. Бывало, что удавалось договориться с той стороной и не воевать совсем. Но было и совсем наоборот. Идеально воюют только в американских кинофильмах. У нас же был круглосуточный смертельно опасный и зачастую очень неблагодарный солдатский труд. Наградные документы на нас поступали под грифом «Без огласки в печати».

***

– Саид, позволь тост! – Акбор поднял бокал. – Друзья, выпьем за тех, кого в Афгане «не было». За ни единого не попавшего плен советского погранца! За полтысячи погибших зелёнофуражечников, но не оставшихся там навечно, а упокоившихся на нашей огромной общей советской земле!

– И за тех, кто и сейчас охраняет «речки» и не пускает сюда всякую нечисть с отравой и прочей гадостью, – добавил своё алаверды Саид, вместе с другими легко поднимаясь со своего места.

ВТОРЖЕНИЕ В «СТРАНУ АРИЕВ»

– Ты можешь хотя бы за столом оторваться от своего гаджета?! – Супруга поставила перед сыном большую, ароматно пахнущую тарелку. – Сделай милость, отобедай, пожалуйста, с нами, сконцентрировав своё внимание исключительно на еде. Отец! Хоть ты на него повлияй! – Это она уже в мой адрес. – Сам от газеты оторваться не можешь! Вот Артём с тебя пример и берёт. Яблоко от яблоньки!

Вздыхая, мы откладываем в стороны наши носители информации и одновременно тянемся к плетёной корзине с хлебом.

С минуту на кухне слышны только стук ложек о тарелки да тиканье старинных часов с кукушкой. Семейная реликвия, подарок любимому внуку от бабушки.

Наконец сын не выдерживает.

– Пап, а мне курсовой по ленд-лизу задали. Но в инете сплошная банальщина. Хочется чего-нибудь такого.

– Какого такого?

– Ну малоизвестного. Чтобы не из учебника и не из сайтов.

– Сын, понимаешь... Мы ведь не в Москве живём. Это там архивы огромные. При желании можно кое-что неопубликованное нарыть. А у нас здесь только оцифровки документов, выложенные в свободный доступ. Ну и ещё газеты того времени можно в библиотеках отыскать. Если сохранились, конечно.

– Да я не о том. Пойми, мне хочется материал изложить как-то необычно. Чтобы даже нашим интересно было. Нам ведь в школе на Великую Отечественную всего пару уроков отводили. Поможешь? Ты же у меня писатель. И я точно знаю, что в твоих «авгиевых конюшнях» найдётся...

– Ну вы, «гераклы», прежде чем в свои конюшни бежать, совершите совместный подвиг – со стола уберите и посуду помойте. – Супруга решительно сняла фартук и направилась в сторону зала. – Да и ещё вот что: как только сотворите «шедевр», не сочтите за труд, дайте почитать. Я всё же корректором тружусь и правила грамматики в отличие от некоторых, – она кивнула в мою сторону, – знаю.

12 июля 1941 года. Москва. Кремль

Вслед за послом поднялся и вождь. В зал пустили немногочисленных корреспондентов. Защёлкали затворы фотоаппаратов. Щурясь от вспышек, хозяин кабинета пожал гостю руку.

– Поздравляю вас и всю Великобританию с подписанием этого исторического документа.

– Господин Верховный главнокомандующий, я очень надеюсь, соглашение, только что подписанное, сделает русских и английских солдат настоящими братьями по оружию. – Посол вежливо поклонился и направился к выходу.

Но хозяин кабинета окликнул его:

– Господин Криппс, я прошу вас задержаться и уделить мне ещё несколько минут.

Гость обернулся и не мигая смотрел на хозяина кабинета.

Спустя минуту, когда за последним корреспондентом закрылась дверь, главнокомандующий отодвинул занавеску и ткнул концом знаменитой трубки в огромную карту.

– Давайте поговорим с вами об Иране. Я хорошо помню, как месяц назад вы громко хлопнули дверью и спешно покинули Москву. В тот момент отношения между нашими державами были на грани разрыва. Но сейчас у нас с вами общий враг. Мощный, хитрый, коварный. Поэтому не будем терять времени. Давайте назовём первую советско-британскую операцию красивым словом «Согласие». Доложите, пожалуйста, руководству вашей страны следующее...

Берлин. Совещание в ставке фюрера. Лето 1941 года

– Позволю себе сообщить присутствующим здесь господам следующее: влияние рейха в Иране можно без преувеличения назвать колоссальным. Наши крупнейшие концерны принимают участие в модернизации экономики и инфраструктуры этой страны. Лучшие офицеры успешно реформируют армию шаха по немецкому образцу. А наиболее способные персы проходят стажировку в вермахте. Некоторые из них даже вступают в ряды нашей партии, полностью разделяя её идеи. Кстати, иранская казна принимает самое непосредственное участие в оплате некоторых наших военных расходов.

Весьма успешно осуществляют свою деятельность и разведчики господина Канариса. Железные дороги этой страны обслуживаются проверенными людьми. Мы даже построили в их столице район под названием «Нациабат», то есть «город нацистов». Скажу больше: германские идеологи объявили персов чистокровными арийцами, вывели всю нацию из-под действия закона «О расовой неполноценности». И самое главное! На севере страны при поддержке местных властей мы форсированно создаём разведывательно-диверсионные группы и склады оружия в непосредственной близости от границ СССР. Иран вполне может рассматриваться нами как основная база немецкой агентуры на Среднем Востоке. Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: государство полностью пропитано арийским духом и будет неукоснительно следовать в фарватере нашей политики! Плацдарм для вторжения в богатые нефтеносные районы Советского Союза успешно создан! Зиг хайль!

Лондон. Лето 1941 года

Черчилль опустил недокуренную сигару в пепельницу, откинулся в кресле и кивнул посетителю.

– Дилл, докладывайте. Что там у вас по Кавказскому театру военных действий?

– По имеющимся у нас агентурным данным, немцам понадобится максимум две-три недели, чтобы окончательно разобраться с Украиной и перекинуть все войска на советский Кавказ. Не надо вам объяснять, что за этим последует!

– Я так полагаю, что в распоряжении вермахта окажутся нефтепромыслы Грозного и Баку, – буркнул премьер-министр и потянулся за своей недокуренной сигарой.

Начальник имперского генерального штаба продолжил:

– Немцы, овладев огромными запасами топлива, снабдят им войска, и тогда судьба нашей страны будет печальной. Предлагаю незамедлительно нанести упреждающий удар.

– Вы в своём уме, фельдмаршал? Бомбить территорию союзника?

– Осмелюсь вам напомнить, господин премьер, что в июле прошлого года мы без предупреждения атаковали эскадру французов в алжирской гавани Мерс-эль-Кебир лишь только для того, чтобы она не досталась немцам. А погибшие при этом тысяча триста моряков – это всего лишь неминуемые жертвы войны. Так чем же французская эскадра отличается от русских нефтепромыслов?

Москва. Кремль. Конец лета 1941 года

– Товарищ Фитин, мы вас внимательно слушаем. Какие ещё сюрпризы можно ожидать от союзников?

Начальник разведуправления вскочил с места. Хотел было открыть папку, но передумал и, приняв стойку «смирно», произнёс:

– Согласно поступающим агентурным данным, английское командование получило приказ на организацию специальной операции. Кодовое название «Миссия N 16 (Р)».

– Что это ещё за «Р» такое? – перебил докладчика Сталин.

– Разрушения наших кавказских нефтезаводов, товарищ Верховный главнокомандующий. Они очень боятся, что фашисты их захватят.

Кроме того, британцы создают в Сирии и северном Иране отряды из армян и курдов

для наземной операции. Задача – организовать диверсии на заводах и нефтепроводах в случае оккупации Азербайджана.

– Садитесь, Фитин. Мне об этом Криппс открыто говорил. Переживают за свой остров. Я его вежливо поблагодарил за заботу. Сказал, что мы проблему Баку решим сами. Тогда они предложили Советскому Союзу компенсацию. То есть хотели выкупить у нас нефтяные промыслы. Или, если перевести их депешу дословно, компенсировать валютой потери от их уничтожения. Кроме того, обещали вдобавок поставлять нам нефть в объёмах, необходимых Красной армии. И ещё подарить танкеры и буровые установки. В общем, много чего обещали. Товарищ Толбухин, – хозяин кабинета повернулся к начальнику штаба Закавказского военного округа, – как идёт работа по выполнению директивы «О мероприятиях по предотвращению переброски с территории Ирана агентуры германской разведки»? Дипломаты мне доложили, что, согласно договору между Советским Союзом и Персией от 1921 года, мы можем ввести войска, если там будут создаваться базы противника и возникнет угроза вооружённого конфликта. Я всё правильно излагаю, товарищ Молотов?

– Да, товарищ Сталин. Мы уже трижды отправляли ноты в Иран, извещая об активизации у них немецкой агентуры. Предлагали незамедлительно выдворить за пределы государства всех германских подданных. В Тегеране эти требования проигнорировали.

– А англичанам тоже отказали? – усмехнулся сквозь усы Сталин.

– Насколько мне известно, да.

* * *

Утром канонерская лодка англичан атаковала порт Абадан, потопив судно береговой охраны. После этого иранские патрульные корабли капитулировали.

Два британских батальона, перейдя реку Шатт-эль-Араб и не встречая сопротивления, захватили нефтеперерабатывающий завод и ключевые узлы коммуникаций.

Шахская авиация была полностью уничтожена в первые дни операции «Согласие».

От границ СССР в глубь территории Ирана двигалась Красная армия. Солдаты и офицеры были соответственно экипированы и подготовлены к ведению боевых действий в местных условиях. Не одну неделю они день и ночь занимались боевой подготовкой на аналогичном рельефе местности. С моря их поддерживала Каспийская флотилия. Персы почти не оказывали сопротивления и при встрече с русскими дружно сдавались в плен.

Через семьдесят два часа советские и английские войска вышли к заранее согласованной линии встречи. Оккупация Ирана была завершена.

Союзники первым делом поменяли руководство страны. Новый премьер-министр, вступив в должность, немедленно отдал приказ «О прекращении всех военных действий». Тут же началась высылка из страны всех германских подданных, а заодно и граждан других стран, союзников Берлина. Шах Реза Пехлеви отказался утвердить эти документы. И его быстро убедили по-хорошему отречься от престола и уехать куда подальше. А именно на самый юг Африки, в ЮАР.

* * *

Супруга отложила бумаги в сторону.

– Что? Там слишком много ошибок?

– Конечно. Во-первых, я не нашла ни слова о Тегеранской конференции.

– Дорогая, не заставляй меня пересказывать то, что и так всем хорошо известно. В конце концов есть великолепный фильм «Тегеран-43», между прочим, с твоим любимым Аленом Делоном...

– Пап, – не дал мне закончить Артём, – если ты не забыл, у меня ведь курсовой по ленд-лизу! И при чём тут какой-то Иран и его оккупация?

– А ты сам не хочешь ответить на свой вопрос? Будь добр, набери в поисковике всего два слова: «Персидский коридор».

Пару минут сынуля рылся в своём планшете. Потом поднял голову и удивлённо произнёс:

– Ух ты! Вот это да! Оказывается, в Хоррем-шехре были возведены авиационный и автосборочный заводы, а в порту Бушир из американских комплектующих собирали «виллисы», «доджи», «студебеккеры» для поставок в нашу страну. Работали на них персы, а принимали готовую продукцию советские военспецы. И именно они категорически потребовали улучшения условий труда рабочих! Заставили союзников построить барачные городки, улучшить питание, ввести сдельную оплату труда! Но и потребовали серьёзно штрафовать виновных за производственный брак.

– А я где-то читала, что через Иран и Каспий в нашу страну доставлялось почти тридцать процентов поставок по ленд-лизу. И это был самый безопасный маршрут, – внесла свою «лепту» в наш разговор супруга.

– Так, родители! Стоп! Дальше я сам. Курсовой ведь мне задали. А за помощь гран мерси. Кстати, мамуль, а где у нас лежит диск с «Тегераном-43» с этим, как его... с Делоном Али?

ГОЛУБИ МИРА

Не знаю, как современная молодёжь, но люди моего поколения, разбуди их даже глубокой ночью, не задумываясь, мгновенно ответят на вопрос, что или кто является символом мира:

– Рисунок Пикассо. Голубь белый. Будь он трижды неладен, – буркнет мой современник и не мешкая ни минуты бухнется обратно на подушку досматривать прерванный сон. Возможно, даже о том, как когда-то, очень давно, всего-то на пару недель был немного приподнят «железный занавес». Ради Всемирного фестиваля молодёжи и студентов одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года.

* * *

Жителям Москвы предписывалось разводить птиц мира на голубятнях, срочно возводимых на предприятиях, в школах и высших учебных заведениях.

* * *

Впрочем, рассказ мой совсем не об этом. И всё нижеизложенное со знаменитым фестивалем объединяет разве что фамилия того самого знаменитого испанца.

* * *

С момента, когда над столицей было выпущено одномоментно десятки тысяч голубей, прошло тридцать лет. И ваш покорный слуга вместе с группой советских специалистов оказывал посильную интернациональную помощь на одном из хлебоприёмных предприятий Монгольской Народной Республики.

В один не очень хороший, можно даже сказать, паршивый субботний день в наше «лежбище», то есть в строительный вагончик, вошёл элегантный господин в костюме отличного «буржуазного» покроя.

– Я есть имею честь предложить господам маленький гешефт. То есть, как это будет по-русски... мелкий бизнес.

Присутствующие, немедленно прекратив нешуточные шахматно-шашечные баталии, не мигая смотрели на пришельца из далёких «западных» мест.

– Имею представлять в этом государстве швейцарское консульство. Где иметь место

проходить знаковое событие. Выставка Пикассо. Нам есть ошень необходим голуби. У вас здесь их много есть. Понедельник я снова приезжать. И платить один доллар за один белый голубь. – Для наглядности господин вытащил из кармана монету, но не с изображением птицы мира, а совсем даже наоборот. С орлом! И убедительной надписью United States of America.

* * *

На следующий день все совспециалисты, несмотря на законный и единственный выходной, разом вспомнили, что у них имеются крайне неотложные дела на объекте.

А ещё через час были извлечены из глубин памяти навыки изготовления рогаток, стрелялок и прочих мальчишеских приспособлений для ловли и отстрела пернатой живности средних размеров.

Охота вышла более чем удачной. Разжиревшие на пшенице и прочих злаковых культурах голуби с большим трудом поднимались в воздух и практически не оказывали достойного сопротивления при ловле их голыми руками и другими подручными средствами.

Возвращаясь вечером домой, каждый из нас в голове строил грандиозные планы. Как получше реализовать неожиданно свалившуюся на голову свободно конвертируемую валюту в заветном магазине, её принимающем.

В понедельник перед воротами предприятия возвышалась небольшая пирамида из тушек пернатых. Поодаль выстроились в ряд многочисленные самодельные клетки с живыми особями.

Местное население высыпало из юрт и с интересом наблюдало за действиями высококлассных инженеров, прикомандированных из соседнего государства.

* * *

Швейцарец не заставил себя долго ждать. Опираясь на массивную трость, вышел из столь же массивного лимузина. Его самообладанию мог бы позавидовать любой шпион (или разведчик, это кому как нравится). Только резко увеличившиеся в размерах глаза выдавали крайнюю степень его удивления.

Господин долго вышагивал вдоль живых и мёртвых птичек. Наконец ловко подцепил тростью одну тушку. Быстро вырвал у неё пару серых пёрышек.

– Эта есть годится. Отвезу. Как это по-вашему звучит... чучельнику. Таксидермисту. Она есть украсит выставку. И этого хватит. Я, помнится, просил один питыц. Экспозиция. Белый голубь. Питыца. – При этих словах он опустил в карман стоящего рядом инженера сверкающую монету.

* * *

Прошла минута, другая. И уже не только глаза, но громкие, весьма разнообразные, непереводимые словосочетания выражали крайнюю озабоченность посланников Страны Советов.

* * *

А ещё через день представитель монгольского департамента зачитал бичиг, то есть официальную бумагу, если по-нашему.

* * *

За проявленную смекалку в деле спасения урожая зерновых от поедания птицами монгольская сторона выражает благодарность группе советских специалистов. Департаментом хранения было подсчитано, что тагтаа (то есть голубь) только на этом предприятии поедал ежедневно до тысячи килограммов ценного зерна, засоряя оставшееся продуктами своей жизнедеятельности.

А посему всем сотрудникам, участвующим в данном мероприятии, предоставляется возможность отдохнуть в монгольской Швейцарии, месте под названием Горхи-Тэрэлж, у берегов реки Туул.

Ну что вам сказать про это чудо природы... Швейцария, она Швейцария и есть. Пусть даже монгольская.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал №2 (29) февраль 2019

СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ НАРОДА – СОХРАНИТЬ РОССИЮ

Прошла война,
Прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан, чтобы поддержать дружественный режим и уйти через полгода или год. Однако для СССР всё обернулось иначе. Началась долгая война.

Афганистан всегда был боевой точкой на карте. Англия ещё в XIX веке претендовала на влияние над этой территорией. В двадцатом веке Америка стала использовать Афганистан для противостояния СССР. Война, унёсшая около 15 000 жизней, сотни и тысячи раненых, инвалидов, искалеченных судеб. Сухая статистика называет цифры потерь в живой силе, но не учитывает последствий.

В одном из советских фильмов о войне с Японией под названием «Приказ перейти границу» сибирским старообрядцем, солдатом были сказаны слова: «***Мы-то как считать-то привыкли. Вот убило, дескать, одного человека. А я думаю, не так. Неверно! Заодно всех его детей убило, ещё не родившихся. И внуков, и правнуков. С ним все потомки его на сотни лет вперёд сгинули***». Если взглянуть в будущее, мы поймём, что не 15 000 погибших в ходе выполнения интернационального долга в Афганистане, а намного более. Это – 15 000 загубленных поколений. Это – сотни тысяч исчезнувших жизней, ушедших в небытие.

АФГАН – ЭТО ПРОШЛОЕ С ЭХОМ В БУДУЩЕЕ

Как бы мы ни рассуждали об Афганской войне, это страница нашей истории, которую

мы никогда не вправе забывать. Её составляют судьбы конкретных людей. Кто-то жил среди нас и живёт сейчас. Солдаты-герои, вовлечённые в водоворот событий тех времён, вошли в историческую память русского народа. Это наше прошлое, нас всех, кто считает себя причастным к ответственности за судьбу России. Это голос сильного духа из прошлого, разговаривающий с нами в настоящем. Голос, проникающий эхом в сердце каждого человека, любящего своё Отечество!

Одна из пословиц говорит: «Человек без сильного духа словно стебель без корней. Любой ветер собьёт его с ног». Война в Афганистане показала силу духа и стойкость, верность долгу и боевое братство наших солдат. Не они выбирали свой путь. Для них пришло время выполнить приказ, и они это сделали с честью и достоинством. Как писал Александр Кушнер, «времена не выбирают, в них живут и умирают». С честью исполняя свой долг, воины следовали своему предназначению и стали героями прошлого и настоящего времени. Пришло наше время сохранить память о них в веках для будущих поколений, для славной боевой истории нашего Отечества! Сохранить историческую память народа не только в книгах и фильмах, но в душе и сердце каждого, чтобы она передавалась «на генном уровне».

О ПАМЯТИ В СЕРДЦЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Память – это наша история. Какой будет взгляд на историю у молодого поколения, такое будущее ждёт нас, наших детей и внуков. Слова «интернациональный долг» для молодых уже ничего не означают. Это в прошлом, а в настоящем становятся популярными слова «совок», «ватник». Меняются ценности и нравы. Вместе с этим меняется и будущее.

В современном обществе море противоречий, в котором неопытные умы могут утонуть или выплыть. Но на какой берег? На берег врага России или на свой? Патриотизм уничтожается с усердием и настойчиво в душах молодёжи. Будущему обществу, по замыслу недругов России, нужны послушные и программируемые граждане, забывшие свою историю и деяния предков. Время подвигов наших дедов в Великой Отечественной войне, время подвигов солдат Афганской войны сейчас грубо называют «совком», инструментом для уборки мусора. В противовес американской послевоенной доктрине, насаждаемой обществу для развала нашей отечественной истории, для уничтожения памяти народа, мы должны не только сохранять патриотизм, но и укреплять его.

России нужны граждане, искренне любящие свою Родину, почитающие традиции дедов и прадедов, способные в любую минуту встать на защиту Отечества. Если молодому поколению будут знакомы чувство любви к своему народу, гордости за него, сопереживания его потерям, волнения за прошлое и

настоящее – это станет фундаментом патриотизма, который строят и герои Афганской войны.

Жизнь советского солдата на афганской земле должна стать для юного поколения ярким примером любви к Родине, героического подвига, моральной стойкости и силы духа. Соприкосновение с такой личностью будет формировать в молодёжи истинный патриотизм.

МЫ ПОМНИМ – МЫ ЧТИМ!

Воины-интернационалисты. Когда-то они были молодыми парнями и девушками. Сейчас они уже стали отцами и дедушками, матерями и бабушками. Рядом с ними живут их дети и внуки. Гордость за дела своих предков, искреннее желание быть похожими на них – патриотизм, подтверждённый на генном уровне, который уничтожить нельзя. Это особое состояние семейной преемственности героического подвига. Быть и стать, как они, верно защищать своё Отечество.

Поле битвы сейчас не имеет границ. Враг Святой Руси проникает во все области нашей жизни. У каждого из нас есть место, где мы должны стоять в строю, защищая дар наших предков под названием Россия. Наш долг – сохранить Родину такой, какой передали нам её наши деды и прадеды, отцы и матери, герои Великой Отечественной войны и Афганистана. Сохранить назло нашим врагам, внешним и внутренним. Если мы не сохраним Россию, не воспитаем любовь к Отечеству, верность ему в будущем поколении, если мы забудем прошлое, соглашаясь с подменой и искажением нашей истории, традиции и культуры, – мы станем на сторону тех, кто беспощадно уничтожает нашу историческую память, наше национальное самосознание.

В памяти потомков должна сохраниться глава российской истории, написанная о подвиге воинов-интернационалистов. Они живут рядом с нами. Участники многочисленных конфликтов, те, кто прошёл Афганистан, а также Чечню, Карабах, Приднестровье, Боснию, Косово, Южную Осетию и др.

Рядом с нами живут и их родители. Низкий земной поклон вам, матери и отцы, воспитавшие героев. Для вас память о сыновьях – это маленькие распашонки, фотографии из детских альбомов и сердечная боль об утрате. Для нас это обязанность и долг помнить о ваших детях, ушедших героями с полей сражений.

Хочу напомнить слова Михаила Алексеевича Рязанцева, отца героя Юрия Рязанцева, погибшего под Ишкашимом 24 июня 1986 года в возрасте 23 лет:

«Наши дети знали, что такое Родина, честь, долг. Сейчас молодёжь рассуждает иначе: Родина там, где тепло, светло и сытно. Раньше солдаты так не думали. Я сам инвалид Великой Отечественной, знаю, что пережил мой сын. Когда Юра ушёл служить, он присылал письма со словами: "Теперь мой долг, чтобы твоя война, папа, стала для нас последней..."»

Ангела-хранителя вам, дорогие наши герои Афганской войны! Земной поклон и сердечная благодарность вам, матери и отцы, воспитавшие достойных сыновей своего Отечества!

Игорь МАРТЫНОВ,
атаман Межрегиональной общественной организации «Союз донских казаков»

Алёна МОРОЗОВА

ЗА ВСЕХ, КОМУ СУДЬБОЙ БЫЛ ВЫПИСАН АФГАН...

Я чувствую войну и, как забыть, не знаю.
Так сложно и так просто. В мозгах горит она!
Я помню каждый миг. Мне не забыть, я знаю.
И продолжает сниться мне ушедшая война.

Ушёл Афганистан, но горы не забыты.
И больно вспоминать Панджшер, Саланг, Кабул.
Да фото чёрно-белые нечётки и размыты.
Хранится больше в памяти, на многое – табу.

«Служил в Афганистане!» – звучит почти
как песня.
Так чётко и красиво, и тянется душа...
И жаль до бесконечности, что мы уже
не вместе,
Мои однополчане, родимые друзья.

А жизнь нас раскидала по городам и весям.
По-разному сложилось, у всех своя судьба.
Но помним нашу службу и помним
наши песни.
Сплотила нас навечно Афганская война.

По воздуху «пахал», как помню,
в той вертушке,
Обкладывая пол бронёй, чтоб пронесло.
Ведь «духи» не дремали, востро́ держали ушки.
А как долбали, Боже! Вот было западло́!

Мы брали караваны и «ниточки» водили.
А «Мухамме́дку» помнишь? Страшнее только ад.
Я не скажу за всех, но и проколы были.
Да как же и без них ? А жив – уже и рад.

Всего не перечислить за 10 лет в Афгане.
Как много наших судеб через него прошло!
Остались наши души в Кабуле, Кандагаре.
Как странно, что так больно, что это всё ушло.

Кто в Хайратон попал, кому Гардез достался.
Афганский край широк, объятья горячи.
Я памятью своей на той войне остался,
Хоть дальше и живу, и отдаю долги.

Я продолжаю жить. Живу за вас, ребята,
Которые в «Тюльпане» вернулись к матерям.
Я продолжаю помнить... о вас, мои солдаты,
Я продолжаю жить за тех, кто умер там.

За тех, кто не увидел жену свою и сына.
За тех, кого забрал тогда Афганистан.
За тех, кто умирая, шептал любимой имя.
За всех, кому судьбой был выписан Афган...

ВЕСНА В АФГАНЕ...

Не поймёт никогда нас с тобою гражданский...
Не поймёт, даже если понятны слова.
Как писали с тобой рапорта в край афганский...
И что значило там это слово – «весна».

Не поймёт нас с тобою, да нам и не надо.
Чтобы это понять – надо это пройти.
Мы сегодня живые – вот этим и рады.
Не забудем Герат. Будем помнить Газни.

Будем помнить «зелёнку», пыль и жажду
в пустыне.
Горы, выше которых одни небеса.
Где на фото Кабул, Кандагар – там отныне...
Навсегда... мы оставили наши сердца.

Всех названий так много... И каждый,
кто был там,
Видел, знал и прошёл свой особый Афган.
Кто не может забыть «Ложкарёвку»
с Шиндандом,
А кому-то приснился сегодня Баграм.

Кто пылил на «броне»,
кто в «буханках-таблетках».
Кто носил на себе миномёт, АГС.
Мы ж с тобой боевые – сверху до́низу
в «метках».
Руки в памяти держат родной АКС.

Помнит каждый, кто был там,
кишлаки и дуканы.
Уходили мы вместе, вернулись не все.
Мы писали, что живы. Дома ждали
нас мамы.
И молчали о том, что не скажешь в письме.

Не забудет Афган, кто прошёл эти тропы.
Тот, кто мёрз на Саланге, кто пёкся в песках.
На душе вечным боем записаны ноты… –
Недопетые песни в афганских горах.

Не поймут нас. Ну что же…
Пусть так оно будет.
Объяснять бесполезно. Лишь тот, кто там был,
Кто отведал с лихвою афганских тех судеб,
Кто не раз третий тост за погибших там пил,

Только тот, кто вернулся с войны поседевшим,
в своём теле осколки как память храня,
Кто не будет уже никогда больше прежним,
Для кого колыбельной звучала броня…

Тот без слов понимает, окинув лишь взглядом.
Потому что родное… Не забыть никогда.
Обожжённый войной, закалённый Афганом,
Для кого столько значило слово… «весна».

ТЫ ВОЕВАЛ…

Ты воевал. Я знаю, брат.
Ты воевал на самом деле.
Ты цену знаешь. Знаешь ад.
И потому вдвойне больнее…
Смотреть на «псевдо», видеть сны,
В которых гибнут те, кто дорог.
Как отголоски той войны –
На пальцах ощущать тот порох…
Ты знаешь цену. Потому
Тебе противна фальшь пустая.
Ты знаешь правду про войну.
Ты знаешь, что война другая.
Её не выкинуть в окно…
Не позабыть! Как ни старался!
Я буду помнить всё равно…
Вас, дорогих, кто улыбался.

Во сне придёте… Как тогда…
Закурим вместе, будто живы…
Нас повстречала та война…
И та война разъединила.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ НА ВОЙНУ

Я знаю, что ты хочешь на войну.
Там настоящее и ты был настоящий.
Ты в памяти хранишь свою весну
И видишь БТР, подбитый и горящий.

Ты хочешь возвратиться в этот ад.
Ты хочешь снова быть с друзьями вместе.
Делить последнее ты с ними рад.
В них нету фальши, нету лжи, нет лести.

Ты снова хочешь быть на том краю.
Сквозь расстояние кричит передовая!
Оставил ты своих друзей в бою.
Они уже не возвратятся с того края.

Ты ранен был. И это не твоя вина.
Хотел остаться с ними навсегда, навеки.
Ты выжил, а они ушли. Война
Им навсегда собой закрыла веки.

Ты засыпаешь ночью – снятся их глаза.
Ты слышишь смех и видишь эти лица.
И глупая тревожит сон мечта:
«Ах, если время бы могло остановиться!»

Здесь не стреляют – мир и тишина.
Нет взрывов и не слышно воя «Градов».
Но ма́нит и зовёт тебя война
В кромешный ад из рвущихся снарядов.

Спокойно здесь. А там идёт война.
Зовёт тебя. Ведь ты там настоящий.
И мозг сверли́т тебе твоя Весна…
И видишь БТР, подбитый и горящий…

https://www.stihi.ru/avtor/alenamorozova

Валентина ДОРОЖКИНА

Где только нет сынов твоих, Россия!
Они сражались, побеждая зло...
В Отечественной сколько покосило,
В войне афганской сколько полегло?!
Пусть несопоставимы эти войны
И несравнима численность потерь,
Но сыновья отцов своих достойны.
Они лежат в одной земле теперь...
Какая вера и какая сила
Их повела в последний смертный бой?..
Между Афганистаном и Россией
Лежит пространство под названьем Боль.
Она с годами – нет, не утихает:
По всей земле убитые кричат!
И зарево кроваво полыхает
Над братскими могилами солдат...
Оставшиеся будут неустанно
Бессмертный подвиг молодости славить...
Между Афганистаном и Россией
Лежит пространство под названьем Память.

Геннадий ШЕХОВЦОВ

АФГАНСКИЕ РАНЫ

Женщина плакала горько, чуть слышно,
Ветер холодный стонал за спиной,
Падал снежок невесомый, пушистый,
Таял, стекая с солёной волной.
Ты расскажи мне, что там тебе снится,
Кажется мне, что ты рядом, живой.
Мне, моя радость, давно уж не спится,
Хочется встретиться маме с тобой.
Только Господь не дает нам свиданья,
Не отпускает меня Он в полет,
Значит, не все я прошла испытанья,
Что Он на наши головушки шлет.
Солнечным утром, как черные птицы,
В дом залетели осколки войны
Из раскаленных песков заграницы,
Где умирали отцы и сыны.
Ты не ругай меня сильно, сыночек,
Что довелось мне тебя пережить,
Черное платье и черный платочек,
Видно, мне вечно придется носить...
У изголовья – любимое фото,
Воет метель, словно раненый зверь,
Будто в дорогу зовет меня кто-то
И барабанит в закрытую дверь...
Сердце разбитое в бездну летело,
Слушая ангелов светлый напев.
Женщина плакала тихо, несмело,
К небу бессильные руки воздев.

Василий ЛЕВАШОВ

ПАМЯТЬ АФГАНА

Ушёл Афган... Давно Афгана нет.
И жизнь легла в совсем ином промере:
Термезский мост – последний парапет,
В душманский ад навек закрыты двери.
Но вряд ли так. Жива твоя печаль
По тем горам, барханам и селеньям.
На лик России чёрная вуаль
Легла непреходящим откровеньем.
Сказать, что жаль, – почти что не сказать,
Сказать, что больно, – горько усмехнуться.
И как ни плакать, как нам ни рыдать –
Ребята из Афгана не вернутся.
Ушли друзья... кто днём, а кто – в ночи,
Подставив грудь душманскому коварству.
И вечно голос внутренний кричит,
И где предел душевному мытарству?
Кто выжил там, порой себя корит,
Как будто виноват в таком исходе.
И сердцу больно, и душа горит,
И вечно нервы на последнем взводе.
Героев много... трудно перечесть –
Ничем не умалить печаль Афгана.
И вспомнить всё – пожизненная честь,
Ведь только память лишена обмана.
Привет, друзья! Вы здесь, всегда со мной.
И вышло так, что я теперь не с вами.
Афган пролёг кровавою тропой
За чёрными душманскими горами.
И всякий раз, как вспомню я друзей,
На мир гляжу суровыми глазами.
«Привет, ребята!» – я шепчу ясней
Сухими и горячими губами.
Кто вам сказал, что уж Афгана нет,
Что он ушёл... и боль не повторится?
Термезский мост – последний парапет,
А дальше чуть – мальчишек наших лица.

Борис УРАНОВ

ВЫВОД. 1989 ГОД

Седую пыль дорог Джелалабада
К родному пограничью я принёс.
Здесь отряхну – чужого ей не надо,
Земле, меня заждавшейся до слёз.

Переступлю заветную границу,
К земле родимой прикоснусь щекой.
И оглянусь. И вновь увижу лица
Друзей, навеки остановленных войной.

Солдатский долг исполнен ими свято,
Ценою жизни выполнен приказ.
Лишь об Отчизне думали солдаты
В свой смертный час, в последний
скорбный час.

Узбекским солнцем строй солдатский залит,
Оркестров медь бесхитростно звонка.
Багрец знамён ярится на медалях,
Всё позади, всё радостно пока.

Нам весело, но знаем мы заранее:
Тебе известно, и ему, и мне –
Как лезвия остры воспоминания,
Безжалостные были о войне.

Переступлю заветную границу,
К Отчизне милой грудью припаду
И оглянусь. И вновь увижу лица
Друзей, верней которых не найду.

Солдатский долг исполнен ими свято,
И песни будут сложены про них,
Но разве мать погибшего солдата
Простит меня за то, что я в живых?

Я жив, но помню, тщетны все старания
Забыть о том, что ранит душу мне.
Нам до конца нести в сердцах воспоминания –
Безрадостные были о войне.

Мария ДАНИЛКИНА

А ЖИЗНЬ НАМ ДАНА...

Перекати-поле от ветра взметнулось
И понеслось в пустынную даль.
Где-то в песках Афганистана
Тихо догорал подорванный танк.

Группа ребят стояли молча в сторонке,
Уж издали видно печаль в их глазах:
Смотрели они на бездыханное тело,
Не было с ними шестого бойца.

На мине подорван в неравном бою он,
Чудом живыми остались они.
Горечь досады сковала сердца.
Не могут спасти, уж нет его с нами.
Не повернуть время вспять никогда...

Тут один из солдат предложил:
«Давайте закурим, и горе утихнет!»
Сержант некурящий ответил ему:
«Курением шестому не помогли б мы,
Его уход из жизни мне не забыть!
Мы сильные, мы переживём всё
И больше не допустим войны».

А жизнь нам дана не для вредной привычки,
Которая нашу судьбу сократит.
Силён не силач, тонны масс поднимавший,
Лишь тот, кто под невзгодами судьбы
Не соблазнился на коварные привычки
И кто благим своим примером
Людей повёл бы за собой...

Михаил Данилкин

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РАЗРОЗНЕННОСТЬ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ БОЛЕЗНЕННЫХ ТЕМ В СОЦИУМЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. ЭТА ТЕМА ТРЕБУЕТ АКТИВНОЙ ПОЗИЦИИ НЕ ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР, НО И НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ, КУЛЬТУРНЫХ, ПРАВОСЛАВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Собственно, этой проблеме и посвящена прошедшая в Луганске XIII Международная научно-практическая конференция «Восточнославянская цивилизация: история и перспективы. К 365-летию Переяславской рады», организованная Министерством образования и науки Луганской Народной Республики, Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко совместно с Союзом писателей России, Всемирным русским народным собором (ВРНС), Союзом социальных предпринимателей ЛНР, Центром Фёдора Ушакова, Луганской писательской организацией им. В. И. Даля.

Участники форума вспомнили о тех сложнейших условиях, в которых Богдан Хмельницкий и царь Алексей Михайлович Романов нашли возможность для решения вопроса единства наших народов. Учёные, писатели и общественные деятели в ходе дискуссии указали на существующие параллели событий того времени и современности, обсудили имеющиеся политико-правовые проблемы, возможные варианты экономического развития славянского мира в условиях современных реалий, затронули проблемы образовательного сотрудничества, единства церкви и семьи славян, общности культурно-исторических корней межславянских отношений.

Открытие работы конференции началось с возложения цветов к памятнику Тарасу Шевченко на территории Луганского национального университета имени Т. Г. Шевченко.

По итогам форума участники конференции приняли меморандум «В единстве наша сила!».

В ЕДИНСТВЕ НАША СИЛА!

Меморандум участников дискуссии, посвящённой 365-летию Переяславской рады

В тревожные дни, когда решается судьба не только России и Украины, но и Православной веры, и всей нашей Восточнославянской цивилизации, мы требуем твердой и ответственной позиции Организации Объединенных Наций в деле защиты прав Украинской Православной Церкви Московского патриархата, её священноначалия и прихожан.

В 2014 году, совершив руками фашиствующих молодчиков государственный переворот в Киеве, украинские политики, поставленные у руля управления Украиной кураторами США и их европейских сателлитов, перешли в открытое наступление по главному направлению – уничтожению духовного кода нации, разрушению цивилизационного фундамента – канонической Православной Церкви на Украине.

Всё началось тогда, с первых законов, принятых под дулами автоматов Верховной Радой, позволяющих громить символы Победы над фашизмом, сжигать людей в Доме профсоюзов в Одессе, взрывать и жечь храмы Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, делить народ на свидомых и неверных.

Сегодня нацистская идеология уже действует повсеместно.

Преследуются все и вся, кто говорит по-русски, кто читает слова Тараса Бульбы: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! ...Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. ...Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может! ...Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!» – из одноименной повести Н.В. Гоголя и мыслит, как атаман.

Гонения на православных людей и ущемление их прав, издевательства, физическое преследование было не только в XIII–XVI веках, о чем мы читаем у Гоголя: «Слушайте!.. еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украйне в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан...» – гонения сегодня повсеместны в украинском обществе, начиная с простых мирян и заканчивая архиереями.

Своими нацистскими выходками киевские власти уничтожают и украинский язык, и украинскую культуру, и мы, славяне, должны защитить русскую и украинскую культуру от насилия, сохранить наше духовное поле для потомков.

Разве это не одичание, что в XXI веке – человек лишен права говорить и мыслить на своем языке?!

Не значит ли это, что скоро, как во времена инквизиции, заполыхают на площадях костры, где будут сжигать людей и древнерусские богослужебные книги?

Циничными выглядят сегодня окрики константинопольского расколоучителя Варфоломея о незаконности территориального присутствия Русской Православной Церкви в суверенной Украине, который десять лет назад, прогуливаясь по Крещатику, украшенному оуновскими знаменами, утверждал, что нет никакой иной Церкви в Украине, кроме Украинской Православной Церкви Московского Патриархата во главе с Блаженнейшим митрополитом Владимиром.

В результате грубого попрания канонов Православной Церкви Константинопольский синод вслед за униатами и кооперативом

Михаила Денисенко образовал в Киеве еще одно раскольническое учреждение с центром в Андреевской церкви, построенной под руководством московского архитектора Ивана Мичурина по приказу императрицы Елизаветы Петровны в 1749–1754 годах на месте, где, согласно «Повести временных лет», апостолом Андреем Первозванным был воздвигнут крест.

Ничего нового эти деяния в нашей истории не открывают. Достаточно вспомнить слова гетмана Богдана Хмельницкого 8 января 1654 года в Переяславе на тайном старшинском совете запорожского казачества: «...Панове Полковники, Ясаулы, Сотники и все войско Запорожское, и вси православнии Християне! ведомо то вам всем, как нас Бог свободил из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все Христианство нашего православия Восточного, что уже шесть лет живем без Государя в нашей земли в безпрестанных бранях и кровопролитиях с гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божию, дабы имя Руское не помянулось в земли нашей, что уже вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жити боле без Царя; для того ныне сбрали есмя Раду, явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали Государя из четырех, которого вы хощете; первый Царь есть Турский, который многажды чрез послов своих призывал нас под свою область; вторый Хан Крымский; третий Король Польский, который, будет сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть Православный Великия России Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея России Самодержец Восточный, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим; тут которого хотите избирайте...» – и наши предки приняли единственно верное решение, и мы не можем равнодушно взирать, как разрушаются нацистами храмы, как подвергаются репрессиям православные люди, и тоже должны сделать свой выбор...

Никакие экономические санкции, никакая международная изоляция не опасны так, как реанимация коричневой чумы под видом «защиты свободы и демократии».

Мы хорошо помним, что точно так же и теми же лукавыми средствами в качестве оружия против нашей страны был взлелеян гитлеровский фашизм.

Мы помним не только о жертвах фашизма в Европе, но и о том, что вместе с германской армией воевали против нас благословляемые священством испанская «голубая» дивизия, итальянские армии, разгромленные под Сталинградом, отряды голландских фашистов, квислинговцы Норвегии, хорватские усташи, армия румынских грабителей Антонеску...

Мы не забыли, за что, кем и как был зверски убит Ярослав Галан...

Помнит ли цену своей свободы от фашизма Европа, заплаченную нами?

Где же помощь и участие Константинопольского патриархата православным детям и старикам, что ежедневно погибают от пуль и снарядов армии Порошенко на Донбассе? Куда вдруг подевалась «вся их прогрессивная забота» с «общемировыми ценностями»? Куда попрятались константинопольские миссионеры?

Можем ли мы сами допустить повторение геноцида ради политических интересов, ради тех, кто защищает свой бизнес, кто защищает свои руководящие должности, кто убивает наших людей, которые живут в мире с верой в Бога? Нет! Мы стояли и будем стоять за правду!

Именно поэтому мы, участники Форума, поддерживаем решение Священного Синода Русской Православной Церкви о прекращении молитвенного общения с Константинопольским патриархатом. Мы поддерживаем твердую волю и взвешенные шаги Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в деле защиты Святой Руси.

Нам внушает доверие уверенность Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в том, что весь Русский мир, народы России, Белоруссии и Украины имеют надёжную молитвенную защиту Русской Православной Церкви.

Мы, участники XIII Международной литературно-исторической конференции «Восточнославянская цивилизация: история и перспективы», посвященной 365-летию Переяславской рады, убеждены, что только в единстве наших народов мы можем выстоять и сохранить Восточнославянскую цивилизацию.

Луганск,
21 декабря 2018 года

ВОСПИТЫВАЯ ПАТРИОТОВ

Много внимания уделяется вопросам военно-патриотической подготовки молодёжи Центром патриотического воспитания им Н. Е. Рогожкина. Проводятся военно-спортивные игры, встречи с ветеранами, патриотические мероприятия.

Так, в начале учебного года 2018/2019 администрацией МБУ «ЦПВ им. Н. Е. Рогожкина» под руководством директора Д. О. Хромова совместно с управлением по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО МичГАУ были проведены военно-спортивные соревнования «Земля воинов». Этапы соревнований проводились и оценивались ветеранами локальных войн ЛРОО «Центр спортивно-патриотического воспитания и подготовки граждан «Альфа». Участники получили большой опыт в практической стрельбе, выживании в лесу, топографии, тактической медицине, сборке и разборке оружия и специальной физической подготовке. По окончании соревнований ребят накормили солдатской кашей. Выявили лучших в личном зачёте, наградив медалями и подарками.

Каждой команде вручили диплом об участии. Также соревнования «Земля воинов» проходили на базе Мановицкого филиала МБОУ «Новоникольская СОШ», в посёлке им. Калинина Мичуринского района. По инициативе руководства МБУ «ЦПВ им. Н. Е. Рогожкина» соревнования были приурочены к годовщине сражения Великой Отечественной войны 1941 года – битвы за Москву, ветераны поделились своим армейским опытом и знаниями, а представители ФГБОУ ВО МичГАУ подготовили исторический фильм и прочитали лекцию о битве за Москву по окончании этапов. В соревнованиях приняли участие: мичуринская СОШ № 7, Мановицкая СОШ, Никифоровская СОШ, Старохмелевская СОШ, первое место заняла команда «Дружина» Мановицкой школы, по личным зачётам были отмечены памятными подарками участники, показавшие более высокие результаты на этапах. Ветераны (судьи) за вклад в патриотическое воспитание были награждены благодарственными письмами и наручными часами.

МИЧУРИНСКИЕ ВЕТЕРАНЫ

Огромную работу проводят мичуринские ветераны-афганцы по увековечению памяти земляков, в её рамках продолжается установка памятных досок всем погибшим воинам Мичуринска. В настоящее время установлено 26 мемориальных досок. Эта работа показывает, что ни один из тех, кто внёс свою лепту в победу нашего народа, не будет забыт.

Возведена Аллея Памяти в СОШ № 7. 27 апреля 2007 года было торжественное её открытие, где присутствовали родственники погибших, воины-интернационалисты, представители общественности. С тех пор вошло в традицию: в День знаний, день рождения Аллеи и день последнего звонка школьники возлагают цветы к памятнику.

Был открыт музей памяти погибших в ДРА и Чечне в школе № 7 г. Мичуринска. В музее проходят дискуссии, встречи со знаменитыми людьми, памятные дни, литературные уроки. Дети ставят мини-пьесы об Афганской войне.

Приведены в порядок могилы погибших и умерших воинов-интернационалистов города Мичуринска и Мичуринского района.

Была издана «Книга Памяти» воинов-мичуринцев. В настоящее время выпущено четвёртое издание. Постоянное пополнение информации говорит о том, что организация не стоит на месте, никто не забыт и ничто не забыто. Книгу получили библиотеки города, школы, семьи погибших, ветераны, инвалиды. Вручал первое издание «Книги Памяти» командующий 40-й армией В. Ф. Ермаков.

Под непосредственным руководством Мичуринской организации ветеранов Афганистана к 100-летию Пограничных войск России в Мичуринске был открыт памятный знак.

Ветераны Афганистана уверенно смотрят в будущее, и уже в 2019 году откроется Музей боевой славы, в котором будут представлены экспонаты со всех локальных конфликтов.

68
ОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА
ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО ДОЛГ
Пограничникам Всех Поколений
Границы Родины
—священны и неприкосновенны!

СЕНИН
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
23.06.1973 - 16.02.2017

ПАМЯТИ ПАВШИХ

В конце 2018 года в городе Мичуринске у мемориала воинам-интернационалистам прошёл митинг, посвящённый вводу советских войск в Афганистан. Почтить память воинов, исполнявших воинский долг за пределами Родины, собрались военнослужащие, родители погибших, ветераны-афганцы, представители городской администрации, жители города. В этот день, 25 декабря, на мемориале появились новые памятные доски с именами двух военнослужащих, погибших при выполнении служебного долга, – Михаила Мацнева и Дмитрия Ломакина. Мы писали о жизни этих людей на страницах журнала «Александръ».

Михаил Мацнев родился в микрорайоне Кочетовка. По окончании обучения молодой лейтенант был направлен в Балашов начальником радиолокационной станции. Через 10 лет службы уже с семьёй вернулся в Мичуринск. Михаил Игоревич, находясь в военной командировке в Сирии, погиб в авиакатастрофе 6 марта 2018 года.

Дмитрий Ломакин уже в 14 лет решил, что станет военным. В 2000 году поступил в Московское общевойсковое училище. После обучения был распределён в Читу. В конце мая 2017 года отбыл в Сирию. 2 октября родители Дмитрия получили сообщение о том, что их сын, капитан Российской армии, геройски погиб при исполнении служебного долга.

По окончании митинга была совершена лития, возложены цветы и венки.

А через два дня, 27 декабря 2018 года, в Центральной городской библиотеке города Мичуринска состоялась презентация четвёртого сборника «Книги Памяти», который посвятили солдатам и офицерам – уроженцам города Мичуринска и Мичуринского района, – павшим в Афганистане, Чечне, Дагестане и Сирии.

В книге собраны материалы, рассказывающие о жизни и подвигах участников локальных войн. Как отметил в своём приветственном слове автор-составитель Анатолий Труба, это обновлённое издание дополнено новыми очерками о погибших солдатах – Михаиле Мацневе, Дмитрии Ломакине, Сергее Сенине, чьи мемориальные доски были открыты в нашем городе недавно.

В ходе встречи перед собравшимися выступили ветераны боевых действий в Афганистане Юрий Бабичев и Тамирос Хайрадзе, а также авторы-исполнители Ирина Корнилова и Сергей Павлов.

Книга разделена на несколько частей: «Афганистан», «Чечня и Дагестан», «Сирия», «Эхо афганской войны», «Память павшим – слава живым».

Сборник издан по заказу и на средства мичуринской местной организации Тамбовского регионального отделения «Российский

Союз ветеранов Афганистана», руководителем которой является Игорь Волков.

По окончании презентации Анатолий Труба и Игорь Волков вручили экземпляры книг заведующим городских библиотек, руководителям музеев и военно-патриотических клубов.